

Молодежь 80-х:
моя пятилетка.

ЗАБОТЫ
КОМСОМОЛЬСКОЙ
ГЛУБИНКИ.

Декабрист
Владимир
Раевский.

С НОВЫМ
ГОДОМ!

СМЕНА

ISSN 8756-2551

№ 24 (1406) декабрь 1985

Алевтина ШЕЛУДЯКОВА, депутат Верховного Совета СССР, член ЦК ВЛКСМ, бригадир комсомольско-молодежной бригады ленинградского объединения «Светлана»

ТАКАЯ РАБОТА

Бригада наша с 7 октября «живет» уже в двенадцатой пятилетке—ко Дню Конституции был выполнен пятилетний план. Вроде бы на первый взгляд небольшое опережение, но такая у нас работа: довольно жесткие, технически обоснованные нормы, напряженный план. Кстати, если говорить о внутризаводском соревновании, далеко не всегда наша бригада впереди. И это, на мой взгляд, хорошо: значит, очень высок уровень мастерства ленинградских приборостроителей. Отсюда и общий успех—не пом-

ню случая, чтобы «Светлана» не выполнила задание или попросила «скорректировать» его.

Готовимся к съезду партии, взяли обязательство в день открытия съезда добиться наивысшей производительности труда, показать наилучшее качество работы. За счет чего? Резерв наш—совершенствование организации труда, самодисциплина, ответственность. Обязательства, без сомнения, выполним; но самое важное—чтобы такая работа стала нормой каждого дня следующей пятилетки.

Николай ВАСИЛЬЕВ, бригадир комсомольско-молодежной бригады токарей Люберецкого завода сельхозмашиностроения имени Ухтомского, лауреат премии Ленинского комсомола

НЕ ПОДВЕДЕМ!

Заканчивается год. Наша бригада идет с опережением графика, не раз в этом году по итогам социалистического соревнования мы были первыми среди комсомольско-молодежных коллективов цеха и завода. Успехи дались нелегко: очень сильны ребята из бригад-соперниц.

На заводе продолжается реконструкция, внедряется новая техника. С начала года установлено и отлажено около тридцати станков с ЧПУ.

Одна из важных задач, стоящих перед коллективом завода,—улучше-

ние качества выпускаемой продукции. А ведь от того, насколько надежными будут наши машины, предназначенные для сельского хозяйства, во многом зависит и то, какой урожай соберут колхозники, каким будет наш стол.

Обсуждали мы с ребятами проект новой Программы партии. Огромные задачи поставлены. Каждого из нас они касаются, от каждого из нас зависит их выполнение. И от нашей бригады тоже. Верю—не подведем.

Ярослав ЗИНЯК, заведующий отделом пропаганды и агитации Вуктыльского райкома КПСС

ВУКТЫЛ—НЕ ТЫЛ...

Читаешь проект новой редакции Программы КПСС и невольно думаешь о будущем. Ибо каждая строка этого главного партийного документа устремлена в завтра. В наше завтра. Соотносишь личную судьбу с намеченными грандиозными задачами и понимаешь: нет, мы люди не маленькие, от нас, наших усилий зависит, каким быть дню грядущему.

Вот уже 13 лет я, уроженец Украины, связан с Коми, суровым, но прекрасным краем. Здесь в горячей комсомольской работе мужала моя молодость. Приехал в Вуктыл, когда тут стоял всего-навсего один кирпичный дом, а в прошлом году Вуктыл официально стал городом.

Но все ли сделано, чтобы каждый трудился с душой, с полной отдачей? Далеко не все. Вот недавно, к примеру, был у меня долгий, откровенный разговор с молодым экскаваторщиком Сергеем Титовым—он принят кандидатом в члены КПСС. «Можем работать лучше»,—твердо сказал Сергей. Что же мешает?..

Медленно еще идет перестройка нашей работы в том русле, как требует партия. Не хватает нацеленности на реальный результат. Больше печемся о «мероприятиях». Никак не можем избавиться от формализма, казенщины, пустословия. А что надо? Дойти до каждого! Только не на словах, а на деле.

Майор Василий ПИМЕНОВ, Герой Советского Союза

МИР ЗАЩИТИМ!

Любовь к Родине живет в каждом из нас с детства. Любовь и ответственность за нее. Но мы, военные люди, наверное, ощущаем эту ответственность острее, глубже. Очевидно, потому, что нам хорошо известна вся мера опасности, угрожающей миру.

Несмотря на стремление нашей партии и правительства к миру, несмотря на целый комплекс мирных инициатив СССР, иным западным стратегам война представляется едва ли не как единственное средство решения проблем. Ощущение реальной опасности вооруженного конфликта, долг перед Родиной заставляют нас строже относиться к себе, постоянно совершенствовать боевое мастерство.

Последние пять лет были для меня и моих товарищей именно такими—годами неустанной учебы, профессионального роста. Часто вспоминаю своих подчиненных—вчерашние школьники, молодые рабочие, студенты, они, став солдатами, выросли буквально на глазах, осознавая свою личную причастность к такому многомерному понятию, как обороноспособность страны. Это понятие реально, оно плоть от плоти нашей жизни, наших дел, успехов, труда. Пусть же каждый на своем посту—солдат, рабочий, ученый, землепашец—помнит, что от него напрямую зависит наш завтрашний день, покой нашей Родины, счастье наших детей.

«...повысить качество обучения и подготовки специалистов, идейно-политического, трудового, нравственного и эстетического воспитания подрастающего поколения и его подготовки к общественно полезному труду».

Из «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года».

Галина ПОТАПОВСКАЯ.

Фото Евгения СТЕЦКО

Таганрог — город южный. Жара за тридцать градусов уже с середины мая. Но ошибется тот, кто решит, что здешний климат располагает только к отдыху. Именно за три самых жарких месяца прошлого года старшеклассники городских школ и комсомольцы металлургического завода построили школьный завод «Смена».

— И не жалко было тратить каникулы на стройку?
— А чего жалеть? — отвечает Алеша Шилин, практикант токарного цеха, нынешний десятиклассник. — И так все лето в городе, мы же теперь даже официально курорт. Работали по очереди: неделю — одна школа, неделю — другая. В день — часа по три-четыре. А потом все вместе на пляж, море-то рядом. Совсем неплохо вышло.

Действительно, море в Таганроге везде близко. Если идти через территорию шефа — металлургического завода, — всего десять минут.

— Ребята делали все, — рассказывал старший мастер «Смены» Валерий Курицын. — Носили кирпич, замешивали раствор, штукатурили, шпаклевали, красили стены.

— А как родители, против «детского» труда не возражали?

— Детского! — смеется Курицын. — Под два метра мальчик вымахал — детка! Родители довольны были, что сын при деле, не болтается без толку по улицам. Другое дело, если бы инспектор по технике безопасности сюда заглянул, тот вряд ли бы остался доволен. По существующим правилам подросткам до шестнадцати лет нельзя даже появляться на стройке без сопровождения взрослых. И больше трех килограммов «деточке» поднимать не разрешается. Ну, да стройка у нас «неофициальная»... Завод построили, никто вроде не надорвался.

КАК СТАТЬ РАБОЧИМ

УРОКИ ШКОЛЬНОГО ЗАВОДА: ПОИСКИ И ПОТЕРИ

Директор «Смены» Леонид Григорьевич Сидорич с великим трудом, почти что из-под земли добывал токарные и фрезерные станки. Такие, чтобы на них можно было работать. Не секрет, что для межшкольных УПК — учебно-производственных комбинатов — заводы часто стараются спихнуть много лет не отремонтированную древность. Все же Сидорич достал «не древность».

НАСТАВНИК — ТОКАРЬ ШЕСТОГО РАЗРЯДА АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ МАЛЮТИН. УЧЕНИК — ЕГО СЫН АНАТОЛИЙ.

...В соседних коридорах шумел УПК, из которого завод «Смена» родился. Там девочки старательно учились печатать на машинке, художественно одаренные подростки с лентой осваивали инкрустацию по дереву. В электромонтажном цехе из желтых блестящих деталей собирали небольшие люстры, будущие медсестры учились накладывать шины на воображаемые переломы. На рождающийся завод косились не без опаски. Ходили слухи, что прогульщики будут «ссылать» в токарный и фрезерный цеха.

Стоять у станка почему-то никто не хотел, хотя родители большинства учеников работают именно у станка. Таганрог — город комбайностроителей, металлургов, строителей. Дети рабочих, однако, в по-

появятся здесь те, для кого он в первую очередь предназначен, — восьмиклассники. Неужели и они будут изо всех сил рваться в автолюбители, лишь бы миновать токарно-фрезерные цеха?

Как вообще подростки воспринимают этот завод? Как серьезную подготовку к будущей профессии или как некую игру, придуманную для них взрослыми? Увы, отрицать нечего — сегодняшние девяти- и десятиклассники в большинстве своем все же воспринимают производственную практику как некое ненужное, добровольно-принудительное занятие. Что школьный завод? Да это все тот же УПК, только пристройку к нему сделали и назвали «Сменой», вот и вся разница. Завод — это же предприятие, нечто всамделишное, серьезное. А что думать им о серьезности своих занятий, если на их глазах стоны для водопроводных труб, в которых вроде бы кто-то нуждается, «выбивали» где-то чуть не два месяца; если шеф, металлургический завод, со скрипом, микродозами выделяет «сменовцам» почти ненужную, примитивную работу — протачивать отверстия в прокладках для рельсов; если за две недели ежедневной практики каждый из них заработал «солидную» сумму в пятнадцать рублей; если те, кто не захотел ходить на практику, и не ходят на нее, а в случае необходимости отработывают осенью в том же электромонтажном цехе УПК, на сборке люстр (кстати, ремесло, которым занимаются в том же Таганроге незрячие люди, до того оно несложно)?..

ЗАВОД ОТКРЫЛСЯ!

КОГДА ЖЕ ПРИДУТ РОБОТЫ?

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ — САМЫЕ ПАМЯТНЫЕ.

давляющем своем большинстве метят в институты и военные училища. От практики в токарном и фрезерном цехах школьного завода бежали как от чумы. Бежали в основном в автодело, где от желающих учиться водить некую мифическую автомашину, которая, конечно же, у юного автолюбителя должна появиться в ближайшие годы, отбоя не было. В токари и фрезеровщики попадали больше от равнодушия или если уже были разобраны места в автоделе, в кожгалантерейном цехе УПК.

У Алексея Шилина отец — токарь. Сам Алексей готовится в радиотехнический институт. Отличник. О своей токарной практике отзывается одобрительно: — Пригодится в жизни. До практики я просто боялся станков. Теперь вполне уже освоил расточку, сверление, резку. К окончанию школы доберусь до третьего разряда.

— Но на завод ты не думаешь идти?

— Если бы надумал, то не пошел бы в девятый класс. Уметь на станке работать я вовсе не против. Но зачем агитировать поступать на завод девяти- и десятиклассников? Мы ведь высшее образование собираемся получать, иначе были бы сейчас в ПТУ.

Преподаватель завода «Смена», токарь шестого разряда Сергей Ващенко возражает:

— Верно, ребята у нас головаются, все метят в институты. А если сорвется? У каждого в руках профессия. На первый, на второй разряд я ребят легко обучил, даже за тот день в неделю, что им выделен. Хотя токарного дела все они боялись, как штрафного батальона. Ну, глаза бояться, руки делают, скоро заинтересовались, стали ходить вполне охотно. Конечно, хочется, чтоб мои подопечные поступали на завод после школы, но сразу скажу: за первый год работы «Смены» кид пять процентов. Из каждой группы по одному человеку в рабочие идут, да и те сначала поступают в техникумы.

Да, завод молодой, и только в будущем году

Мастер-фрезеровщик, преподаватель «Смены» Юрий Лещенко отзывается о процессе обучения с изрядной долей иронии:

— «Выбегают» нам работу, значит, работаем. Нет — сидим. Пишем. Вон, взгляните, девочки сидят, заполняют бумажки. Вчетвером два часа каждый день. Мальчишки по домам давно разошлись, ну, девочки поусидчивее, хоть помогают нам немножко писанину разгрести.

«Писаниной», на которую привычные к конспектированию девочки-десятиклассницы тратят каждый день по два часа, должны вообще-то заниматься сами мастера-педагоги: Емелин, Ващенко, Лещенко.

— Да ради бога, да на что они нам нужны, те трудовые паспорта! — усмеяется Ващенко. — Да ежели меня заставят их писать, уйду отсюда. Я им что, игрушка? Я рабочий, а не бюрократ.

Токарь шестого разряда, один из лучших рабочих завода, двадцатипятилетний коммунист Сергей Ващенко действительно не бюрократ. Но кто же вменил ему в обязанность каждый день записывать в специальном журнале план урока, тему урока, количество учащихся, ежедневно перечислять учебные и наглядные пособия, указывать, сколько минут урока отведено на организационные(?) вопросы, сколько — на изложение нового материала, сколько — на закрепление изложенного материала, сколько минут записывали домашнее задание? Здесь перечислены далеко не все графы журнала, но и сам журнал — лишь треть того, что ежедневно положено записывать мастеру-преподавателю.

Далее следует некое странное изобретение горю — трудовой паспорт. Описать этот шедевр бюрократической мысли трудно, но все же попробуем. В нем семнадцать граф. Каждый день о каждом учащемся мастер обязан сделать семнадцать разных отметок. Сюда входят: дата урока, номер изделия, номер операции, расценки, количество (чего — неяс-

но, то ли операций, то ли расценок), заработок. Дальше — больше. Мастеру следует указать наличие или отсутствие халата, сменной обуви, опоздания, прогулы, нарушения ПТБ, то бишь правил техники безопасности, выполнение ПВР...

Токарь и фрезеровщик, мастер-педагог Александр Емелин зачитывал паспорт с выражением и некоторым пафосом в голосе. Он дочитал лишь до середины, но смеялись уже все: ученики и ученицы, мастера, случайно подошедшие рабочие, старший мастер школьного завода Курицын и корреспондент.

— Наличие халата! — хохотали девочки, которые ежедневно по два часа пишут всю эту ахинею, но

лишь сейчас будто впервые вникли в нее. — Наличие сменной обуви! Ой, мамочки!

Действительно, ой, мамочки! Что такое «выполнение ПВР», никто из присутствующих точно объяснить не сумел, мнения разошлись, но в одном все были согласны — о том, как работат ученик, научился он чему-нибудь или нет, паспорт, несмотря на все свои семнадцать граф, представления не дает. Хотя бы потому, что оценка за работу должна выводиться как среднее из оценок по дисциплине, теории и практике.

— Да что же я должен ставить, если он и занятия не пропускает, и теорию знает отлично, а работать не может? — недоумевает Емелин.

— А если теорию не знает, а работает хорошо, но дисциплину иногда нарушает? — тут же ехидно подхватывает Женя Фетисов.

Мастер разводит руками, и все смеются пуще прежнего. И под общей хохот Валерий Курицын спешит рассказать, что, кроме всего этого, по каждой группе раз в неделю в школу отсылается рапортчикка, в которой тоже пять разных граф, и каждая такая рапортчикка за тремя подписями — лаборанта по учебной работе, ответственного учащегося по школе и самого Курицына. Он подмахивает эти бумажки не глядя, но тем не менее тратит на них каждую неделю часов по пять. Ведь цехов в УПК и «Смене» четырнадцать, и каждый день разные группы... Перемножаем, и получается, что за год Курицыну пришлось подписать около семи тысяч таких рапортчикек. Если в рапортчик-

как учителя еще могут как-то разобраться, то в трудовых паспортах, как правило, никто не понимает ровно ничего. Что может знать завуч общеобразовательной школы, к примеру, о номере изделия или правилах техники безопасности и какое ему дело до наличия или отсутствия халата у ученика на заводе? И какое все это для него имеет значение? Ему надо лишь знать, прошел ли практику учащийся и чему он выучился.

Кто же выдумал все эти бумаги?

— К Токареву ступайте, к Токареву, — еле отдышавшись от смеха, посоветовал мне Ващенко. — Его это выдумки, пускай он и объясняет.

— Что-о! Я-а-а? — переспросил Виктор Владимирович Токарев, завуч УПК и школьного завода «Смена». — Да я, если хотите знать, в отпуск и то портфель с бумагами беру, иначе со всей писаниной просто не управиться. Им смешно, конечно! Каждую неделю сотни рапортичек рассылать легко, как вы думаете, а? А сколько нужно составлять планов! Мастера отказываются — и правильно, кстати, делают, а мне отказываться не приходится. Пишу. Потом из горono комиссия является. Вот вы, говорят, завуч. Да, говорю, я завуч. Ну-ка, покажите нам планы уроков, да планы воспитательной работы с учащимися, да. И в каждом плане по пятнадцать граф. А через наши УПК и завод проходят семнадцать школ! А цехов у нас четырнадцать! И пиши тематический план на каждый квартал по каждому предмету.

Но кому жаловаться, кого убеждать? Они в горono сами днями напролет над бумагами сидят. А им из министерства все новые бумаги спускают: профориентационный план, план внеклассной работы,

И ТАКИЕ НУЖНЫ ТРАКТОРА.

анализ учебного процесса, план на следующий год! А они эти бумаги нам! А я за мастерами бегаю, и они мне в лицо смеются. Но я-то ведь не токарь и не автолюбитель, как мне учебный процесс анализировать? Но вот сижу, пишу. Один отчет за полугодие чего стоит! Тридцать две страницы печатного текста. Вам это говорит что-нибудь?

Как же, говорю, тоже порой писать приходится. На стол завула локоть некуда из-за груд бумаг поставить. Виктор Владимирович вздыхает и вытирает вспотевший лоб. И добавляет:

— Что до конкретных результатов, то они правильно вам сказали: клд не выше пяти процентов. Мало кто с нашего УПК и «Смены» в рабочие идет. Вы поговорите с Мартыненко, он пробовал дело на серьезные рельсы поставить...

Алексей Гаврилович Мартыненко — мастер-преподаватель электроремонтного цеха «Смены». Он за два-три урока выучил своих девятиклассников менять обмотку на статорах электродвигателей. Трудовой процесс школьного завода Мартыненко анализировал критически:

— Ребята по работе соскучились. Они рвутся к настоящему делу. Тем, чему я их в два урока обучил, им следовало бы заняться не в пятнадцать лет, а годика на четыре раньше. Ребята у меня смывленные, освоились быстро. Завод-шеф выделил нам десяток двигателей, думали, мы провозимся с ними. А мы их за неделю отремонтировали. Еще давайте, говорим! А на

Беликов удивлялся подобным претензиям вполне искренно. Само существование «Смены» представляется ему гигантским шагом в будущее, шагом, с которым надо еще как следует освоиться.

— Вы видели будущий сварочный цех? — спрашивает он. — Обязательно взгляните. Настоящей сварке будем ребят обучать.

Уточним: только ручной сварке, которая постепенно уступает место автоматической. Но об автоматике пока и речи не ведут.

С каждым годом промышленность все больше будет нуждаться в умелых операторах станков с электроникой, ЭВМ, но и об этом на заводе пока

КАЧЕСТВО ГАРАНТИРУЕТСЯ.

УЧИМСЯ ЧИТАТЬ ЧЕРТЕЖИ.

заводе мнутся. Оказывается, мы за неделю их месячный план выполнили. Получается, что мы им конкуренты. У них плата за эти двигатели не сдельная, а почасовая. Они и сидят над ними месяцами и в ус не дуют. Мальчишки скорей сработали — выходит, у шефов нужно что-то перестраивать, расценки менять, что ли! И на несколько других заводов мы за двигателями обращались — сначала дают, а потом ни-ни! Конкуренты! У токарей, у фрезеровщиков то же самое. Серьезной да и хорошо оплачиваемой работы не получить.

Сергей Костиков и Сергей Горелик, друзья и одноклассники, ученики Мартыненко. О работе своей отзываются без профессионального почтения.

— Мы все это уже в шестом классе умели, когда в радиокружке занимались в Доме пионеров. Подумаешь, обмотки менять! Мы думали, что поинтереснее будет.

А что думает по этому поводу комитет комсомола металлургического завода, непосредственный шеф «Смены»? Виктор Беликов, секретарь комитета комсомола, деятельность школьного завода очень одобряет:

— Замечательное, нужное дело. Вы поговорите с мастерами, с учащимися, много найдете для себя интересного. Новое, интересное начинание!

Вопрос о «выбивании» заказов для «Смены» очень его удивил. Он обещал разобраться, но заметил, что вопрос о двигателях связан с переквалификацией рабочих мест, и вообще это требует вмешательства не одного комитета комсомола, а и дирекции завода.

никто не задумывался. Хотя, если браться за подготовку будущих кадровых рабочих всерьез, нельзя останавливаться на обучении сверлению отверстий для болтов в никому не нужных пластинках.

Те же благостные настроения и в горкоме комсомола.

— Интересное, нужное, новое дело! — отзывается о «Смене» второй секретарь Михаил Ионов, не вникая в заботы завода глубже.

Разумеется, завод молод, он пока делает первые свои шаги. Но шагать следует быстро, иначе можно безнадежно отстать от времени. Все мастера-педагоги в один голос говорят: обучение нужно начинать не с девятого и даже не с восьмого класса, когда жизненные интересы и цели у многих учеников уже сформированы, а года на три раньше, иначе пополнение рядов рабочего класса из выпускников «Смены» не превысит пяти процентов.

Следует срочно ликвидировать девятый бюрократический вал. Он отнюдь не безобиден, ибо бесцельная писанина дискредитирует в глазах все понимающих подростков серьезное, нужное дело. Излишне доказывать, что воспитание происходит прежде всего на наглядных примерах, а не возникает из многостраничных отчетов о посещаемости и дисциплине.

Городскому комитету комсомола, комсомольской организации базового предприятия нужно помочь «Смене». Помочь преодолеть препоны с заказами, помочь наладить учебно-производственный процесс. Появится настоящая работа, появится серьезный подход к жизни школьного предприятия — подростки это ощутят первыми. И не будут задумываться о выборе между свинчиванием люстр и работой на современной технике. От комсомольцев во многом зависит, какими будут дальнейшие шаги «Смены».

Завод, на котором я работаю уже 39 лет, старейший в городе, с давними и славными традициями. Может быть, отчасти именно поэтому так обидно за свое родное предприятие: в последнее время мы явно сдаем позиции. Это относится и к планированию, и к организации работы, и к участию рабочих в управлении производством. Последнее особенно тревожно: у рабочих, можно сказать, отбили охоту к участию в делах предприятия.

Почему, например, рабочие получают премии ежемесячно, а инженерно-технические работники — раз в квартал? Ведь ясно, что отсюда у людей разные психологические установки на выполнение плановых заданий. Скажем, мы должны выпустить за квартал девять кранов. Если в первый месяц дать два крана, во второй — три,

советов приходится порой чуть не за руку людей тащить. И ведь нельзя сказать, что администрация игнорирует решения цеховых и заводского советов бригадиров. Напротив, стремятся выполнить. Но что толку в наших заседаниях и совещаниях, спрашивают молодые бригадиры, если одни упущения вроде исправили, а другие за это время снова накопились? Вот у рабочих руки и опускаются, и привлекать их к управлению производством становится все труднее.

Владимир ИЗОТОВ,
кавалер ордена Ленина
и «Знак Почета», председатель
совета бригадиров Калужского
машиностроительного завода.

Молодежь и комсомольцы нашей страны активно включились во всенародное обсуждение предсъездовских документов партии. Каждый день в редакцию приходят письма, в которых говорится о самом важном, остром, наиболее. Мы публикуем несколько таких писем.

в третий — четыре, то план квартала будет выполнен и свою премию ИТР получат. Зато рабочим в первом месяце премию срежут за один недопущенный кран. Волнует это рабочих и инженеров, конечно, в разной степени. А надо, чтобы все одинаково заботились о плане и в конце месяца, и в конце квартала.

Нередки срывы и в технологической цепочке. Токари, допустим, обеспечивают нас комплектующими деталями. Но их бригада в отличие от нашей не имеет своего бригадокомплекта, то есть точно обозначенного набора деталей. И получается порой, что надо нам 100 болтов, а получаем 130. Зато вместо 20 шестерней привозят 10. План у токарей по нормо-часам считается выполненным, даже с лихвой, а нам машины собирать не из чего. В сентябре токари рапортовали о выполнении годового плана, а я к ним и в октябре иду: когда отдадите то, что задолжали? Отвечают: «Будем решать». Что же получается? Бригада токарей есть, а бригадного метода... нет. Никакое рабочее самоуправление не поможет, пока труд организован на таком уровне.

...Читаю недавно в многотиражке критическую статью о том, как в нашем цехе прошла аттестация рабочих мест. Ребята спрашивают: когда это было? А я, бригадир, не знаю, что и сказать. Видно, умудрились как-то провести аттестацию наших рабочих мест без нас.

Однажды вот так же, без ведома рабочих, бригаде уменьшили премию на 20 процентов. Узнал я об этом случайно. Пошел разбираться. Немало пришлось походить, пока выяснилось, что, оказывается, технолог «просто ошиблась», посчитав почему-то, что план по номенклатуре мы не выполнили. Хоть бы кто-то сказал: что ж вы, товарищи, недодали заводу то-то и то-то. Тогда бы ошибка технолога сразу «вылезла», и люди бы не обижались напрасно.

Возможно, именно потому, что организация труда, его технологическое, инженерное обеспечение у нас не на высоте, на заседаниях бригадирских

квартире вчетвером. Споря с ним, мы говорили немало слов о высоком звании рабочего-металлурга, о рабочем достоинстве... Но не зря говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Видит же он, что немало вокруг людей, которые работают хуже, а живут лучше...

Не воспринимайте, пожалуйста, этот пример с квартирой как жалобу. Мы не жалуемся, от цеха насчет нашего жилья направили в дирекцию ходатайство, решится, думаем, этот вопрос. Но только ли в нас дело? Вот прочитали недавно в многотиражке заметку доменщиков: уходят люди из цеха. Одна из причин — нет жилья. И рабочие справедливо недоумевают: почему надо уходить с металлургического комбината куда-то в другое место, чтобы получить квартиру?

Горько слышать от детей такие слова: «Вот если бы вы работали в магазине, тогда бы у нас все было».

мы в свое время получили специальность... электромонтера!

Не знаю, где и кем трудятся сейчас те ребята из нашей группы, что не приехали на встречу, но уверен: среди них тоже есть избравшие позднее другой жизненный путь. Мы с ребятами попробовали выяснить, почему из нас литерых никто не остался верен первоначально избранной профессии. Вопрос не праздный, ведь государство израсходовало немалые средства на наше обучение, мы получали спецодежду, форму, где-то ждали нас как квалифицированных электромонтеров. Не дождалось... Нет, никто из нас не стал тунеядцем, все мы трудимся, приносим пользу обществу, но — в другом качестве. Средства же, затраченные на нас за годы учебы в ПТУ, не дали государству никакой отдачи. Почему?

Расскажу о себе. Сейчас, спустя годы, многое видится иначе. Сегодня, например, я знаю, что в училище пошел не потому, что хотел стать именно электромонтером, а потому, что просто хотелось поскорее научиться самостоятельно зарабатывать, быть хоть в этом отношении независимым, взрослым. Да и учеба в школе у меня шла довольно туго. О работе электромонтера представление имел, прямо скажем, туманное, на уровне выключателя и розетки. При поступлении в

ПЯТЬ ГОДА ПИСЕМ

Мы — рабочие, трудимся на металлургическом комбинате. В обществе нашем положение занимаем почетное, на зарплату пожаловаться тоже не можем. Но очень часто на свой заработанный рубль трудно купить нужные вещи. Не потому, что их вообще нет — ведь есть же! — а потому, что порой не доходит добротный товар до прилавка, оседает в руках тех, кто имеет «полезные» связи, пресловутый «блат». Короче говоря, одни люди (и их большинство) строят, а другие лишь пристраиваются, устраиваются поудобнее. Мы далеки от того, чтобы делать какие-то обобщения, но все же несколько странно видеть молоденьких продавщиц, одетых так, как нам, рабочим, и не стылось. А ведь зарплата у них как минимум вдвое меньше нашей.

К чему все это пишем? Нашему сыну сейчас 18 лет. Когда был ребенком, мечтал, как и мы, работать на металлургическом комбинате. Теперь говорит по-другому: что, мол, толку, что вы в горячем прокатном цехе работаете? Приличную квартиру и ту не заработали! Вот наш сын и предпочел устроиться до армии грузчиком на хлебозавод. А что мы могли ему возразить? Оба мы на предприятии с 1963 года, а живем до сих пор действительно в малогабаритной однокомнатной

Да, работники торговли — такие же труженики, как и все в нашей стране, в обществе, где блага распределяются по труду, по социальной справедливости. Они имеют на этот счет равные права с нами, металлургами. Так почему же столь разные у нас с ними возможности осуществления этих прав? Убеждены: мириться с таким положением нельзя. Выправить его — значит свести на нет одну из существенных, но опасных преград, мешающих воспитанию в молодых верного представления о жизненных ценностях.

УРВАНЦЕВЫ,
Нижний Тагил.

Здравствуй, «Смена»! Недавно в ПТУ, которое я окончил, состоялась встреча выпускников разных лет. Я был очень рад возможности вновь увидеться со старыми друзьями, товарищами по группе, узнать, как сложилась у них жизнь. И вот что оказалось. Из нашей группы приехало пятеро. Трое (в том числе и я сам) работают шоферами; четвертый после ПТУ получил еще и высшее образование, стал инженером-технологом, а пятый служит в милиции. Пишу об этом столь подробно потому, что в училище-то все

ПТУ об этом меня никто особенно и не спрашивал: пришел — учись! Предполагалось, видимо, что шаг мой не случайный, обдуманый. А он таким не был. «Все работы хороши» — вот как я в то время рассуждал. Теперь-то понимаю: в каждом конкретном случае хороша только та работа, к которой человек имеет способности, склонности, которую знает и любит. Мне же специальность электромонтера накучила уже в конце первого курса, дальше учился «по инерции».

В училище, где готовят рабочих так называемых массовых профессий, принимают практически всех, кто подал документы. Я слышал, что существуют достаточно эффективные тесты для проверки человека на пригодность к той или иной специальности, с помощью которых можно выявить и его склонности, интересы. Но тесты эти если и применяются, то лишь там, где учат особо сложным профессиям, в обычных же училищах ни о каких тестах никто не знает. А ведь там они нужны в первую очередь! Потому что именно в рабочих массовых профессий всегда остро нуждается наша промышленность, и именно в таких ПТУ ошибки в выборе ребятами профессии обходятся особенно дорого, потому что тоже носят массовый характер.

Да, в училище мы сдружились, проведенные там годы приятно вспомнить, но все же — для пользы и нашей личной, и общественной — не надо нас было туда принимать! Надо было остановиться, заставить лишний раз подумать, оглядеться, проверить, насколько серьезен наш выбор. Не остановили, не заставили, не проверили. Почему?

му? Признаться, мы не ставили так вопрос на вечере в училище, не хотели омрачать директору и преподавателям праздник. Но спросили о другом: известно ли, где и кем сейчас трудятся остальные ребята из нашей группы? Оказалось, никто в ПТУ этого не знает. Никого, стало быть, это не интересует. Вот и получается: кто пришел — неважно, кто вышел — тоже. Стоит ли тогда удивляться, если первый шаг в рабочие для многих вчерашних восьмиклассников, пришедших в профтехучилище, оказывается ошибочным?

Дмитрий ГОРШКОВ,
Московская область.

 Если тебе Касанателу Чия

Хочу поделиться наболевшим, тем, что меня очень волнует. Но сначала два слова о себе. Мне 24 года. Был членом комитета ВЛКСМ Ленинградского химико-технологического техникума (когда там учился), комсоргом

законные права. Не потому ли бурная комсомольская деятельность чаще идет на бумаге да на словах?

Волюно или невольно такому формализму способствуют и иные комсомольские работники. Те, что научились красиво говорить с трибуны, а потом садятся в служебную машину и катят без оглядки на свои бесконечные совещания и заседания. Посмотришь на таких вожаков — честное слово, никакие они не комсомольские лидеры, а самые настоящие бюрократы. К секретарю райкома комсомола, бывает, словно к министру, просто так не попадешь. Где уж тут до разговора по душам!

Дело, понятно, не в служебной машине и кабинете. Но нельзя же превращать комсомольский комитет в контору. Нельзя смотреть на выборную должность как на трамплин к новой, еще более высокой. Неужели поблек для нас пример Павки Корчагина? Неужели такие понятия, как «борьба», «идеал», устарели, исчезли из комсомольского лексикона?

Сергей БОРОВИКОВ,
Ленинградская область.

 Липкие монеты

Этим летом гостил я у друга, с которым вместе служили в армии. Приехал в большой южный город, где есть и море, и пальмы... Одним словом, курорт. На улицах — длинные очереди к палаткам с пепси-колой. Тут-то я и понял, что такое «курортная» жизнь.

Нет, не очереди имею в виду. Посмотрел я, кто и как торгует в этих палатках. Особенно в одной запомнились два бойких парня. Сначала подумал: может, инвалиды, может, нельзя им поднимать тяжести или еще что. Не тут-то было! Оба атлетического сложения, и по лицам не скажешь, что ребята страдают слабосилием, наоборот, прямо-таки брызжут здоровьем и весельем. Острыят, улыбаются во все стороны, заговаривают со всеми, словно родные. Но стоило мне протянуть пустую бутылку и попросить за нее деньги, вот тут они и показали себя во всей красе. Какие только «эпитеты» не услышал я в свой адрес! «Скрытая» и «жмот» были, пожалуй, самыми мягкими.

— Нашел с кем связываться, — сказал мне друг, когда мы отошли от палатки. — Они на этих бутылках за лето, знаешь, сколько заколачивают! Видно было, что друг не осуждал их, скорее завидовал. А я не могу понять: как же это так? На виду у всех процветают отъявленные жулики, и никому нет до этого дела? Неужели на них нет управы?

Сам я — токарь. Знаю, как нелегко достается трудовая копейка. А эти буквально на глазах у всех гребут деньги обеими руками. Честное слово, я бы так не мог: противно! Противно обманывать, противно пересчитывать эти липкие, мокрые от пепси гривеньки.

Впрочем, не только ведь на курортах процветают такие дельцы. У нас в доме живет молодой мужчина. Окончил институт, инженер, а работает дворником. Так, говорит, свободного времени больше.

— А зачем оно тебе? — спрашиваю. Замялся, не ответил.

Недавно купил «Жигули». На какие «шиши»? Не на зарплату же. Вот вам и дворник!

Видишь такое и поневоле задумаешься: а может, я не умею жить? Может, бросить станок и податься куда-нибудь, где есть «левый» заработок?

Анатолий Е.,
Пермь.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 24 (1406) ДЕКАБРЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
С Новым годом!

Фото
Ирины СТИН
и Анатолия ФИРСОВА.

- 1 «МОЯ ПЯТИЛЕТКА».
- «КАК СТАТЬ РАБОЧИМ».
Фоторепортаж Галины ПОТАПОВСКОЙ
и Евгения СТЕЦКО.
- 4 ЧИТАТЕЛЬ — «СМЕНА» — ЧИТАТЕЛЬ.
«ПЯТЬ ГОРЯЧИХ ПИСЕМ».
- 6 ПИСЬМА ИЗ РАЙКОМА.
Николай СОЛДАТЕНКОВ. «БЕЗ ОПОРЫ».
Лариса КУЗНЕЦОВА. «МУКИ ОТ СКУКИ».
- 8 ЗАВЕРШАЕМ ЧИТАТЕЛЬСКУЮ ДИСКУССИЮ
«УСТАРЕЛА ЛИ ВЕРНОСТЬ?»
Людмила СЕМИНА. «НЕ ИЗМЕНИ СЕБЕ».
- 9 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Рассказы Росена БОСЕВА.
- 12 ОТЕЧЕСТВО. «ДОРОГА В ЛЕГЕНДУ».
Фотоочерк Теймураза МАМАЛАДЗЕ и Сергея ВЕТРОВА.
- 18 НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.
Дивас ВАЛЕЕВ. «ТУМАКИ ЗА ДОБРОТУ».
- 20 «МАЛЫШИ ИЗ ЗООСАДА».
Фотоочерк Ирины АНДРИАНОВОЙ
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 23 С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРИБУНЫ XII ВСЕМИРНОГО.
Игорь МИХАЙЛОВ. «ПРОДАЮТСЯ ДЕТИ...».
- 24 ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ.
Натан ЭЙДЕЛЬМАН.
«НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЖИЗНЬ ДЕКАБРИСТА РАЕВСКОГО».
- 27 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
Александр МАРКЕВИЧ. «ВО ВСЕМ — ИТАЛЬЯНЦЫ».
- 28 Повесть Сергея ПЛЕХАНОВА «ЗОЛОТАЯ БАБА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

КОМСОМОЛ

На развитие инициативы, самостоятельности в решении практических задач нацеливает партия Ленинский Союз Молодежи. Комсомол, отмечается в проекте новой редакции Программы КПСС, должен настойчиво развивать трудовую и общественную активность юношей и девушек, формировать у них политическую и нравственную культуру. Многие в этом направлении уже делается. И все же заметные сдвиги произошли пока не везде. Некоторые комсомольские организации все еще раскачиваются, теряя время. В итоге — остаются в стороне от злободневных проблем, волнующих молодежь. Так по крайней мере обстоят дела в городах, где побывали наши корреспонденты.

Кинешма

Николай СОЛДАТЕНКОВ

БЕЗ ОПОРЫ

— Вообще-то у нас каждый проводит свободное время по-своему, — не торопясь, рассказывает секретарь заводского комитета ВЛКСМ Владимир Багров. — У кого семья, кто учится, а кто и... — Тут секретарь замаялся. Но и без многозначительного щелканья указательным пальцем по подбородку было ясно, как «отдыхают» остальные.

Речь идет о молодых рабочих «Автоагрегата», крупнейшего предприятия старинного города Кинешмы в Ивановской области. Возраст у этого завода комсомольский — 20 лет. Растущее современное производство, внедряются станки с числовым программным управлением, робототехника. В этих условиях от каждого работающего на заводе требуются основательная техническая подготовка, четкая, сознательная дисциплина. Но сейчас разговор о другом.

Просмотрев материалы комсомольской конференции, которая прошла на заводе летом, легко можно обнаружить прямо-таки ошеломляющие факты: оказывается, только за полгода в медьрезинителе «отметился» каждый двадцатый комсомолец. Есть тут свои «чемпионы», побывавшие в этом весьма специфическом учреждении десять (!), а то и пятнадцать (!) раз. А секретарь комитета ВЛКСМ — ничего! — спокойно говорит о таких «достижениях».

Конечно, не в эмоциях дело. Можно ведь хоть сколько потрясать руками, гневно клеймить пьянство и пьянцы, а толку-то все равно не будет, если...

Обратимся еще раз к фактам и цифрам. На заводе велика текучесть кадров, особенно среди молодежи. Достаточно сказать, что из 900 комсомольцев в постоянном движении, то есть увольняются или же, наоборот, оформляются на работу примерно 460 человек — больше половины всей организации. Из каждых десяти парней, ушедших в армию, на «Автоагрегат» возвращаются лишь трое. Одних не устраивает работа, других — зарплата, у третьих проблемы с жильем, у четвертых... Впрочем, с одним из увольняющихся я познакомился в отделе кадров завода.

— Почему увольняюсь? — хмуро переспросил Николай Румянцев и с какой-то обозленностью ответил: — Да скука тут зеленая! Собраться с друзьями негде. Разве только в ресторане...

А в ресторане, известно, «отдых» сопровождается обязательным употреблением, а чаще — злоупотреблением алкоголем. Каков же арсенал борьбы с этим злом у заводских комсомольцев? На конференции были названы спортивные состязания и туристские слеты. И все?..

— Нет у нас своего Дворца культуры — вот в чем вся беда, — уверяет Владимир Багров. А на нет, мол, и суда нет. Но в комсомольских ли правилах сидеть сложа руки и ждать манны небесной? Если чего-то нет, значит, надо добиваться, чтоб было. Пусть не дворец, так хотя бы клуб, уголок... что там еще подходит для культурного отдыха?

К директору завода секретарь не ходил, кулаком по столу не стучал, не требовал (а напрасно!), но в

постановлении конференции записали пункт: «Организовать молодежный клуб в кафе «Люблино». Выходит, не дремлют комсомольские активисты?

Не будем спешить с оценками. Просто перелистаем комитетские бумаги и в решении уже не этого года, а прошлогодней конференции найдем запись: «Совершенствовать работу по организации досуга в заводском микрорайоне. Переоборудовать кафе «Люблино» в молодежный клуб».

Улавливаете, читатель, разницу в формулировках? Нет! Я тоже особого отличия не обнаружил: слова немножко другие, а суть та же — есть благое намерение открыть молодежный клуб в каком-то кафе. Что ж, прекрасно, нечего ему пустовать.

Не поленился — посмотрел на это «Люблино» своими глазами. Стеклопанельное здание, напоминающее фантастического осьминога. Но местные жители давно окрестили кафе по-своему метко и просто — «паучок». Вот уже четыре года этот «паучок» закрыт, и все свылксы с видом проржавевшего амбарного замка на его дверях.

Спору нет, идея превратить пустующее кафе в молодежный клуб дельная и своевременная. Интересная, живая клубная работа поможет и в закреплении молодежи на заводе, и в борьбе с пьянством. Почему же открытие клуба так затянулось?

— Целый год понадобилось, чтобы «отвоевать» кафе у треста столовых, — объяснил секретарь комитета комсомола завода.

— А разве год назад не знали, кому принадлежит кафе?

Багров молчит. Да и что ему ответить? В данном случае действия заводских активистов напомнили бесшабашную удаль пятиклассников из киножурнала «Ералаш». Те увидели «бесхозный» каток для укладки асфальта и... сдали его в металлолом. Так и здесь: увидели, кафе пустует, решили — переоборудуем его в клуб. Но ведь такие вопросы не решаются одним рощерком пера.

Наконец, кафе перевели на заводской баланс, директор завода подписал соответствующий приказ, были определены сроки, ответственные за исполнение, выделены деньги на приобретение музыкальной аппаратуры, есть смета ремонта. Казалось бы, засучи рукава, комсомол, — и за дело. При слаженной, дружной работе тут и времени-то много не потребуется. Пора, может быть, красную ленточку искать для церемонии открытия?

Увы, по-прежнему топтание на месте. Кажется, лишь сейчас комитетчики поняли, что для «переоборудования» нужны не только стройматериалы, но и специалисты — строители, электрики, художники. Неясными остаются многие организационные и финансовые вопросы...

Ни в комитете ВЛКСМ «Автоагрегата», ни в горкоме комсомола никто не мог сказать, когда точно откроется молодежный клуб. Зато вожак, от первого секретаря горкома ВЛКСМ Алексея Яловского до иных комсоров цехов, в один голос обвиняют рядовых комсомольцев в пассивности, иждивенческих настроениях. Но достаточно встретиться с молодыми рабочими «Автоагрегата», чтобы эти «дроводы» рассыпались в пух и прах.

— Да кто вам сказал, что мы не хотим помогать? — горячился инструментальщик Виктор Смирнов. — Пусть только позовут. А то и не верится, что клуб будет.

Не проводится в заброшенном кафе ни субботни-

ков, ни воскресников. Вместо этого чуть ли не конспиративно работает там «инициативная группа» — несколько активистов. Оказываются, широкая гласность тут комитету комсомола и не нужна. Зачем, рассуждают комитетчики, заранее будоражить людей, вот сделаем — тогда и объявим. А если «не сделаем», то и шуму не будет.

Странная позиция. С одной стороны, жалобы на пассивность комсомольцев. А с другой — искусственная самоизоляция, отказ от помощников. Не сам ли комитет комсомола, действуя подобным образом, и порождает пассивность и иждивенчество?

Да и разве в один только клуб-кафе все упирается? Разве клуб — панацея от всех бед? Не секрет, что даже там, где есть и Дворец культуры, и клуб, молодежь нередко живет скучно, вяло.

И снова не приходится далеко ходить за фактами. У того же «Автоагрегата» отличный спорткомплекс. Может быть, комсомольцам не разрешено проводить там свои мероприятия? Наоборот, и администрация, и партком завода постоянно напоминают комитету комсомола об этой возможности. Но почему-то иных молодых ребят сюда и калачом не заманишь.

А дело-то прежде всего в инициативе, в умении организаторов увлечь, заинтересовать. Вот, к примеру, как отдыхают комсомольцы механосборочного цеха. После смены три раза в неделю едут на заводскую турбазу. Река, лес, свежий воздух — и, естественно, ни капли спиртного! Веселятся от души. Какие только соревнования не устраивают — кто быстрее поставит палатку, кто раньше всех почистит картошку... И вся эта «карусель» вертится вокруг комсорга цеха Андрея Сироткина.

— Сначала многие не верили, что и без вина можно хорошо отдохнуть, — улыбаясь, вспоминает Андрей. — А съездили раза два — понравилось, втянулись. Помню, в понедельник ко мне подошел один наш «трудный» паренек, выпить любил. Рот до ушей. «Порядок, — смеется, — не болит голова у дятла. Когда опять на турбазу поедем?»

Что и говорить, для хорошего дела стены — не главное.

Муром

Лариса КУЗНЕЦОВА,
слушатель ВКШ при ЦК ВЛКСМ

МУКИ ОТ СКУКИ

«Тут Русью пахнет...»

Наверно, это сказано о Муроме. Древний городок на Оке, вдали от больших дорог. Российская глубинка. Но, приехав сюда, не скажешь, что городу больше тысячи лет: широкие улицы, современные дома... Муром молод. В нем десятки тысяч жителей в возрасте моложе 30 лет, большинство — комсомольцы.

Кажется, утикли споры о провинции и провинциализме. Всем ясно: и в столице можно быть провинциалом. И, наоборот, в глубинке, вдалеке от столицы, от больших городов, можно работать по-новому, творчески, чувствуя себя причастным ко всему, чем живет страна, комсомол.

И все-таки есть пока она, комсомольская глубинка. Что это такое? Попробуем разобраться. А для этого вернемся в Муром. Все стороны жизни здешней молодежи не охватишь, поэтому остановимся лишь на вопросах досуга.

В первый день приезда, выйдя из гостиницы на улицу, спросила у попавшейся навстречу молодой пары, где можно интересно провести вечер.

— Даже не знаю, что вам посоветовать, — озабоченно сказал интеллигентного вида юноша.

Вот такое весьма неутешительное начало знакомства с городом. Не думаю, что подобная «тишь и гладь» устраивает местных комсомольцев.

...Завод имени С. Орджоникидзе. Кто не знает его продукцию — холодильники «Ока»! В комитете комсомола завода меня встретил высокого роста, по-спортивному подтянутый молодой человек — секретарь комитета Александр Зиновьев. С нескрываемой

СКАЯ ГЛУБИНКА

гордостью рассказывал Саша о делах заводской молодежи — на предприятии более двух тысяч комсомольцев. Есть у завода свой Дворец культуры, база отдыха, музыкальная школа, два парка культуры. Словом, возможностей для организации досуга, казалось бы, достаточно. Но что думают об этом сами комсомолы?

— Хотите побеседовать с ребятами? — живо спросил Зиновьев. Через десять минут в комитете собрались активисты, комсорги цехов.

— Сколько можно об этом говорить? — неожиданно услышала в ответ на свой вопрос.

— Помещений нет...

— А ради кого стараться-то? Все дома сидят, у телевизора.

Здесь же, в комитете, знакомлюсь с результатами одного анкетного опроса. Сто анкет — сто мнений о досуге. Существующее положение дел молодых явно не удовлетворяет. Да, при заводе действуют парусный клуб, туристская секция, народный театр «Контраст», дискотек «Синтез». Но этого мало. В анкетах высказываются пожелания организовать еще несколько молодежных клубов по интересам — ребята хотят слушать музыку, заниматься аэробикой. Были предложения создать политический клуб, клуб трезвости. Что ж, очень дельные предложения. Как же отнестись к ним комитет комсомола?

Увы, пока никак. Анкеты вот уже несколько месяцев пылятся в шкафу, только сейчас о них вспомнили.

— Все как-то руки не доходят, — оправдывается секретарь комитета.

— Чем же занят комсомольский актив завода? — спрашиваю Зиновьева.

Александр недоуменно посмотрел на меня.

— Как это «чем»? Работаем...

Поделилась своими впечатлениями в горкоме комсомола. Валерий Сипатов, первый секретарь горкома, попытался успокоить:

— Приезжайте годика через два. Построим молодежный жилищный комплекс — тогда не будет проблем с досугом.

Я видела проект МЖК — кроме жилья, там запланированы стадион, плавательный бассейн. Но ведь строительство начнется лишь в 1987 году. А что делать молодежи сейчас, ждать?..

Культурно-массовая работа в городе, конечно, не затухает. Шестой год подряд на летней эстраде Центрального городского парка каждую субботу проходят концерты молодежной самодеятельности — комсомольские субботы. Первые два года эти выступления принимались на «ура»: парковая площадка едва вмещала желающих. А теперь?..

В парк мы пришли вместе с первым секретарем горкома комсомола. Моросил мелкий дождик. У танцевальной площадки, где обычно собираются зрители, никого не было. «Погода плохая, — как бы извинялся за молодых муромчан Сипатов. — Подождем немного».

Вскоре и вправду подошли, но не зрители, а артисты. Пришли получить причитающиеся им призы и грамоты — сегодня, оказывается, должен был состояться заключительный концерт, своего рода парад лауреатов.

— Устарели наши субботы, — вздохнул присутствовавший здесь же секретарь комитета ВЛКСМ завода имени С. Орджоникидзе Саша Зиновьев.

— Не могут они устареть! — резко возразил ему Сипатов. — Это дело чести всей городской комсомольской организации.

— Но ведь ты сам видишь, на концерты уже никто не ходит. Надоело. Сколько лет почти одно и то же...

В этом споре я была на стороне Зиновьева. Да и как с ним не согласиться, если совершенно ясно: зрителям «приелись» однотипные выступления, нет былого энтузиазма и у самодеятельных артистов. Почему же секретарь горкома комсомола так упорно держится за «комсомольские субботы»? «Дело чести»? Лицо организации? Но перед кем красоваться: перед завезшими гостями или перед собой? Вот и получается: не суббота для человека, а человек для субботы.

Не будем спешить с выводами, ведь, кроме комсомольских концертов, в Муроме есть и другие формы молодежного досуга — любительские объединения, клубы по интересам. Какие тут успехи и трудности?

Беседуем с Николаем Горячевым, режиссером народного театра «Контраст». Это по-настоящему увлеченный, творческий человек. Одиннадцать лет назад

он, выпускник Московского института культуры, приехал сюда ставить свой дипломный спектакль.

Николай показал мне маленькую комнату во Дворце культуры. Невысокие подмостки, ряды стульев.

— Вот наш театр, — с грустью сказал Горячев.

— Что? — не поверила я своим ушам. — Это театр?!

Признаться, совсем другим рисовалась в моем воображении самодеятельная сцена, когда я слушала восторженный рассказ о ней в горкоме комсомола. Вот бы горкому и поддержать энтузиастов, лечь костями, но добиться для «Контраста» подходящего помещения. Но нет, горком в этом вопросе упорно держит нейтралитет — ни во что не вмешивается. Зато при случае не прочь похвастаться: вот, дескать, какой у нас театр.

В такой же тесноте проводит свои вечера и дискотек «Синтез», созданный молодыми инженерами В. Беляковым, В. Крыловым, С. Бурдаковым и В. Капустиным. Ума не приложу, как это при столь стесненных обстоятельствах ребятам удалось стать победителями областных конкурсов, лауреатами Всероссийского смотра дискотек.

Побывала я и в других молодежных объединениях — проблемы везде одни и те же...

Вот, к примеру, спортивный клуб «Спартаковец». Здесь подростки играют в футбол, волейбол, хоккей, теннис. Команды клуба — неоднократные победители городских и областных состязаний. Всю работу с ребятами на протяжении 15 (пятнадцати!) лет ведет Владимир Михайлов. Он не педагог, не спортсмен, а работник городской санэпидстанции. После работы каждый вечер, каждый выходной спешит к ребятам, не требуя за это ни льгот, ни наград. Таких людей горкому комсомола на руках носить надо!

Но Владимиру нужна не слава. Его запросы куда скромнее и конкретнее: клубу позарез нужно помещение. А то ведь даже завоеванные ребятами кубки и грамоты хранить негде: в распоряжении клуба лишь крохотная темная комнатка в конторе жилищуправления. Говорил об этом Михайлов в горкоме комсомола — и опять никаких сдвигов.

Восьмой год работает в Муроме подростковый клуб «Мопед». Часами возятся ребята с техникой. Приводили сюда и «трудных», теперь сами забыли, кто «трудный», а кто нет: у всех общий интерес, общее дело. Но голос у Александра Петрова, руководителя клуба, когда он рассказывал об этом, не очень-то радостный.

— Ребята многому научились, — говорит он, — им хочется показать свое умение и другим, но где?.. Хотели провести соревнования — начальник ГАИ не дал разрешения.

— А в горком комсомола обращались?

Вместо ответа Петров только махнул рукой.

Нет помещения у молодежного клуба — беда. Но хуже, когда у ребят нет стимулов, перспектив в деятельности. Стараниями одних руководителей любительских объединений тут, как видим, мало чего добьешься. Нужны внимание, поддержка комсомола. Нужен единый координирующий центр, который бы всерьез занимался организацией досуга, искал бы новые формы работы с молодежью. Такие центры уже с успехом действуют в Москве, Риге, Вильнюсе, других городах. Об опыте их работы рассказывали газеты и журналы, радио и телевидение. Неужели эта информация не дошла до Муромца? Дошла! Ведь еще три года назад ЦК ВЛКСМ всесторонне рассмотрел

работу комсомольских организаций Муромского района. В принятом постановлении, в частности, прямо сказано, как надо организовать свободное время юношей и девушек: активней использовать для этого возможности клубов, домов культуры, библиотек, полнее учитывать при этом пожелания, настроения и запросы молодежи. Не говорю уж о том, какое значение придается проблемам досуга сейчас, — всем это хорошо известно. Почему же на местах все еще раскисаются, все еще примеряются, прикидывают, ищут не средства, а оправдания?

— Все дело, по-моему, в пассивности комсомольских вожаков и работников культуры, — считает Клавдия Георгиевна Никифорова, коммунист с 40-летним стажем, долгое время работавшая директором Дома культуры в небольшом городке Меленки, неподалеку от Муромца. — Довольствуются минимумом. Есть несколько студий и кружков — ну, и ладно. Сами живут скучно и на других скуку наводят.

С этим трудно не согласиться. И все же по моей просьбе в Муромском горкоме комсомола собрались комсомольские секретари. «А что мы можем?» — опять услышала я уже знакомые жалобы. Были и другие мнения.

Юрий Митин, заместитель секретаря комитета комсомола радиозавода:

— Все понимают, что живем неинтересно. Но что предприняли? Даже ни разу не собрались, чтобы обсудить эти вопросы. Так мы всех энтузиастов растеряем.

Светлана Краснова, секретарь комсомольской организации треста столовых и ресторанов:

— И наши девчата скучают. Многие любят искусство, литературу, но негде собраться, поспорить, обменяться мнениями. Давно пора открыть молодежное кафе.

Александр Цыганков, секретарь комитета комсомола Муромского железнодорожного узла:

— Согласованности в работе нет. Задумали мы как-то пойти в турпоход — нет спортивного инвентаря. Обратились в спорткомитет — нам сказали, что весь инвентарь передан заводским профсоюзным организациям, ничем, мол, помочь не можем. Хотя решение о едином прокатном пункте принято, а воз и ныне там...

Вот такая ситуация: всем все понятно, но никто даже не пытается изменить положение к лучшему. А иные рассуждают так: куда нам, дескать, гнаться за большими городами да столицами, мы — глубинка...

Глубинка?! Но разве комсомольский Устав не один для всех? Разве не одни и те же у комсомольцев права и обязанности? Разве творчество и инициатива — понятия географические?

Застой, пассивность, лень мысли — вот что такое «глубинка» в комсомольской работе. Комсомольская глубинка — это самоуспокоенность, привычка к шаблону, попытки решать качественно новые задачи устаревшими методами и приемами.

Вернемся к спору о комсомольских субботках. Казалось бы, всем ясно, что они сделали свое дело, пора искать что-то новое, более интересное. Секретарь горкома комсомола не желает сходить с накатанного пути, упорно цепляется за старое, привычное. Цепляется вопреки здравому смыслу. Почему?..

Так, уважаемые муромские комсомолы, дальше жить нельзя. Сил и возможностей у комсомола не меньше, чем у былинного Ильи Муромца. Хватит сидеть сиднем. Пора просыпаться, вставать. Пора засучив рукава приниматься за дело.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Трудности, с которыми столкнулись комсомолы Муромца и Кинешмы, знакомы многим. Но дело тут не только в сложностях с организацией свободного времени молодежи. Речь идет о необходимости коренной перестройки комсомольской работы в свете требований сегодняшнего дня. Поэтому мы обращаемся к комсомольским работникам, активистам, ко всем читателям с просьбой ответить на вопросы.

1. Как вы относитесь к понятию «комсомольская глубинка»? Существует ли такое явление и каковы его «характерные приметы»?

2. Как решаются проблемы досуга в вашей комсомольской организации? Если есть положительные сдвиги, то расскажите, каким путем они были достигнуты.

Ждем ваших писем!

ГОВОРИТЬ о верности—это значит говорить о том, кто сегодня надежен. Так поняли цель дискуссии большинство ее участников. И, надо думать, неспроста...

Нормы морали, как известно, устанавливаются не теми или иными людьми: они вытекают из требований общественного развития. Для нашего строя и нашего времени характерно утверждение отношений коллективизма, товарищеского сотрудничества, взаимопомощи и взаимодоволия. Даже в семье эта тенденция проявляется все заметнее.

И рушатся—с болью, горем, порой недоумением—чаще всего именно семьи, построенные по старому, отжившему укладу. «Родня мужа не приняла меня: я старше супруга на семь лет. Пришлось уйти. Встречаемся тайком. Но поделиться, жить самостоятельно он не решает». (А. С.) «Семейное счастье я представляла так: все для мужа, чтобы ему было тепло, чтобы его встречали у порога вкусные запахи, чтобы утром он всегда надевал свежееглаженную сорочку... Так и жила. И услышала однажды: «Как он надоел, твой уют!» (Р. П.) Что разрушило эти семьи? Верность, как ни странно. Верность устаревшим традициям, изжитым представлениям.

Тем настоятельней необходимость разобраться: а что же идет на смену? И письма помогают это увидеть через отрицание того, что сегодня уже кажется неправильным, недопустимым.

«Сейчас многие избегают брака: не хотят тяжести и забот супружества. Счастье жить для другого им неизвестно: ведь это труд, да еще какой, он включает в себя энтузиазм, самодисциплину, требовательность к себе. Страшный порок—лень. Лень тела, лень души. Для влюбленных зачастую он оказывается роковым» (Александр М., Бердянск Запорожской обл.). Признание Наргизы М. из Фрунзе: «Мне скоро 30, а я не полюбила. Боялась обжечься, боялась разочароваться, боялась переживаний и мучений. Берегла свои нервы. И осталась одна». Авторы писем отрицают, как видим, душевную вялость и лень—несовместимые в семейном сотрудничестве качества.

Протест читателей вызывает «легкое отношение» к чувствам, торопливость, подмена подлинных чувств их подделкой. «Я думаю так,—пишет Ю. Гаркавиченко из Первомайска Ворошиловградской области,—та «дружба», которой хотят некоторые мальчики и девочки в 16—17 лет, лишь остудит их. И когда они начнут входить во взрослую жизнь, окажутся пустыми: все уже видели, все перепробовали». «К сожалению, некоторые из моих знакомых,—сокрушается Екатерина Горская (г. Горький),—не упустят случая «пошурить мурить», чтоб не скучно, мол, было. В моем же понятии: если любишь, никто другой просто не нужен».

Итак, что утверждают в качестве непреложных законов верности и надежности наши читатели? Духовное и душевное сотрудничество равных друг другу личностей, которое не терпит лени, эгоизма, самоутверждения за счет второго, требует полной самоотдачи, терпения и терпимости, взаимного уважения и взаимной требовательности; не может быть сегодня в отношениях между людьми корыстного расчета, они крепятся только полным моральным единодушием и бескорыстной щедростью по отношению друг к другу, искренностью, честностью. Мораль эта, нелегко заметить, полностью совпадает именно с логикой общего развития социалистических отношений. Замените слово «семья» словом «бригада»... Разве отношения в ней не требуют соблюдения тех же норм?

Потому-то, думается, наиболее сильное возмущение участников дискуссии вызвано различного рода фактами потребительства в отношениях. Ведь потребительство—это мораль барина: не работать, но вкусно есть. Такую мораль мы давным-давно отвергли. Но вот и сегодня нет-нет да появляются среди нас «баре»—не по происхождению, но, к

сожалению, по воспитанию: бездельные, однако с большими «аппетитами». И во многих письмах тревога и забота: где, в чем упускаем, что надо изменить, поправить, чтобы мы выросли в трудовом обществе «добровольные иждивенцы» и лишь потребляющие нахлебники.

«Губит некоторых из нас отсутствие идеалов. Не слишком ли мы «романтизируем» жизнь вначале, не слишком ли легко отказываемся от всякой романтики вообще?» (А. Сухомлин, Херсон). М. Костина из Карелии подчеркивает роль родительского примера, который не всегда побуждает к лучшему.

«Если мы всерьез намерены бороться с любым предательством—в мелочах или по крупному счету,—считает О. В. из Миуринска,—надо всеми доступными способами прививать молодым верность высшего порядка». Высшего порядка—значит верность революционным идеалам, созидательным традициям народа, долгу, интересам дела, цельности и чистоте чувств, верность «человеческому в человеке».

отношения с девушкой, а когда они стали углубляться, испугался, дал «обратный ход». А все потому, что настоящему мне нравилась другая, которая была для меня «самой-самой». Меня можно винить в легкомыслии, сам я себя даже в подлости упрекал, но ведь в основе моей истории лежит как раз верность, а не ее отсутствие».

Действительно, с верностью и изменой в любви—вопрос не так однозначен, чтобы делать выводы о снижении нравственности. Читавшь письма и думаешь: как, однако, все непросто устроено в жизни, каких только неожиданностей не преподносит она. Вот письмо И. М. из Владивостока: заболела, рассталась с любимым мужем, несмотря на его уговоры; боялась, что он теперь будет жить с ней только из жалости. Через много лет встретила снова, убедилась в ошибке. Но есть уже другая семья, дети... О. Д. из Москвы страдает, напротив, оттого, что не может справиться с чувством: любимый женился на другой, а она не в состоянии забыть его...

старше ее на тридцать лет, хранит верность отнюдь не любви, как ей кажется, а другому чувству—собственному экстазу, облеченному в форму любования кумиром. И тогда вновь окажется, что верность-то ее—самая настоящая измена тому, кто ждет живой любви.

Надежда Птицына, считая участником дискуссии, ошиблась именно в этом пункте: не смогла провести черту между настоящей верностью и ее видимостью. «Кому Вы верность храните, Надя? Красивой картинке?» (А. Альмишев, Иркутск). «Задумывалась ли Надежда, что слова «Женю я никогда не предаю» она говорила человеку, предлагавшему разделить с ней ее нелегкую участь, воспитания она ставит выше преданности, искреннего участия по-настоящему верного человека» (В. Назаренко, Припять Киевской обл.).

Неумение разобраться и правильно, реалистично оценить происходящее вокруг рождает не только пессимизм, скептицизм, неуверенность в себе и людях. Такое неумение лишает человека самого главного—твердой позиции. Вот что пишет, например, по этому поводу Татьяна Н. из Челябинска:

«Бесполезно вздыхать о любви и верности, как о каких-то недостижимых «небесных» чувствах, существующих вне человека. Нет и не было—во все времена!—любви и верности в мире дельцов, потребителей, себялюбцев. Ну так что же, предать самого себя, потерять веру, позавидовать тем, кто даже любовь свою превратил в товар? А если не хочешь быть похожим на них, не требуй от жизни гарантии неперемогимого личного счастья. Просто будь человеком, несмотря ни на что, сохрани в душе жажду любви и верности, ту мечту, которая не имеет ничего общего с унылой тоской о сытеньком счастьеце в своей собственной ракушке. Ту мечту, которая не позволяет душе проваливаться в «черную дыру» мешанской пошлости».

Суть процесса «девальвации» в молодежной среде иных моральных категорий, той же верности, к примеру, точно охарактеризовал в своем письме врач и секретарь партийной организации больницы Е. Цуканов из Риги. По роду профессии ему приходится знать любовь и верность отнюдь не только с их розовой стороны. Но именно это знание дает автору основание с уверенностью заявить: «Все осталось по-прежнему: любовь, как и природа, вечна. Вновь и вновь имел я возможность убедиться: и сегодня молодой человек боится впервые прикоснуться к понравившейся девушке, дорожит чувством, если дорожит им и подруга. А вот узнав легкие отношения, привыкает к вседозволенности. Надо поэтому не внушать молодым, будто хорошие понятия отмирают, а наполнить эти понятия новым, современным содержанием, прививать юным чувство прекрасного, уважение к благородству и целомудрию, духовности и гуманности».

Стало ли больше в нашей жизни предательства, измен? Вряд ли... «Люди, относящиеся преданности, верности к архаизмам,—это все-таки частные недуги»,—считает М. Смотров из г. Балхаша. И, оглянувшись вокруг, присмотревшись к поступкам людей, прикинув, как бы отнеслось к факту неверности ближайшее наше окружение, согласимся: нет, не стало больше вероломства... Просто мы стали громче говорить, нетерпимей относиться к нему, потому что выше стал спрос в наши дни на надежных, верных людей.

И даже за теми простыми и порой совсем незатейливыми строками писем с житейскими сюжетами, которые составляют большинство откликов на дискуссию, очень хорошо просматриваются весьма высокие моральные качества авторов. Выходит, живут они, давние нравственные нормы, в умах и душах, «работают» вовсю... Верны им люди. Как верны всему, что делает их жизнь чище, светлей, значительней.

НЕ ЗАВЕРШАЕМ ЧИТАТЕЛЬСКУЮ ДИСКУССИЮ «УСТАРЕЛА ЛИ ВЕРНОСТЬ?»

ИЗМЕНИ СЕБЕ

Людмила СЕМИНА

«Жена моя работала в детском саду поваром, на работу уходила в пять утра. Холод, мороз, выюга, а она идет. И если даже приболеет, примет порошок и идет: хоть ползком, а на работе быть должна. В садике у нее не только стряпня, но и живой интерес к своим детикам. Не у всех у них благополучно в семьях, иные приходят в синяках, заплаканные, о иных вообще забывают. Приведет такого сироту при живых родителях Зинаида к нам домой, напоит чаем, книжку почитает, приласкает, постелет постель, сплет колыбельную.

Вырастали мы своих двоих детей, дождалась внучку. И по-прежнему моя Зина идет в пять утра на работу, где ждут ее полторы сотни ребятшек, которых надо вкусно накормить. И все больше и больше нравится мне жена: активная жизнью, человечностью, надежностью во всем» (В. Суховеев, рабочий, Киев).

Это письмо-притча о надежном человеке и дает, наверно, самый лучший ответ, кого же мы считаем сегодня верным? Кто не подведет, не предаст.

ОПРАВДАН ли пессимизм, когда речь заходит о верности? Становится ли это качество сегодня анахронизмом, как утверждает начавшая дискуссию учительница Надежда Птицына? Что считать настоящей верностью? Разбор этих вопросов—тема второй части почты.

«На чем основано мнение Надежды о падении нравов в наше время,—рассуждает И. Игнатенко, рулевой-моторист Ленского речного пароходства (Киренск Иркутской обл.).—На нескольких историях «про измены»? Но то, что она считает изменой, не всегда доказывает отсутствие верности. Был у меня, например, такой случай, не подумав, завязал

Повернется ли язык упрекнуть первую женщину в измене? Какую «оценку» ставить верности второй? Одна ошиблась в оценке отношений, другая—в силе своего чувства. И дорого за свои ошибки, как видим, заплатили.

Работница «Союзпечати» Л. Ф. из Башкирии поведала такую по-своему трагичную даже историю. «Послушалась мамы, не поехала за любимым на неустойчивое место, осталась заканчивать первый курс института, а он погиб. Верность дочернему долгу обернулась изменой любви. Через два года вышла замуж, родился сын. Но обидно любимому ни на минуту не покидал. Ушла от мужа. Верность первой любви обернулась сломанной судьбой другого человека». А как нужно было поступить? Предпочесть любовь дочернему долгу? Или верность живому, но неполюбившемуся—памяти об умершем? Да и возможно ли в самом деле это вообще: правильно выбрать? И надо ли? Может быть, жизнь сама разведет и рассудит?

Нет, конечно: надо, надо выбирать, надо оценивать, сравнивать, обсуждать. Именно потому, что жизнь неоднозначна, сложна и неповторима в частностях.

Там, где речь заходит о верности, обязательно поэтому уточнение—верности чему? И тогда легко обнаружится, что Л. Ф. выбирала не столько между дочерним послушанием и любовью, сколько между устроенностью и неустойчивостью быта, между бездейственной (к умершему) и деятельной (к живому) любовью, предпочла более для себя удобное. (Простите, Л. Ф., за резкий суд.) Тогда легко обнаружится также, что замкнувшись в одиночестве Р. И., заочно влюбленная в диктора телевидения, человека женатого и

ЕЩЕ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ...

Росен БОСЕВ

РАССКАЗЫ

В ОДНОМ ВАГОНЕ

Кандидат наук наблюдал из окна природу. Нечто нелогичное ощущалось в этой серой мешанине, которая еще не успела превратиться в лужи, но и снегом уже нельзя было ее назвать.

С резиново-алюминиевым шепотом разошлись дверные створки, и в купе вошел парнишка-контролер. Пассажир не глядя сунул руку в верхний карман блейзера и протянул билет. Парнишка повертел картонный квадратик, и вместо легкого щелканья щипцов кандидат услышал:

— Очень жаль, но такой документ не дает вам права на проезд, к тому же в первом классе!

Кандидат снова сунул руку в карман и на сей раз вынул настоящий зеленый билет.

Теперь щипцы щелкнули, и вместе с билетом контролер вернул ему и картонный квадратик с тонкой стрелкой, упершейся в цифру «83».

— Взвесился сегодня,—объяснил кандидат.—Нельзя так дальше полнеть, надо что-то предпринять.

— Бегать вам надо,—посоветовал парень,—я вот регулярно в парке бегаю.

Видно по нему!

— Бегать,—полувопросительно-полутвердительно произнес кандидат,—бегать...

Контролер направился к дверям.

— Эй, а сигарет у вас не найдется случайно?—кликнул его кандидат наук.—Я думал, есть вагон-ресторан, а здесь и проводниц не видно!

— У меня-то нет сигарет, в головном вагоне у начальства спрошу.

Двери закрылись, кандидат откинулся на сиденье, под белым чехлом очерчивался красный плюш: ярко-белое и ярко-красное—подобное сочетание и раздражало, и успокаивало одновременно.

Стоявшая перед ним задача, блестяще им решенная, уже послужила поводом для целой серии визитов на учтиво пригласившие его предприятия—этакое приятное турне с овациями.

А новой работой он еще не занялся, потому что предстояли ему целых восемнадцать месяцев совершенно другой деятельности.

Через две недели кандидат наук должен был начать свою военную службу.

Он заканчивал учебу в институте, когда вышел закон о воинской повинности и для лиц с высшим образованием. Он спокойно отнесся тогда к этой перспективе, даже расспрашивал людей бывалых, чтобы точно знать, что же от него потребуется. Он уже прибрел себе новую мыльницу, щетку для чистки обуви и платяную щетку для чистки будущего обмундирования, когда вдруг оказалось, что его дипломная работа вызвала интерес и решено послать его за границу в аспирантуру.

Три года в чужой стране совершенно стерли в его сознании мысль о воинской службе. А кроме того, он был буквально завален работой: ведь его диссертация решала важную для народного хозяйства проблему.

Он стал кандидатом, вернулся в Болгарию, теория его блестяще подтвердилась на практике, и тут-то армия снова призвала его под свои знамена. Имелась, конечно, возможность опять все отложить, тотчас заняться новой темой, но он чувствовал себя утомленным научной деятельностью, да и не привык откладывать трудности на потом, привык, напротив, победно одолевать их.

Предстоящее не смущало, не особенно волновало кандидата наук; он уже давно превратился в человека, спокойно и основательно оценивающего окружающую реальность и, если есть возможность, изменяющего ее.

Он заслужил репутацию человека, которого уважали даже те, кто был старше его, имел более высокие титулы и звания.

Двери раскрылись, и вошел контролер.

Он протянул кандидату четыре сигареты, тот взял

Рисунок
Наталии
СЕДУЛИНОЙ

их, вынул из кармана блейзера бумажную салфетку и постелив ее на столик, разложил сигареты.

Парнишка уселся напротив, пассажир предложил ему сигарету, парень неловко склонился к высокому огоньку зажигалки и неумело выдул дым через ноздри.

— Да,—заметил кандидат,—такое дело, думал, здесь есть вагон-ресторан, а оказывается, нет. Благодарю вас за сигареты.

— Да ничего,—улыбнулся контролер,—подумаешь, четыре сигареты!

— Когда они у тебя имеются, то действительно ничего особенного,—медленно проговорил кандидат,—но вот когда их нет... Все, что мы имеем, значений не имеет; имеет значение только то, чего мы не имеем.

Парнишка помолчал немного и вдруг быстро заговорил:

— Точно! Я вот, скажем, тысячу километров проежаю, чтобы сцапать кого-нибудь, кто без билета, вроде только того и жду, для того и еду, а как сцапаю—и не по себе становится: человек без билета, значит, у него денег нет, а я его штрафовать должен. Тяжелое дело!

Кандидат заметил про себя, что один легкий всплеск его мысли, небрежный софизм произвел что-то вроде маленького переворота—человек задумался о смысле своей деятельности, чуть ли не о смысле всего своего существования. Он с удовольствием затянулся, ощущая свое духовное превосходство над этим мальчишкой, и над всеми в этом вагоне и в этом поезде, и над всеми, мимо которых этот поезд проезжал.

Кандидат вовсе не был надменен, но привычка стоять во главе, открывать новые теории и небрежно отдавать их другим—для дальнейшего развития—все это делало его несколько самоуверенным.

— Скоро Мездра,—сказал контролер,—а там опять мне по купе проходить.

— Мездра ведь близко от Врацы, правда?

— Пятнадцать километров... Десять минут...

— Ты во Враце бывал?

— Мы редко по этой линии ездим, но в прошлом году был на экскурсии. Хороший городок.

— Хороший городок,—усмехнулся кандидат и с неожиданной для него откровенностью проговорился:—Я там службу проходить буду, в этом хорошем городке.

И тотчас заметил, что преклонение или по крайней мере уважение, с каким парнишка до сих пор глядел на него, исчезло и заменилось полуироническим-полуприятельским взглядом. («Ага, салага»,—сказал парнишка про себя, только и всего.)

— Да, впрочем, какая там особенная служба!—Неожиданно для себя кандидат открыл, что его раздражает это сокращение дистанции, что ему во что бы то ни стало хочется сохранить прежнее достоинство.—Какая там служба! Полгода курсов, а потом обратно в институт.

— Курсы,—контролер ухмыльнулся,—курсы—это хорошо, меньше гонять вас будут.

Ирония, заполнившая промежуток между «гонять» и «вас», поразила кандидата, он вдруг ясно ощутил комичность ситуации и заупрямился:

— Кто это меня будет гонять?

— Старшина,—пояснил парнишка,—младший сержант, ефрейтор. Они-то и гоняют!

— Гоняют, гоняют! Как это гоняют?—Слово не содержало в себе ни малейшей информации, но лишь создавало некую туманную атмосферу, откуда кандидат силился теперь извлечь что-то более определенное.

— Ну, просто так говорится,—поспешил ответить контролер.—«Гонять», «гонка». А вообще ничего особенного... Заставляют тебя делать то, что полагается, и всё! Только могут по несколько раз заставлять...

— Зачем по несколько раз? (Дистанция сокращалась катастрофически.)

— Затем. Пока не сделаешь как следует. Вы на животе можете?

— На животе? — Опасаясь насмешки, кандидат инстинктивно втянул живот, но тотчас разобрал, что речь идет о каком-то упражнении.

— На животе, — подтвердил парнишка. Встал, подтянулся и лег поджарым животом на плотную балку багажника, задрал ноги до самой сетки. — Вот... А потом переворачиваешься вниз головой. И если сразу не получится, будут гонять...

Парень спрыгнул на пол и вгляделся в этого странного полноватого человека, вначале так удивившего его своей рассеянностью и своими разговорами... А оказалось, самый обыкновенный новобранец, салага!..

— Я научусь, — неуверенно заговорил кандидат. — Для того ведь нас и призывают в армию, чтобы мы учились.

— Точно! — согласился контролер и, кинув взгляд на элегантно тупфли пассажира, переливавшиеся всеми цветами радуги, от вино-красного до ярко-желтого, на его зеленые мохнатые носки, дополнил: — И портянки выучитесь наматывать.

— Ну, это-то нетрудно, — нагло солгал кандидат. И парнишка сейчас же понял, что данное лицо не знает, что такое портянка.

— Наверное, — притворно согласился он. — Только делать это нужно как следует, иначе гонять будут. Кандидат сообразил, что наказан за свою лоду, и слегка порозовел.

— Да, и шинель выучитесь скатывать, и пол мыть... кофломпой... — Чувства молодого контролера окончательно прорвались, он целиком погрузился в атмосферу собственной памятной службы. — И дневальти придется... И наряды вне очереди... И — бегом марш!.. И сорок километров — пеший переход... Эгей! Всем выучитесь!

Колеса сильно застучали, поезд остановился... — Станция Мездра, — объявил парнишка, спустившись с небес на землю. — Стоим двенадцать минут. Можете выйти купить сигареты.

Кандидат поднялся с мягкого сиденья, взял свое дорогое пальто, с усилием втиснул в него свое расплывшееся тело.

Контролер уже был за дверью. — Счастливо служить! — донеслось из коридора. — Так говорится...

И уже совсем издали, с другого конца вагона послышалось что-то соленое. Любкой «дембель» понял бы, но кандидат наук не понял, потому что еще не отслужил свой срок. Не понял и разобрал только: «сапоги» и «еще в первый день»...

...Через двенадцать минут поезд снова несся вперед. Утонув в мягком кресле, кандидат разглядывал серую оклеенную за окном слякоть... И вдруг смущенно поднялся, ухватился за плотную балку багажника, балка прогнулась, но подтянуться он не смог даже на миллиметр. И, задыхнувшись, снова уселся у окна.

Постепенно он успокоился, вынул авторучку, записную книжку и начал перелистывать странички, заполненные одним бесконечным уравнением, дошел наконец до необычайно важного решения этого уравнения, перевернул страничку и на чистом листке кривящими от тряски буквами вывел:

«Выбрать удобные сапоги. Еще в первый день...»

НЕБЕСНЫЙ ДОМ

В то время я был научным сотрудником в институте дирижаблей. Остро стояла задача производства отечественных цеппелинов, с этой целью и был создан институт.

Здание находилось за пределами Софии, отлично отремонтированная бывшая казарма, и, поскольку институт не располагал большим штатом, на каждого из нас пришлась отдельная комната с фанерованными стенками, столом и окошком, выходящим прямо на летное поле.

При распределении работы на мою долю выпало проектирование кабины для экипажа, и я с энтузиазмом углубился в дело.

Серьезной проблемой явилось остекление. Для моего проекта требовались изогнутые стекла, а найти их было трудно. Кроме того, при возможных авариях на первых, еще недостаточно освоенных летательных аппаратах замена стекол обходилась бы слишком дорого.

Но я уже посвятил всего себя науке и ценой деннонощных усилий преодолевал трудности. Я придумывал самые разнообразные приспособления. Меня не разочаровывали слабые результаты, низкие показатели при сгибании стекол, я с новой страстью продолжал опыты.

Определили мне и помощницу. Девчонку с соломенными косичками и голубыми глазами, совсем простенькую, но работящую. Она была родом из самоковского села, называла меня братиком, а я представлял себе, как в прежнее время такая девчонка вынужде-

на была бы пойти в прислугу в богатый дом и терпеть там всевозможные унижительные неприятности от самого хозяина и его сыновей.

Она училась в девятом классе вечерней гимназии, и однажды я остался после работы, чтобы помочь ей в решении нескольких сложных (для нее) алгебраических уравнений.

Короче, наше взаимное увлечение данной областью математики способствовало нашей взаимной привязанности, и для меня стало настоящей радостью возвращаться домой в огромный город вместе с ней в одном из последних полупустых автобусов.

Но не подумайте ничего плохого: мы даже не целовались.

Увы, мое высшее образование, заочная аспирантура, владение русским языком и настольная моя книга «Шаровые молнии», написанная прогрессивным американским новеллистом Реном Мэйерсоном, — все это, вместе взятое, создавало преграду между ее алыми, как самоковская малина, и моими грейфрутовыми от постоянного курения губами.

Наша привязанность основана была совсем на другом. На взаимной симпатии и уважении.

Поэтому я был крайне изумлен, когда директор института, весьма ценный мной ученый, вызвал меня в кабинет и заявил с некоторым, впрочем, чувством неловкости, что хорошо бы мне соблюдать приличия хотя бы в рабочее время и тем более не оставаться наедине с моей приятельницей в канцелярии после пяти, а также при наших с ней обязательных рабочих контактах хорошо бы общаться, как принято, на «вы».

Вы можете понять, какое чувство охватило меня после этого разговора. Получить от начальства едва ли не выговор за несуществующую связь — такое любого вывело бы из равновесия. Человек по природе мирный, я ни словом не возразил, а просто вызвал мою помощницу и объявил ей, что наши отношения изменяются коренным образом.

Девушка помогала своими огромными ресницами и вышла из комнаты.

На следующий день мы перешли на «вы». — Знаете, братик, я вчера вечером смотрела по телевизору пьесу одного такого Шекспира «Ромео и Джульетта», и там смысл такой, что всегда найдется какой-нибудь подлец и все испортит молодым, — говорила мне она, на что я отвечал:

— Да, непонимание тончайших человеческих чувств всегда связано с драматическими коллизиями, но человек может найти утешение в труде. Утешение. Хотя и несколько иного свойства.

А проект кабины между тем продвигался. Тогда я еще и не подозревал, как в действительности обстоят дела с несущими телами (а кабина — это и есть несущее тело).

Однажды директор, в очередной раз просмотрев мои последние варианты, решил, что пора приступить к воссозданию кабины в ее реальных параметрах.

И тут-то раскрылась, расцвела моя помощница. В ее обязанности входило следить за работой стюардов, наблюдать за качеством оклейки обоями внутреннего помещения, проверять эффективность отопительной системы. Кабина получилась превосходной, и приемная комиссия, попрыгав на койках и осматрив пакагауз и туалетный узел, разместила в рабочем отсеке завтрашних воздухоплатователей и подписала все необходимые документы.

С нетерпением ожидал я изготовления остальных частей дирижабля, но дело почему-то не шло.

Тем временем девушка выхлопотала себе разрешение переселиться из своей комнатухи в кабину.

И на пустом поле появился странный сигарообразный домик с сияющими чистой окошками, с милыми занавесками и ковриком у входа.

Не стану скрывать, директор после моего явного успеха значительно смягчился, так что я сделался частым и дорогим гостем в домике-кабине.

Удобно устроившись в пилотском кресле, я дождался, пока вскипит кофе, и болтал с моей подружкой.

— Вам, братик, — внушала мне она, — пора уже и о семье подумать. Одинокий мужчина — вроде бы и не мужчина. Некому ему доказать свои мужские права. Правда ведь?

— Есть такое дело, — соглашался я. — Хотя можно доказать свое мужское достоинство и в науке, так сказать, в поединке с проблемами, которые перед нами поставлены.

— Все проблемы да проблемы. И как вам только не надоест!

— Существует в жизни такое, что надоесть не может.

— Но существует и другое, что тоже не может надоесть, — туманно парировала моя собеседница.

Так мы дружили с ней в нашем небесном доме, я довел ее до гимназического диплома, чтобы она стала инженером-строителем, но тут что-то заело.

Между тем годы шли, а несущее тело все никак не могло подняться в воздух.

И, наконец, наступил закономерный финал: институт закрыли, а идея создания дирижабля растаяла, растворилась сама собой.

Все мои коллеги нашли себе новую работу, я также нашел чудесное место в институте аэродинамики. Жизнь моя протекала нормально. С течением времени мечты о цеппелинах забылись, появились новые проблемы, новые горизонты.

Но недавно я вдруг вспомнил о том небесном доме и отправился на старое место. Летное поле неузнаваемо изменилось, но домик с дымящей трубой я заметил издали.

Моя прежняя помощница сажала в огороде лук-порей.

Увидев меня, она страшно обрадовалась. — Наконец-то, братик! Добро пожаловать! Сейчас познакомлю вас с мужем, соберу на стол...

— О, так ваше семейное положение изменилось? — с притворной веселостью спросил я.

— Еще бы! Петку у меня шофер, на самосвале работает да к тому же учится на курсах бульдозеристов.

Внутри все было как следует: телевизор с антенной, позади, на стенке, коврик, детская кроватка, «Спидола», а в прежней аппаратной — колбасы домашней выделки, банки с компотами — мило, тепло, уютно...

Я поболтал с этими милыми людьми и отправился обратно в город, прижимая к груди подаренную мне на прощание банку домашнего повидла.

Отойдя достаточно далеко, я невольно оглянулся. Небесный дом крепко стоял на земле, а выходящий из трубы дымок рисовал в небе смутные очертания дирижабля, которому я посвятил часть своей жизни.

И вдруг подул ветер и мой воздушный дирижабль отлетел в неведомое далеко.

КАРТОФЕЛЬНОЕ ПОЛЕ

Днем под огромным навесом, вобравшим в себя всю июльскую жару, мы сортировали помидоры, складывали в ящики, прилепляли веселые этикетки и пускали сочные, вкусные, полные витаминами плоды в путь по свету.

На завтрак давали нам чай и брынзу, на обед — мясо с картошкой, а на ужин — картофельное пюре и компот.

Вечерами нисходила романтика — разводились костры из старых, разбитых ящиков, и десятиклассник Иван Димитров играл на гитаре и пел «Солдаты, в путь», а также «Моряки, ах, только они умеют любить», а также «Раскинулись поля» и, наконец, «Банан» — прекрасную песню о бедном щедром неге — творение самого Ивана и бригадный шлягер.

Иногда мы с Соней переглядывались, тихонько отдалялись от костра и, поджавшись на теплое плечо холма, говорили друг другу искренние слова и целовались, а где-то в темноте кружил железный начальник ученической бригады — преподаватель химии Димо Метерлинков.

Вот почему целовались мы бдительно и виновато, словно невинное соприкосновение наших губ могло обидеть эту старую деву — дисциплину.

Но как мы ни береглись, Димо Метерлинков всегда успевал нас накрыть, вытягивался в тени у огня и, строгий, молчаливый, прослушивал весь репертуар великопленного Ивана Димитрова; дождался последнего поцелуя и тут-то и показывался, чтобы привлечь к себе наше внимание.

Димо Метерлинков никогда не прерывал песню или поцелуй. Уже начатое он оглядывал строгим безмолвным оком. И никогда не наказывал нас, хотя все, что совершали мы по призыву юной романтики, было весьма уязвимо с точки зрения школьных правил. Но Димо этим ни разу не воспользовался. Он просто хотел направить нас на верный путь личным примером — таинственный светофор с зелеными глазами и странной фамилией.

Но мы решительно двигались по дурной дорожке: каждый вечер Иван Димитров вынимал из черного клеенчатого футляра гитару, и звучание «Банана» оглашало окрестности, а мы с Соней отправлялись на наш темный холм и целовались над алыми кострами под белой луной.

Однажды утром Метерлинков вызвал меня:

— Слушай, парень, эта картошка, которой мы питаемся, выкопана руками работников местного кооператива. Но в кооперативе нет лишних рук, поэтому решено организовать отдельную ученическую бригаду для сбора картофеля. Смотреть за вами там будет некому, так что я выбрал самых верных ребят. А теперь беги собирай вещи, скоро грузовик придет. И не забудь одеяло...

— А помидоры? — спросил я с болью в голосе, имея в виду Соню.

— Помидоры? Для помидоров народу хватит.

Я отправился за своим багажом, вошел в спортивный зал сельской школы, где нас разместили, затолкал все в сумку, в глаза мне бросился крик, на котором обычно висела гитара, — ее не было. Собрав вещи, я побежал обратно под навес и остановился рядом с Соней. Рассказал ей все как есть. Она поглядела на меня своими огромными глазами, губы ее дрожали.

— А я? — казалось, спрашивали эти глаза и губы.
— Осталось еще только две недели, — ответил я на невысказанный вопрос, кинулся бежать, швырнул сумку в кузов, сам взобрался следом и увидел великолепного Ивана Димитрова, молча опершегося на гитару.

Я шагнул к нему и свалился, потому что грузовик резко дал газ, оставив за собой шлейф пыли, где-то на кончике этого шлейфа мелькнуло белое Сонино лицо... Иван приподнялся, глянул на меня и равнодушно бросил:

— А, и ты здесь. А я думал, только мы с Лаци. И правда, через маленькое пыльное оконце я заметил в кабине розовую тонкую шею и торчащие уши Лаци.

Грузовик взбирался в гору, мы хватались за его скрипучие борта.

— Садись, — пригласил меня Иван Димитров, — садись на свой мешок.

Я уселся на сумку и, глядя в бегущие вдоль дороги персиковые деревья, принялся наводить порядок в собственных мыслях.

Иван вынул сигареты, зажег одну, предложил и мне, но я отказался. Он закурил и выпустил огромный столб дыма, который пустился было вдогонку за нами и вдруг рассеялся, отказавшись от своего неисполнимого намерения.

— Значит, и тебя, — подытожил Иван. — Меня — из-за гитары, тебя — из-за Сони, а Лаци...

— Что из-за Сони?

— Эх, приятель, — неожиданно дружелюбно начал Иван, — неужели ты не понял, зачем Метерлинку сыплет нас в эту картофельную даль? Дисциплину бережет. Не будет меня с гитарой — не будет костров по вечерам. Ясно? И все лягут вовремя. А ты? Нет тебя — и не с кем Соне целоваться, а то целуетесь, дурной пример подаете...

— А Лаци? — спросил я. — Он же у нас самый примерный.

— Лаци послан за нами присматривать. Воспитывать личным примером. Чувство ответственности, образец труженика, короче, равняйся на передовиков!

Грузовик продолжал взбираться на гору, село оставалось позади, далеко, невыносимо далеко, а в селе — Соня.

Потом дорога пошла вниз, круто повернула, и машина стала.

Шофер распахнул зеленую дверцу, соскользнул по сиденью вниз и, подтягивая ремешок на брюках, бросил нам:

— Слезай, приехали! Станция «Картоха» — последняя остановка.

Мы с Иваном соскочили, из кабины показался сонный, нежный и розовый Лаци.

Шофер зашагал прямо через поле, мы — следом, вдали завиднелся бункер — нечто бетонированное и покрытое глиной.

Внутри оказалось очень жарко, стояли три лавки, на одной спал укутанный выцветшим пыльным человеком, шофер похлопал его по плечу:

— Вставай, Мишо! Молодая смена приехала!

Человек по имени Мишо поднялся, протер глаза, сказал: «Добро пожаловать!» — и вдруг бросился наружу. Мы тоже вышли. Неожиданно быстро он нагнулся и начал выгаскивать из земли картофельные кусты с повисшими на корнях комочками глинистой земли.

Мишо встряхивал растрепанные кусты, земля осыпалась, и глазам открывались круглые картофелины.

— По три ящика в день, — пропищал Мишо, кинулся обратно к бункеру, извлек оттуда огромную корзину и, смеясь склоняясь на одну сторону, побежал к грузовику.

— Терпения нет у человека, — пробормотал шофер. — И куда только торопится? Ну так, парни, значит, он вам все объяснит. От вас требуется по три ящика в день. Ежедневно в это самое время буду приезжать за картошкой, привозить вам то да се, в общем, связывать с цивилизованным миром. Пока!

Грузовик описал полукруг и медленно поехал в село.

Мы трое стояли на мягкой земле. Солнце палило. Тени наши протянулись по полю. Мы молчали. Наконец Иван закурил и решительно предложил:

— Ну-с, давайте располагаться!

И первым вошел в наш новый горячий дом. Кинул одеяло на лавку и повесил гитару на огромный ржавый крюк, спускавшийся с потолка.

Я смахнул со своей лавки пыль, постелил одеяло,

вынул из сумки свои вещи, взял в ладони Сонину карточку, повернулся спиной к тем двоим и услышал их прысканье.

Лаци приехал с чемоданом, положил его, не открывая, на лавку, и мы снова вышли наружу.

Кусты торчали из коричневой земли. Мы пошли по рядам и, припомнив действия Мишо, раскачивали выкопанные кусты до тех пор, пока не показывались круглые тельца картофелин. И все складывали в кучки.

Лаци старался не слишком опережать нас. Около двух часов мы молча работали, потом притащили ящики, и тут оказалось, что наши картофелины в них даже не умещаются.

— Как славно, ребята, — впервые подал голос Лаци, — можно по целым дням почти ничего не делать.

Я грустно посмотрел на переполненные ящики. Солнце уже скрывалось за горой, но все равно еще долго будет светло. Лаци вдруг все понял и тихо спросил:

— Что же мы будем делать целыми днями?

Иван медленно направился к бункеру. Вышел и бегом к нам, растекаясь на ходу футляр с гитарой, и вид у него был такой, словно в футляре заключалась важная идея. Запыхавшись, он остановился, ударил по струнам, и в воздухе разнеслись звуки торжества.

Иван вскопал на ящик и раскинул руки:

— Леди и джентльмены! Запомните этот миг на всю оставшуюся жизнь. Вы присутствуете при рождении знаменитого эстрадного состава «Картофельное трио».

Джентльмены, уважаемый всеми нами сэр Метерлинков, дабы соблюсти дисциплину в доверенном ему форте, сослал в заточение песню, любовь и скромность.

Но песня, любовь и скромность, соединенные воедино, рождают славу. Итак, начинаем репетицию! ДО РЕ МИ ФА СОЛЬ ЛЯ...

Уши Лаци покраснели от трепета.

Я на миг представил себе море всеобщего восторга и сияющие Сонины глаза посреди этого моря... Невольный судорожный вздох вырвался из моей груди.

«До!» — Иван ударил по струнам, и мы с Лаци, покорные и сосредоточенные, повторили: «до»...

У Лаци вначале пошло хорошо, но потом звук истончился и будто сломался... Мое «до» взвилось визгливой спиралью...

— Придется нам поработать над «до», — вздохнул Иван.

— Когда я был маленьким, меня учили играть на рояле, — горестно заговорил Лаци, — один знаменитый маэстро, целыми днями занимался, и все равно ничего не вышло...

— Будем работать над «до», — заключил Иван.

Мы завывали до поздней ночи и улеглись лишь тогда, когда почувствовали полное подчинение роковой ноты нашим голосам.

...Так день за днем поднимались мы по нотной лестнице. Голоса наши зазвучали чисто и красиво, и мы словно стали красивее вместе с ними. В глазах наших засветилась слава, спины распрямились, на загорелых руках вздувались крепкие мускулы, зубы блестели.

Каждый день в село аккуратно отправлялись три ящика картофеля вместе с приветами всем нашим друзьям. Мы уговорились держать в строгой тайне наше «Картофельное трио» и не писать о нем никому, даже Соне.

Может быть, именно потому мои письма тревожили ее, она уже догадывалась, что я что-то скрываю.

А мне так хотелось хотя бы намекнуть на то, что с нами происходило, рассказать, как здорово мы усвоили «Банан», как слаженно поем каждый вечер «Моряки, ах, только они умеют любить». Но мы ведь дали друг другу слово молчать до первого концерта, и я молчал. Даже на всякий случай устроили друг другу цензуру, ежедневно один из нас просматривал письма, которые мы отправляли.

В письмах Ивана Димитрова говорилось о том, как вкусно и славно есть картошку рядом с верными друзьями под шипение горячих углей.

В дни моего цензурного дежурства я не писал Соне, боялся искушения.

Лаци посылал матери открытки:

«Мамочка, у меня все хорошо, поправляюсь!»

И это отвечало истине. Наш худенький, нежненький, стыдливый Лаци мужал на глазах. Иван Димитров говорил, что готовит его к будущим встречам с публикой.

— Потому что, — развивал Иван свою мысль, — когда к нам придет известность, все девушки непременно захотят встретиться с нашим трио. Но ты, — обращался он ко мне, — естественно, будешь избегать встреч, в каждом ансамбле всегда находится один чужак, который дико влюблен в свою девушку и не обращает внимания на славу. Так что интервью придется давать мне. А Лаци, наш Лаци, станет объяснять девушкам, как мы достигли вершин славы, потому что девушек нельзя оставлять в неведении.

Дни шли, репертуар расширялся. Так и должно было быть, ведь приближался последний день, когда мы снова взберемся в кузов зеленого грузовика, приедем в село и там у костра состоится первый концерт.

Ночами над бункером витали мечты.

Рукоплескания, переходящие в овации, витали над бункером. И крики «бис!». И «браво!». И «ура!». Светлело теплое плечо холма, и в темноте белело восхищенное лицо Сони. Журналисты витали над Иваном Димитровым, засыпая его коварными вопросами. И еще ничего не ведающие девушки витали над бункером, а над всеми этими видениями взмывало нечто белобородое, нечто в шлепанцах на тигровом меху, нечто с бриллиантовым нотным ключом в руках. — Маэстро! И тогда мы погрузились в сон.

И однажды поздним вечером при луне состоялась генеральная репетиция. Посреди поля встал Иван, поклонился и свистнул. Мы с Лаци выскочили из бункера, преданно вытянулись по обе стороны и залели «Банан».

Потом пели еще много прекрасных песен, и все было прекрасно, и заснули мы поздно, и поздно проснулись — часов в десять.

Разбудил нас подозрительный шум на шоссе. Это не был наш грузовик, для него было еще рано. И вообще... Это было что-то совсем другое.

Мы переглянулись, мне показалось, по лицу нашего Лаци пробежала тень испуга, совсем тихо пробежала, на цыпочках. Мы поспешно оделись и выбежали из бункера. Такой неуместный здесь и такой непоколебимый, подъезжал к нам громадный черный «мерседес».

— Это наша машина, — прошептал Лаци. — Это мама.

И спрятался за нашими спинами. Машина остановилась, шофер вышел. Неужели на свете существуют такие шоферы — в отглаженных костюмах, в белых рубашках и при галстуках?

Шофер поправил галстук и почтительно распахнул заднюю дверцу, оттуда выскочила худенькая женщина с тонкими поджатыми губами и побежала к нам прямо через поле. Она бросилась на шею Лаци и принялась целовать его.

Покончив с нежностями, мать обернулась к нам:

— Значит, это и есть остальные участники «Картофельного трио»? Неудачное название!

...Почему ты предал нас, Лаци? Почему ты предал...

А мать продолжала:

— Давайте послушаем!

Лаци с испугом поглядел на нас, я повернулся к нему спиной, Иван сплунул и, шагнув к бункеру, возвратился с гитарой.

— «Банан»!

Начали мы довольно скверно. Но уже следующая песня вернула нас в наш картофельный мир, мы уже не думали ни о «мерседесе», ни о шофере, ни об этой женщине с тонкими поджатыми губами. Мы пели так, как нам пелось в эти долгие дни в солнечной тишине, и песня наша звучала чудесно.

Когда мы окончили, любящая мать снова бросилась на шею сыну, повисела некоторое время, затем сказала:

— Это должно было случиться. У него должен был прорезаться голос.

Ее слова медленно таяли в летнем жарком воздухе. Мы ждали, что она скажет еще что-нибудь, что-нибудь обидное для нас, подкрепляющее нашу ненависть к ней, но она только повторила:

— У него должен был прорезаться голос. И, как это ни странно, он прорезался здесь, в этой пустыне.

Глазами женщина указала шоферу на бункер.

Через минуту тот уже укладывал чемодан Лаци в огромный багажник.

Мать обернулась к сыну:

— Едем. Я говорила с Маэстро. Он готов тебя прослушать сегодня же.

Шофер уже сидел за рулем, женщина отворила заднюю дверцу, Лаци виновато шмыгнул за ней, дверца захлопнулась, «мерседес» бесшумно тронулся.

Лаци смотрел в окошко, махал нам рукой, мне показалось, я заметил слезы у него на глазах. И в этих слезах поблескивали ежедневные три ящика картошки, и само картофельное поле, и наш бункер, и песни, и все это уносилось далеко от нас, вниз, в село, потом в Софию, к великому Маэстро, белобородому, в тигровых шлепанцах, с бриллиантовым нотным ключом в руках.

— Все! — сказал я. — Все! Кончилось трио.

А Иван снова сплунул, поправил гитару и тихо скомандовал: «Банан!»

Мы пели во весь голос, и смотрели друг другу в глаза, и радостно улыбались. Песня осталась с нами.

Перевела с болгарского
Фаина ГРИМБЕРГ.

ПАМЯТНИК
АЛЕКСАНДРУ
КАЗБЕГИ.

КРЕПОСТЬ
В ДАРЬМЬСКОМ УШЕЛЬЕ.

Отечество

Теймурвз МАМАЛАДЗЕ.

Фото Сергея ВЕТРОВА

дорога в легенду

Не географическая протяженность — двести километров, а историческая — двадцать столетий.

В хорошую погоду я преодолеваю ее на машине за пять часов. Но даже в самую хорошую погоду я не могу преодолеть ее.

Пересекая Главный Кавказский хребет в его самой узкой, не превышающей ста десяти километров части, эта дорога проходит через судьбы народов и прожитое ими время.

Через судьбы многих замечательных людей.

Такая вот связующая нить. Нить суровая, прекрасная и неподаластная одному слабому взгляду.

Есть немало хороших книг, объясняющих, почему она Военная и почему Грузинская, но еще больше книг написано о том, почему она вечная.

Эти книги сами вечны, как огонь дерзаний. Таково огниво этой дороги.

Есть прекрасные путеводители по ней, необычайно дотошные в учете и описании даже самых малых ее достопримечательностей, и есть путеводители по неохватным пространствам излучаемой ею духовной энергии.

«Смотрите путешествие графа И. Потоцкого, коего ученые изыскания столь же занимательны, как испанские романы», — советует Пушкин интересующимся историей Военно-Грузинской.

«Занимательный роман» этой дороги

перерастает в героический эпос, который творили такие авторы, что любой очередной ее описатель рискует предстать читателю ничтожной пылинкой, случайно занесенной ветром на ледовые поля Казбека.

Пушкин отсылает читателя к сочинениям графа Потоцкого, а сам пишет «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» — лишенный временных границ рассказ об этой дороге. И сколько еще вневременного, вечного, навеянного ею пишет:

*«На холмах Грузии
лежит ночная мгла,
Шумит Арагва прадо мною...»*

*«О Терек, ты прервал свой рев,
Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, освирипев,
Свои брега...»*

«Отселе я вижу потоков рожденье...»

В XIX веке вдоль Военно-Грузинской построились почтовые и станционные дома, приюты, карантинные. Путники подолгу ждали лошадей. «Не верьте почтосодержателям конечных станций, что задержки не будет в пути. Придется насидеться и натерпеться вдвои», — предупреждает старинный путеводитель. Станционные смотрители лениво вчитывались в подорожные. Михаил Лермонтов, Александр Грибоедов, Илья

Верстовые вехи на пути, образовавшем столбовую магистраль культуры... Грузинской, Русской, Мировой. Каждый народ вынуждает в ее подорожной дорожке ему имена. Для армянина это Хачатур Абовян, Габриэл Сундукян, Ованнес Туманян, для литовца—Антанас Венюогис-Жуклаускас и Антанас Венцлова, для поляка—Тадеуш Пада-Заблочный, для венгра—Карой Бешашо, для француза—Александр Дюма...

*«Я видал горные хребты,
принудительные как мечты...»*

«Дорога шла через обвал...»

Обвалы, лавины хрестоматийных строк рушатся с высот куда более высоких, нежели вершины Большого Кавказа. И только одна твоя собственная мысль успевает мелькнуть в этом могучем сходе: не проще ли отослать читателя к антологиям, рожденным этой дорогой?

А еще проще—рекомендовать соответствующий туристический маршрут: из города Орджоникидзе в город Тбилиси или наоборот. Попутно посоветовать: эту самую антологию—в рюкзак и туда же—сочинения Страбона и Плиния, Мровели и Татищева, Вахушти Багратиони и Карла Маркса, горы исторических, географических трудов, воздвигнутые Военно-Грузинской.

Нет, непосильна такая ноша для туристских плеч. Одному человеку не снести ее. А надо еще захватить и кружку, чтобы из источников Крестового испить ледяной, покалывающей небо иглами неиссякаемого глубинного холода воды.

Без кружки на Крестовом перевале не обойтись, как не обойтись без туристского снаряжения. И если вы впервые на нем, то постарайтесь обойтись без посредников. Как бы велики и могучи они ни были. Уж тем более, что велики и могучи,—заслонят собой Млетский подъем и снежные поля Гудаури, ослепительный знак Казбека, сквозь мглу летящий к глазам, и неизъяснимый перелив Терека в душу. Ныне вдоль Военно-Грузинской дороги—от и до—памятники выдающимся людям: бронзовые и мраморные, бетонные и гипсовые. Среди них есть очень хорошие, а есть так себе, но все же лучший памятник этим людям воздвигнут самой дорогой.

Тем они и велики, что в слиянии с ней обходились без посредников. Проводники были. Была поклажа, нелегкий и непосильный груз знаний, ума, культуры, но в постижении этого мира и своего места в нем они были независимы от чужих суждений и оценок. Каждый находил свою дорогу, у каждого были свои источники и своя кружка. Вот единственное, пожалуй, объяснение чужда бесконечности, безграничной протяженности Военно-Грузинской дороги в пространстве общечеловеческой культуры. И столь же единственна нить нашего возможного родства с ними—стремление по-своему искать и находить свою дорогу.

«Кто ты? Фильтр, через который никто пропускает свет звезд, тепло солнца, и холод морей, и бег дельфинов. Вот и все. И если есть смысл в нашем существовании, то это смысл фильтра. Ты миллиардный фильтр, но, пройдя сквозь тебя, звезды делаются иными...»

Военно-Грузинская дорога предоставляет каждому лучший шанс для этого—пропустить через себя свет высоких звезд и сделать их иными. Навсегда своими. Да, человек слаб, но для того и существуют эта дорога и эти горы, этот свет и эти грохочущие потоки, чтобы, пройдя через фильтр потрясенной души, сделать ее сильнее. Установить степень кровного родства с природой, временем и великими мирами сего. Если, конечно, фильтр не забит безнадежно наносами житейской мути.

Впадая в грех цитирования, против которого сам же и ополчился, я привел здесь слова писателя Виктора Концацкого только для того, чтобы яснее прописать мысль: нет иного пути к определению человеком меры своей сомасштабности с природой. Оставим иные пути «искателям величия», которые штурмуют скалы Дарьяла с банкой белил в зубах, чтобы свободной рукой, слишком, увы, свободной, выписать на сланцевых отвесах: «Здесь были Ирма и Федя Пантохины, Старый Оскол, май 1983 года».

Впрочем, и этих, иных, путей им оставлять нельзя.

В мае 1983 года вместе с отрядом тбилисских студентов я ехал по Военно-Грузинской дороге к Дарьяльскому ущелью. У отряда было задание—отмыть ущелье от этой «наскальной жи-

**СКУЛЬПТОР СОСО ГЕЛАШВИЛИ—
ЖИТЕЛЬ ГОР.**

**ДОЛИНА АРАГВИ СТАЛА
ВОДОХРАНИЛИЩЕМ
ЖИНВАЛЬСКОЙ ГЭС.**

**УЧАСТОК СТАРОЙ ДОРОГИ,
ПО КОТОРОЙ
СТРАНСТВОВАЛ ПУШКИН.**

Чавчавадзе, Акакий Церетели, Важа Пшавела, Лев Толстой. Цитировать каждого? Повторять признания Дениса Давыдова? Вильгельма Кюхельбекера? Александра Бестужева-Марлинского? Александра Одоевского? Глеба Успенского? Александра Островского? Антона Чехова? Петра Чайковского? Маяковского и Пастернака?

СЛАВЬТЕ, МОЛОТ И СТИХ, ЗЕМЛЮ МОЛОДОСТИ

КОНКУРС
ОДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

Олег РУБЕНОК

Весна

Летит к нам солнце
в птичьей стае
и, по-весеннему паля,
веселым ветром раздувает
огонь зеленый на полях.

Потрескивают тихо почки
в кострах прозрачных тополей
и неокрепшие листочки
мир чище делают,
светлей.

Едва нахоженная тропка—
и не дорога,
и не путь,
а сердце
бьется робко-робко,
боясь
любви с нее вспугнуть.

Зима прошла

Вот и снег растаял,
И последний лед
Лебединой стаей
С Ильмена плывет.

Мимо свежей пашни,
Птичьей кутерьмы
В день идет вчерашний
Чистый след зимы.

Но ничуть не грустно,
Что прошла она,—
В потеплевших чувствах
Буйствует весна.

Хлеб

Ржаную теплую буханку
Мать принесла,
как счастье, в дом.

А мы, поднявшись спозаранку,
Сидели за столом молчком.
Сидели молча и смотрели,
Не веря собственным глазам:
Неужто это в самом деле
Сокровище такое нам?!
Мы хорошо узнали сами
Бесценность

хлебного ломтя,
А наша мать,
давась слезами,
Сказала тихо и грустя:
— Ребята! Ешьте хлеб...
досыта.
Все карточки отменены!
Зачеркнута, но не забыта
Еще одна беда войны.

Традиционный «Конкурс одного стихотворения» пользуется большой популярностью у читателей «Смены». Только в этом году в нем приняли участие сотни самодеятельных авторов из Москвы и Тбилиси, Петропавловска-Камчатского и Тюмени, Хабаровска и отдаленного села Назаровки, словом, география КОСа — вся наша страна.

В поэтическом состязании пробовали силы люди самых разных специальностей, всех возрастов: младшему участнику конкурса — 12 лет, старшему — 81. Но их объединяет одно — любовь к поэзии, а значит, к своей земле и людям, на ней живущим, ибо быть услышанным людьми — высшая награда для поэта.

В этом году победителями конкурса жюри признало Елену Наумову (г. Киров), Юрия Каминского (Кривой Рог) и Олега Рубенка (Новгород).

Коротко о победителях. Елена Наумова — крановщица, работала на Кировском заводе по обработке цветных металлов, потом школьным библиотекарем, машинисткой. Занималась в литобъединении «Молодость». Стихи любит с детства. Сейчас учится заочно в Литературном институте имени Горького.

Юрий Каминский окончил школу рабочей молодежи, служил в армии на Чукотке, был разнорабочим, сейчас слесарь-сантехник на фабрике «Радуга».

Олег Рубенок работал в паровозном депо, литейном цехе, старшим аппаратчиком на химкомбинате, учился в Кузбассе, в политехническом институте. Пишет стихи и рассказы, публиковался в местной печати.

Стихи этих авторов окрашены гражданским чувством, им присущи искренность, теплота, задушевность.

«Конкурс одного стихотворения» пройдет и в следующем году. По условию, в нем могут принимать участие все, кто пишет стихи, кроме членов Союза писателей СССР. Обязательно указывайте фамилию, имя и отчество, домашний адрес, профессию. Присылайте только одно стихотворение. В конкурсе можно принимать участие несколько раз. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года.

вописи». Химики и историки, географы и горняки пытались убраться с Военно-Грузинской циклопической адресную книгу глупости. Кое-что замазали, кое-что вытравляли, кое-что отсекли, но большинство адресов осталось.

Как подчас неугомонна мелкая душа в своих посягательствах на большое! И как порой всецельна.

Кто-то из ребят сказал под конец с вызовом отчаяния:

— Оставим как есть. Пусть будет видна дистанция: с одной стороны памятник «Тергдалеулли», с другой — эти...

Вот оно: от великого до смешного... Впрочем, смешного совсем было мало в виду памятник «Тергдалеулли».

«Тергдалеулли» в буквальном переводе — испившие воду из Терека. Имя, объединившее в народной памяти множество славных молодых грузин, в XIX веке отправлявшихся по дороге вдоль Терека в Россию, чтобы, получив там высшее образование, вернуться на родину для борьбы за высшие идеалы.

На скалах Дарьяла, на льдах Девдарака, на фирне массива Куро можно написать что угодно — вся разница в том, какие чувства вызовет написанное.

«Добро пожаловать, Тенцинг!» — вырубил на предвершинном склоне Эльбруса Михаил Хергиани. Он встал задолго до рассвета и, пока его прославленный собрат, покоритель Эвереста шерп Норгей спал, отдыхая перед восхождением на высочайшую вершину Европы, несколько часов шел к ней, чтобы от имени альпинистов страны преподнести ему этот маленький сюрприз.

Говорят, Тенцинг был тронут. Он знал цену этому подарку.

В 1923 году группа студентов Тбилисского университета поднялась на Казбек, положив тем самым начало советскому альпинизму. Их вел профессор Георгий Николадзе, сын Нико Николадзе, одного из «тергдалеулли». Николадзе-отец был дружен с Чернышевским, корреспондировал в «Колокол» Герце, переписывался с Марксом. Он учился в Петербургском университете, временами перебираясь из его аудиторий в казематы Шлиссельбурга. На родине он

развернул деятельность, в которой, казалось, хлопотала энергия Терека.

Вспоминаю деда, отца моей матери. «Чтобы испить терскую воду, необходимо великое мужество. Попробуй-ка сам», — говаривал дед.

Однажды я решил попробовать, но, едва наклонившись к воде, сразу же отпрянул. Словно свора огромных пастушьих овчарок бросилась на меня, готовая разорвать в клочья. Грязная белая шерсть стояла дыбом, избыток лютой ярости пресекал в разверстых пастьях бешеный лай. Я поскользнулся и, падая, ощутил вдруг жесткую и властную опору. Отхлынула свирепая терская вода. Надо мной, удерживая за локоть, стоял мужчина. Брезентовая штормовка, заправленные в сапоги ватные брюки, жилистая шея, светлые глаза на проклятом альпийском солнце лице. Глаза смеялись, смех струился из них в белые бороздки морщин.

— Хочешь испить этой воды? Давай помогу.

Много лет спустя на празднике овцеводов в Казбеге я вновь повстречал этого человека, узнал его имя и судьбу. Он был под хмельком, но не от здевшего вина — от радости: его четырнадцатилетний сын в одиночку одолел скальную стену массива Куро — невообразимый четырехкилометровый «готический собор», отбрасывающий колючую тень на Казбегу... Нет, точнее другое сравнение: это Терек, взлетевший со своего ложа к пылающему небу высокогорья и навечно окаменевший там.

— Я думал, Куро поставлен только для меня, — смеялся счастливый отец. — Видишь, как ошибался?

И любовно трепал черные вихры своего наследника.

Этого человека звали Вахтанг Кирикашвили, он был альпинист и охотник.

В двадцати километрах от Казбеги начинается ущелье Бетлеми. Здесь в четырехсотметровом скальном отвесе высечена пещера, упоминаемая в древнегрузинских рукописях: «...А вход в пещеру закрывает окованная железом дверь, добраться до нее можно только по свисающей со скалы цепи». У Ильи Чавчавадзе есть поэма «Гандеги-

ли» — «Отшельник», герой которой живет в пещере Бетлеми, разрываясь между велениями небес и зовом земли. Много лет назад сотрудники Казбегской высокогорной метеорологической станции под руководством известной грузинской альпинистки Александры Джапаридзе исследовали окрестности пещеры. Александра призвала на помощь здешних проводников и скалолазов. Один из них взобрался к Бетлеми, нашел там остатки цепи и железных дверей и снес на себе в Казбегу.

Это был Вахтанг Кирикашвили.

26 июня 1983 года все в том же Казбеге я встретился с его сыном.

— Сбегаем на Куро? — в шутку спросил его.

— Я-то сбегаю, а вот ты... — Он с сомнением оглядел меня.

— Я был там!

— Куда тебе!

— Меня туда водил твой отец...

Вокруг нас шумел праздник, и объятия, в которые заключил меня этот парень, были лишь одним звеном кольца, замкнувшего в неразделимую общность множество людей и склонов и блестящую над ними ледяную глыбу Мкинварцери. В густой толпе, запрудившей поле стадиона, выделялись русоголовые дети с какими-то значками на белых рубашках. Детей опекала немолодая женщина в очках, такой же значок и орден украшали ее белую кофту. Я подошел поближе и рядом с орденом Ленина разглядел миниатюрный овальный портрет Михаила Лермонтова.

Преподаватель русского языка и литературы из Липецка А. Шаталова в каникулярное время путешествует со своими питомцами по лермонтовским местам Кавказа. Очередной урок по произведениям автора «Мцыри» и «Демона» она проводила в Казбеге. Место урока и совпавшее с ним событие широко раздвинули границы темы: дело происходило на празднике «Казбегоба» — в честь Александра Казбеги.

Уроженец этих мест, он писал романы о жизни Хеви — так зовется этот край Грузии, — и без его произведений сегодня невозможно представить себе литературно образованного грузина. Совер-

шенно очевидно, что в классики он не вошел, однако вся его жизнь и труды приуготовляли его к этому. Писать о родном крае, выводя его далеко за стены одного ущелья («Хеви» — по-грузински «ущелье»), — значит знать его и любить. Он любил и знал его. Подобно другому великану грузинской литературы, Важа Пшавела, пас овец и очищал от камней альпийские пастбища. Однажды в горах на его пастушью стоянку набрала экспедиция французско-естествоиспытателей. Александр Казбегу заговорил с ними на их родном языке. Те, разумеется, удивились...

У адмирала Исакова, кстати, прекрасного литератора, есть такой рассказ: помощник главноуправляющего на Кавказе граф Ватащи отправился на реконструкцию с целью поиска места, пригодного для строительства тоннеля через Главный хребет, наподобие Симплонского в Альпах. В районе Душети кавалькада заблудилась. На противоположном берегу Арагвы пас овец какой-то горец, невообразимо картинный в своей папаше и бурке. Призвали горца на помощь. Он не спешил к его превосходительству, и тот, разгневанный, но вместе с тем как бы и изумленный благородством осанки и достоинством, с каким пастух вышагивал ему навстречу, пробурчал по-французски:

— Ну и чудеса в этой Африке! Пастух мгновенно отреагировал по-французски же:

— Во избежание могущих быть недоразумений, милостивый государь, спешу уведомить вас, что свободно изъясняюсь на французском, английском, немецком, итальянском, испанском, не говоря уже о русском и родном мне грузинском.

Немедленно были затребованы объяснения и столь же немедленно даны. «Я профессор Петербургского университета, — сказал пастух. — Вместе с братом, приват-доцентом Петербургской военно-медицинской академии, пасу стада по настоянию отца нашего, здешнего овцевода. Таково его условие: два месяца в году, невзирая на чины наши и звания, пасти овец».

Такова была главная жизненная цель

Елена НАУМОВА

Вечерняя сказка

Окончен день, и в комнате моей
Проснулись вновь
таинственные тени.
Там по стене проносятся олени,
Здесь притаился кто-то у дверей.
Горит камин, и тени на стене
Отплясывают весело и дерзко...
А кто-то плачет там, за занавеской,
И Королева Снежная в окне.
Мне холодно становится в тепле.
Я чувствую — она уносит Кая.
Ее карета за окном взлетает,
И только след морозный на стекле.
Вдруг в мир
моих таинственных теней
Врываються непрошенные гости,
Галдят и удивляются: «Чего ж ты
Сидишь в такое время
в полутьме?..»
Я отвечаю шепотом тогда:
«Пожалуйста, не зажигайте света,
Не то большая снежная карета
Умчит от Герды Кая навсегда».

Письмо с острова Ханка

Памяти дяди моего Ермакова Виктора Андреевича, летчика-истребителя, погибшего в одном из первых боев летом 1941 года.

«Здравствуй, мама!
Как ты там, родная?
Как Андрей, братишка мой, живет?
Здесь у нас тепленько стоит такая...
Море в двух шагах —
сплошной курорт.
Пусть Андриуха физику подучит,
А потом мечтает в облака...
Мама, ты же знаешь, я везучий,
Ни одной царапины пока». —
Но и нас не обошла стороной
Страшная судьба
в тот страшный год.
Баба Анна вместе с похоронкой
Стертый треугольник бережет.
Сядет у окна, обнимет внучку,
И глядит с тоской на облака,
И опять читает: «Я везучий.
Ни одной царапины пока...»

Утром в селе

Домá увязли по уши в снегу.
С утра к колодцу замело дорогу.
Один взглянул и вздрогнул:
— Не пойду,
Уж больно снега выпало много...
Другой, беззлобно выругав пургу,
На миг остановился у порога
И весело сказал жене: — Пойду,
Уж больно снега выпало много...

Юрий КАМИНСКИЙ

Другу детства

Откатилась война, грохоча.
Мир в воронках,
как будто в кавернах.
Но ты слышишь? Лягушки кричат
Или нас окликают царевны?
Будут год еще длиться бои.
Нет, не завтра Германия крышка,
Но мы гильзы — игрушки свои —
Раздаем уже младшим братишкам.
Жадно смотрим, как тучи, клубясь,
Мчат на запад лавиной без края,
И все чаще, совсем не стыдясь,
Ловко в «классики» с Танькой
играем.
Целый год еще ждать, целый год...
Но, великую радость изведая,
Узнаем мы с тобой: небосвод
Подпирают салюты Победы.

Старик у окна

Укрыв колени толстым пледом,
Задумчиво глядишь в луга,
Где, как туманность Андромеды,
Лежат бескрайние луга.
Где ты, в плечах сажень косая,
Летишь, привстав на стременах,
Горячей саблей чуть касаясь
Зари, застрявшей в облаках.
Душа и руки молодые.
Бесстрашной юности пора...
Летят буланы, гнедые,
Каурые летят ветра!
И с шелка алого, рассветом
Ударившего в сонный пруд,
Встают слова:
«Вся власть Советам!»
Во весь двадцатый век встают.
И вновь душа твоя воскресла,
И на лице светлым-светло...
И старое больное кресло
Скрипит, как новое седло.

Утро

Над грядой холмов,
над речкой сонной,
Горизонты новые суля,
Самолета след инверсионный,
Словно Млечный Путь,
пролег в поля.
Чуть качнув у берега крушину,
Всполошив дворнягу в ковыле,
Звук догнать пытается машину,
У которой утро на крыле.
Пусть в обнимку
с голубыми снами
Дети спят спокойно, как всегда:
С самолетами и с петухами
Я встаю для мирного труда.

«тергдалеулни»: взбираться как можно выше по тропам знания, чтобы как можно крепче стоять на родной земле.

Несомненно, в этом занятом происшествии отразилось горное приключение Александра Казбеги, но рассказываю я о нем для того, чтобы подчеркнуть: открывавший Грузию мир потрясали красота ее силы и сила ее красоты. И главной магистралью этих открытий была Военно-Грузинская дорога.

«Водопроводы доказывали присутствие образованности...» — пишет Пушкин в «Путешествии в Арзрум». Волшебный край за хребтом Кавказа, куда к источнику вольности и вдохновения стремились лучшие люди России, знавал в древности иные времена, а от будущего ждал иной участи.

В том же «Путешествии в Арзрум» представлен карикатурный портрет владельца Казбеги. Это был князь Михаил, отец Александра Казбеги, человек громадного роста, бесконечного гостеприимства и, увы, весьма крутого нрава. Масштабом своей личности сын затмил собой фигуру отца, всего лишь владетельного самодура, и оттенил значительность других представителей этого рода, которых Военно-Грузинская дорога одарила главным своим назначением — соединять страны и народы.

Дети из Липецка провели урок в удивительном месте: узкое из-за нависающих стен ущелья, оно зато необычайно широко раздвинуло границы темы и рамки учебной дисциплины. Навстречу им выступил другой Казбеги — Габриэл, двести лет назад распахнувший перед дружественной Россией северные ворота Грузии.

Такие люди — как мосты...

Мосты на пути вдоль Терека, Арагви и Куры были главной проблемой. В августе 1769 года в преддверии вступления в Грузию русских войск местные горцы построили восемь временных мостов. Благодаря им передовые отряды генерала Тотлебена за две недели преодолели дистанцию от Моздока до селения Квешети, что лежит у начала нынешнего Млетского подъема на Крестовый перевал. Потом Терек разметал мосты,

и дорога вновь стала непроходимой. Но она была единственной дорогой к спасению Грузии и поэтому должна была работать непрерывно. Без усталости должны были работать и ее владельцы, и охранители. Двадцать семь поставленных на исходе века мостов помогли русским войскам в ноябре 1799 года пройти весь путь от Моздока до Тифлиса. 26 ноября колокола Сионского собора в столице Грузии пропели им высокую хвалу. С того дня и по сегодняшний день прекращаются работы по усовершенствованию и благоустройству Военно-Грузинской дороги.

Среди ее строителей были единомышленники Ираклия II Кайхостро Андроникашвили и «квартимейстер» Фохт, русские горные инженеры Копылов, Томиллов, Моисеев и Туманов, француз Гурландье и выдающийся знаток горных дорожных работ Статковский. Строительством дороги «командовали» генералы Цицианов, Гудович, Кенсон, множество других «сиятельств» и «превосходительств», но дорога жила благодаря упорству горцев — они вынесли ее на своих плечах в прямом смысле этого слова.

В корне топонима «Дарьял» — персидское слово «дар», означающее «ворота». Переведем это звучание в русскоязычное значение: дорога оказалась бесценным даром и для Грузии, и для России.

Я хотел сказать об этом детям из липецкой имени Лермонтова школы: «Вы и сами не понимаете, ребята, какие вы счастливые — у вас есть эта дорога...» Я хотел дать им кое-какие сведения о других исторических магистральных, рожденных Военно-Грузинской. Например, о Большой Грузинской улице в Москве. Изучая ее историю, я сделал удивительные для себя сравнения. ТУ-134 преодолевает расстояние между Москвой и Тбилиси за два часа десять минут. Сорок шесть часов идет скорый пассажирский поезд. В хорошую погоду, когда открыт Крестовый перевал, опытные водители проводят свои машины до Тбилиси за трие суток. А в XVIII веке странствие из Грузии в Россию занимало месяцы и годы.

А вы сели в поезд или в авто, поехали — и приехали. Только, пожалуйста, не переносите легкость и быстроту своего путешествия на способы постижения этой земли.

Вот сияет над вами Казбек, Мкинварцвери, как зовется он у грузин. 5047 метров над уровнем моря, одна из высочайших вершин Европы. Увитая виноградной лозой, главная деталь государственного герба Грузинской ССР. Вершина — символ, гора эпических масштабов. Маяковский круто обходился с ней: «Если даже Казбек помешает — срыть...» — под ставил своему масштабу конструировал гиперболы. Древние мифотворцы были куда деликатнее — соотносили с этой горой героя-богоборца. Будто бы солнцержиденный герой Амирани вместе с красавицей Камар и двумя братьями защищал людей от драконов, учил добывать огонь и обрабатывать металлы. В наказание за это боги приковали Амирани к Казбеку.

Прямой отзвук мифа о Прометее в этом предании услышали многие. Услышали и перенесли в свои произведения. Прямая аллюзия: Амирани — народ, закованный в железа самодержавия, — читается в очерках Грибоедова, в стихах Шевченко и Чавчавадзе. Народу предстояло разорвать оковы и сделать эту вершину символом своих устремлений.

Пора, однако, изменить масштаб повествования. У каждого своя дорога, и каждый по-своему открывает ее.

...Мне четырнадцать лет — лучший, наверное, возраст для первой поездки по Военно-Грузинской. Летние каникулы — лучшая пора для ее открытия, а коллектор геологической экспедиции — лучшая работа в краях, прилегающих к ней. Низкий поклон другу семьи Бичико Квирквелия, начальнику экспедиции, — это он уговорил мою мать отпустить меня на «заработки, которых мальчику хватит на всю жизнь».

Мать будит меня на рассвете: «Вставай, Серго приехал. Пора...»

Серго — водитель экспедиции. Мой предводитель. Первооткрыватель первой в моей жизни большой дороги, далеко-далеко уведящей меня от дома.

И возвращающей к нему. Серго — могучий и веселый парень, он на «ты» с Военно-Грузинской, ее чудесами и тайнами, он безошибочно вписывает наш двухдифферный «ГАЗ» и меня в головокружильные извивы дороги.

В четырнадцать лет такой предводитель необходим каждому подростку. Тем более он был необходим мне, безотцовщине, томившемуся предожиданием мужества и любви. Дорога внушала: «Ты отважен и смел, ты все преодолеешь!» — и поднимала над горечью первой безответной любви. На высотах Гудаури и Крестового она шла ровнее со мной. Скрадывая расстояния разлуки и тоски, горы приближали недостижимое. Из мучительной немоты влюбленного редкими и слабыми ростками пробивались первые стихи. «Как гордые песни, победой рожденные, во мне отозвались Кавказские горы...» Разумеется, горы рифмовались с горем, но — отринутым, преодоленным. Они были никуда, эти юношеские стихи, но спустя много лет, научившись трезво оценивать свое сочинительство, я поразились их созвучию другой, настоящей поэзии.

Я читал у Якова Полонского:

«Все, что было обманом, изменено,
Что лежало на мне словно цепь —
Все исчезло из памяти с пеною
Горных рек, вытекающих в степь...»

Я читал и вспоминал, как Арагви Белая и Арагви Черная, собственно Арагви и Кура, Терек омывали и просветляли душу. И как росла она, крепла, наполнялась вдохновением и силой, и возникал исток новой жизни.

«Душу, к битвам житейским готовую, я за снежный несущу перевал», — читал я, начиная понимать, в чем оно, главное чудо этой дороги: устанавливать масштаб прямого родства между тобой и твоими великими предшественниками, безоружными и беззащитными, как и ты, перед прелестью и мощью одухотворенной ею природы.

...Выезжаю, как встарь, на рассвете. Как встарь, ощущаю в груди рассветное

чувство радости. Крепко спит мой Верийский квартал, некогда, в прошлом веке,—Московская застава, преддверие дороги на Север, Военно-Грузинской дороги. Крепко спят дорогие, самые близкие мне люди. Все, что мне предстоит, заранее дарю им. За несколько часов мне предстоит пересечь пять ландшафтных зон: степных равнин и долин, средне- и верхнегорную лесные зоны, субальпийскую и альпийскую... Но это все лишь сухая географическая справка, пусть даже и заверенная печатью самой прекрасной из наук. Одна зона неизменно могучего притяжения ждет меня, и я теряюсь в безуспешных попытках объять ее словом.

Мцхета на пути—древняя столица Грузии. Первое капище огнепоклонников, первая христианская купель, первая электротурбина новой, Советской Грузии. «Здесь сошлись три культуры,—писал Андрей Белый о Мцхете.—Этой,—простирай он руку в сторону Земо-Ачальской ГЭС,—показана новая эра земли».

Мцхета со своими храмами Джвари, Светицховели. Самтавро вырабатывает энергию, с которой не сравнится никаким магаваттам.

Все, что было, есть, будет, включено в этот маршрут. Миниатюрную, невесомую как вознесенную на известковую крутизну церковь Бодорна, долины всех Арагви, и богатырскую плотину Живальского гидротехнического комплекса, и рукотворное море в зеленой горной чаше—надежду на скорое утоление жажды моего Тбилиси, и золотистые стены замка Анапури.

Гигантскими друзьями горного хрусталя дробят лучи солнца вздымающиеся впереди вершины. «Эльбрус, Казбек, и еще—как вас?..»—вопросил горы Маяковский. Сладостно прикидываться: знаю по имени и в лицо каждую гору, каждый хребет, каждое ущелье. Вот

это—Гудамакарское, а вот это—Ломисское, а вот то—Чабарухское. Ручьи низвергаются на дорогу маленькими водопадами, водопады блещут вдали маленькими ручьями. Этот край на взлете пути зовется Мтиулети, а тот, что повыше,—Хеви. Речка Бидара, ущелье Бидара—Семь Братьев—гряда потухших вулканов.

Мало знать в лицо каждую гору, каждый склон, каждое ущелье—все они одушевлены и одухотворены жизнью и делами конкретных людей. Мцхета для меня—это Георгий Иванович Ткешелашвили, замечательный краевед, который читал мне этот город, как любимую настольную книгу. Жинвали—Авандил Чаладзе, начальник ударной комсомольско-молодежной стройки, веселый хлебосол и умелый организатор творческих безнравных бригад, исключивших даже намек на пресловутую текучесть кадров; Гудамакарское ущелье—Годердзи Чохали, чьи книги и фильмы возродили веру в неистребимость традиций Важа Пшавела; Казбегли—Вахтанг Кирикашвили и его семья, мои друзья по комсомолу Гуло Хартшвили и Джумбер Гомиашвили...

Вновь твержу, как заклинание: «Звезды принадлежат всем, и только одно принадлежит тебе—твои воспоминания...»

Где-то на подступах к ущелью Уруха по неосторожности угодил в трясину. Сарго кинул мне трос, сел за руль и тащил из болота с одержимостью отца, из глаз которого льнет единственный сын. Вытащил, но усадил машину в болото по самые двери. «Быстро за трактором!»—приказал Кайрквилия. «Я?!» «Да, ты!» Пережитый страх строножил. «Смотри, не умри аконец!»—и, отворачившись, зашагал к краю межгорной долины. Мне показалось: больше никогда не увижу Кайрквилию. И побегал за ним.

Вечером, на привале, начальник велел сделать вычет из моей зарплаты. «По твоей милости сорвали график работ. За все надо платить.—И, словно устыдившись суровости урока, попытался преподать другой:—Не горюй. Сегодняшнее болото—тоже капитал. А зарплата хватит на целую жизнь...»

Хватило на неделю. В станции Прохладной купил маме пуховый платок. На Черной, а может, Белой речке близ Нальчика сторговал у местных сверстников облезлые кинжалные ножи. Самую большую часть заработанных пореформенных рублей «съели» полпути невыразимо белой крупчаткой, по жаркому настоянию экспедиционных дам взяты на армавирском базаре. Оставшейся мелочи хватило на сто граммов «подушечек», купленных в тбилисском магазине «Особторга» с чувством глубокой ненависти к опротивевшему за войну сахарину.

Конфетное повидло подсластило горечь первооткрытия: денежный эквивалент труда исчезает намного быстрее нажитых в нем мозолей. Сытый желудок урчал в унисон усмешливо-благодарной «философии»: «Эх, дядя Бичико! На целую жизнь?»

С той поры прожито 37 лет. Целая жизнь, при том, разумеется, условия, что целостность ее не разрушена тобой самим, что кое-что сохранилось в тебе от мальчика, убежавшего по Военно-Грузинской на фронт и спасенного от всемогущих смертей близ ущелья реки Урух. Лишь сейчас, в виду тающих в осенних сумерках гор, начинаю понимать: мой взрослый, суровый и лукавый друг не

обманул меня—только заработок тех лет и остался главным, если не единственным источником моего нынешнего существования. Ничего другого, кроме того капитала, не нажил и уже не наживу. И он не убывает с годами—наоборот, прирастает постижением простых и неразменных ценностей.

Другое воспоминание вступает в движение памяти. Умирал прекрасный человек и большой писатель. Опутанный проводами искусственной подпитки угасавшей жизни, он напрягал последние силы, чтобы освободиться от наложенных на его жизнелюбие пут.

—Что это, по-твоему?—едва слышно спросил он, с трудом подняв с тумбочки шишковатый, как лоб мыслителя, плод айвы.

—Биа!—ответил я на гурийском диалекте, готовый к очередному подвоху его усмешливого ума.

Он словно присел к очагу. Теплый, золотистый огонь озарил его лицо, когда он глубоко вдохнул аромат айвы.

—Ошибаешься!—прошептал сокрушенно.—Сколько тебя можно учить? Это не бив. Это «Шанель Думбадзе».

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ ДОРОГИ—ХРАМ АНАПУРИ.

ПОБЕДИТЕЛИ ОСЕННИХ СКАЧКОВ.

РЕДКИМИ НАХОДКАМИ ОДАРИВАЕТ ДОРОГА АРХЕОЛОГОВ ТЕРРАКОТОВАЯ МАСКА I ВЕК ДО НАШЕЙ ЭРЫ.

ГОРНЫЙ СЕРПАНТИН.

Я храню в памяти ту айву отнюдь не как образчик гурийского юмора, хотя при желании можно представить его как плод неистощимого — даже перед лицом смерти — острословия Модара Думбадзе. Суетясь под деревьями житейского благополучия, обтрясая их и не увертываясь от падающих на голову яблок, мы подчас безвозвратно и навсегда теряем самый дорогой из всех существующих на свете плодов.

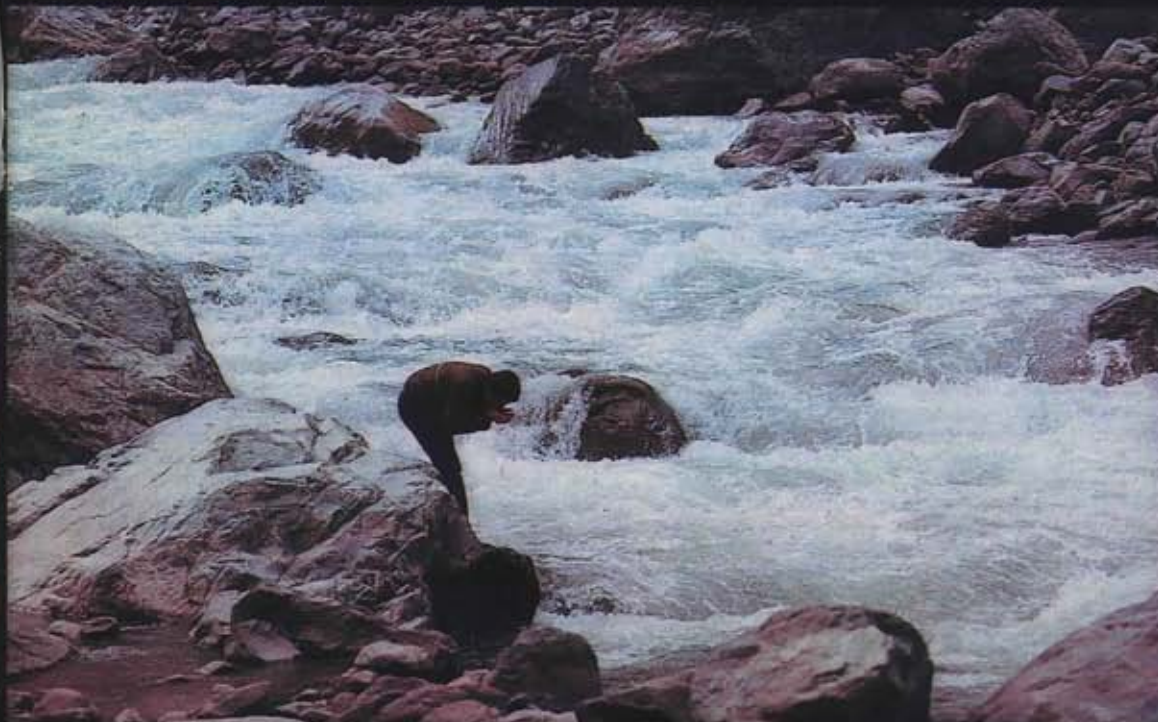
— Где я только не был, по каким только рекам не плавал, а нашу Губазули так и не прошел из конца в конец. От самых ее истоков и до низовья. А ты? Думбадзе говорил это серьезно, уже не желая никого рассмешить.

Я не успел ответить на его вопрос и не сумел подняться к верховьям Губазули.

...Где-нибудь у Коби останови машину, выйди из нее и не спеша походи по Военно-Грузинской. Останавливайся у придорожных могил, пей из Арагви и Терека, присаживайся к пастушьим кострам, вдыхай их горьковатый дым и выдыхай усталость сердца, изношенного от мнимых или действительных тягот своего житейского бытия. И тогда, быть может, ты поймешь, что имел в виду поэт, когда говорил о собрате: «Ему, чтобы сбиться, нужны были горы». И тогда, может статься, осознаешь мудрость иного постижения: «И вдруг мелькнет, как догадка, как слабая заря за березами — другая жизнь...»

Березы в моих горах светятся так же нежно, как и подмосковный. Только жить им намного труднее. И все же, искривленные ветрами и придавленные снежными обвалами, даже упав в альпийское разнотравье, они посылают свой скромный свет в переменчивое небо Кавказа, чтобы слить его там с яростным пылением ледников.

Даже самая слабая былинка отчей земли наполняет душу светом той, другой — настоящей — жизни. А здесь не былинки — такая дорога и такие горы, что неизбежно, даже против собственной воли, не спрячешь, не отведешь глаз от вершин, к которым должно стремиться всегда.

ОЩЕВОДОСТВО —
ГЛАВНОЕ
ЗАЩИТНОЕ
В ЭТИХ КРАЯХ

РИТУАЛЬНЫЕ
СКУЛЬПТУРЫ
ДРЕВНЕЙ
МИФИКИ

ИЗ ТЕРЕКА
ВОДЫ ИСПИТЬ.

В восьмом номере «Смена» рассказала о возчике магазина №117 Бауманского райпищепрома Казани Асхате Галимзянове — «странном» человеке, который за последние несколько лет перечислил свыше 20 тысяч рублей в различные детские организации (Дом ребенка № 1 в Казани, Интернациональная

ТУШМАКИ ЗА ДОБРОТУ

Диас ВАЛЕЕВ

Нравственная норма

школа-интернат имени Стасовой в Иванове, районный отдел здравоохранения в своем городе, Советский фонд мира). При этом зарплата у него обыкновенная — 110 рублей, но деньги у него появлялись благодаря тому, что в свободное время он занимался откормом свиней на своей маленькой «ферме» в тушичке одной из самых неприглядных улиц Казани близ колхозного рынка. После публикации очерка в редакцию пришли сотни писем. Часть их, конечно, крайне незначительная, была опубликована в № 16. Был опубликован и ответ Совета Министров ТАССР с комментарием редакции (№20). А письма от читателей все продолжают поступать в редакцию.

«Я завидую Асхату, этот человек нашел свой путь. Пойти на почту и отправить телеграфом какую-то сумму не так уж обременительно, такие люди встречаются, но этот человек отдает не только свои сбережения, а практически всю свою жизнь, все свое время тому, чтобы у брошенного родителями ребенка прибавилась лишняя (не по «смете», не по «утвержденному бюджету») игрушка. Он посвятил свою жизнь тяжелой физической работе для того, чтобы у этого ребенка появилось еще одно, быть может, более красивое платьице. И вдруг все это должно исчезнуть, и только потому, что чье-то большое воображение ридило слухи, а не обманщик ли он? Конечно, обманщик понятнее, он все на ладони, а такой бескорыстный человек?...» (Н. Карпенко, Макевева).

«Сначала я подумал, что передо мной материал из «социальной экзотики». Но вы правы: за конкретным поступком, за реальным человеком стоит явление, которое требует философского осмысления. Интересный, любопытный, интригующий воображение тип человека. Дело не только в том, что он помогает детям-сиротам. Он помогает, сам того не зная, и многим другим людям, утверждая в своей правоте одних и выправляя искаленные души других. Мы слышим о нем, и нам становится легче...» (В. Лебедев, Гусь-Хрустальный).

«Это человек нового, коммунистического общества, человек, для которого работа на благо общества — естественная потребность. Удивительно другое. Он как будто бы и не видит тех, кто мешают ему в его добром деле, весь освещенный своей целью. И я его понимаю: он боится, очевидно, что ему не хватит его жизни, чтобы все свои мечты воплотить в реальность...» (В. Чумурзиев, село Дубовское).

Так примерно оценило модель жизни, которую избрал для себя казанский возчик Асхат Галимзянов, общественное мнение в лице многочисленных читателей журнала. И почти в каждом письме вопрос: как сейчас живет Асхат Галимзянов, как сложилась судьба его дела? Продолжает ли он свою деятельность? Имеет ли возможность продолжать?

Между моментом, когда был написан очерк, и днем публикации имелся какой-то промежуток времени. Сначала — об этом отрезке времени, потом — о том, что происходило с Асхатом Галимзяновым и его делом после опубликования очерка «Добром живет человек».

Как, может быть, помнят читатели, я закончил свой рассказ тем, что Асхат Галимзянов сдал партию выращенных им свиней заготконторе, а вырученные деньги отправил на счет двух детских организаций — три тысячи рублей Ивановской интернациональной школе-интернату и пятьсот рублей Казанскому дому ребенка №1. Естественно, Галимзянов тут же прикупил новую партию поросят в тридцать голов — начинался очередной раунд его «дела». Что было дальше?

Дальше случилось неожиданное. Раньше ему не давали кормовых отходов — добывал их сам, где придется, — а тут вдруг дали. Целых два бачка дал сам бригадир службы, собирающей в районе отходы. Произошло это на третий день, как купил Галимзянов поросят, и в тот же день пять поросят лежали уже на его ферме мертвыми. Исследование показало: погибли они от крысиного яда. Дальше было все как наваждение: поросята гибли один за другим. Покупал

на базаре новых, и те погибали. Уже не брал корма, который ему предлагали, сам искал. Но открытый бачок стоит на телеге, а к телеге ведь не прикован: то в магазин надо зайти, то еще куда-нибудь... Много пережил за эти месяцы Асхат Галимзянов, о многом передумал. Часто вспоминалась ему фраза, брошенная одним деятелем районного масштаба:

— Больше свиней не держи. Купишь — отравлю! Крысиным ядом ударили по «благотворительной» деятельности Асхата Галимзянова, направленной на благо детей-сирот. Другой бы, может, озлобился, отступил, махнул рукой. Но Галимзянов из «непробиваемых». Снова и снова покупал он поросят. Залезал в долги, вырастил очередную партию. Правда, на этот раз не так много. Расходов на всей этой операции потерпел на три тысячи рублей, дохода получил — всего на тысячу четыреста. Казалось бы, надо о себе подумать, но подходила торжественная дата — 22 апреля, день рождения В.И. Ленина, когда обычно Галимзянов привозил свой очередной взнос на счет детских организаций. И тысячу рублей он переводит на счет №18911082 Ивановской интернациональной школы-интерната, а четыреста рублей на счет №142411 Казанского дома ребенка №1. И тут же заключает договор на выращивание бычков со знаменитым колхозом «Серп и молот» в пригородном селе Шапши.

— Быков уж никто отравлять не стал, — рассказывает Асхат, словно посмеиваясь и над самим собой, и над причинившими ему беды людьми. — Договор есть. Боятся, шум пойдет. В Шапшах свой ветеринарный врач есть.

Публикация очерка в «Смене» не изменила жизни Галимзянова. Днем, как прежде, он со своей телегой обслуживал магазины, к которым был прикреплен. Утром и вечером кормил быков, ухаживал за больной женой.

Неожиданно приехали две женщины из Одесской студии телевидения — снимать сюжет о нем. Казанская студия телевидения тоже не осталась в стороне: приходилось Галимзянову порой уже не быть собой, а изображать себя.

— Мне надо быков кормить, — вздыхал он, стоя перед кинокамерой. — И на работе ругаются.

На работе в самом деле ругались. Торговым работникам было обидно, что телевизионщики интересуются простым возчиком Галимзяновым, а не ими, занимающими более ответственные должности. Шла своя борьба и здесь — телефонные звонки, басовые интонации в голосе, искреннее недоумение.

Приходили письма к Галимзянову. В одном знакомая женщина из Орловской области просила у него займы полторы тысячи рублей, у авторов другого письма аппетит был больше — просили сразу три тысячи. Зато в третьем письме была радость открытия человеческого в человеке: бывшая учительница из Воронежа Г.И. Кондрашова прислала пятнадцать рублей — «для детей» и написала, что будет присылать такую сумму ежемесячно. Галимзянов восхищался этим человеком: «Какие есть на земле благородные люди! Надо только подсказать, чтобы высылали прямо на счет Дома ребенка!»

Один из дней принес и совсем трагикомический сюрприз. На пороге его квартиры появилась женщина с ребенком. Приехала из Тюмени именно к нему. Трудное, безвыходное положение. Не поможет ли он, Галимзянов, на полтора года определить девочку в Казанский дом ребенка? Трудная была задача. Дом ребенка отказал женщине, ибо сфера его дей-

ствия — Казань, Татария. В Тюменской области есть свои детские дома. Но женщина приехала именно в Казань потому, чтобы никто в Тюмени не знал, что она оставляет ребенка.

Дом у Галимзянова произошел домашний совет. Жена, инвалид первой группы, высказалась за то, чтобы оставить девочку у них дома. Ее поддержали дочь Ляля и сын Радик.

— Красивая девочка, — рассказывал мне Галимзянов в это время. — Полтора годика. Надо по-человечески решать. Все дети — наши! Здесь хоть немецкие дети, хоть китайские, хоть тюменские! Дети есть дети — помощи просят. Уж если в нашу семью человек попал, накормим, место найдем!

Квартира у Галимзяновых обыкновенная — двадцать семь квадратных метров, две комнаты, кухни нет, печное отопление, газ. Асхат собрался уже идти в магазин покупать деревянную кровать — рядом с кроватью жены поставит теплицу, — но Дом ребенка №1 определил в порядке исключения девочку к себе.

Но и тут наш Дон Кихот не успокоился. Он пишет заявление в Дом ребенка, чтобы деньги (это примерно 20—25 рублей в месяц) на содержание девочки в течение будущих полутора лет взымали с него: женщина убедила его, что действительно находится в трудном положении, и он считает необходимым ей помочь.

Между тем своя драматургия, свой сюжет разворачивался вокруг Галимзянова в местных органах власти. После публикации очерка редакция направила руководству республики письмо с просьбой разобраться в истории с Галимзяновым и по возможности помочь ему, ибо на районном уровне власти упорно продолжали вести прежнюю политику.

Вот новый, относительно свежий документ от 28.VI.1985 г., появившийся в деле №2891:

«Проверкой установлено: гр. Галимзянов А.Г. со- держит на своем участке 16 голов крупного рогатого скота (бычки), а также коз и кур. Расстояние от построек, где содержатся животные, до жилых домов по ул. Межлаука, №№32-а и 32, составляет соответственно 29 и 38 метров... Навоз собирается прямо на территории двора и служит выплодом мух. Между тем содержание скота в городах допускается лишь в районах индивидуальной застройки. На основании вышеизложенного санитарная служба считает содержание животных на данной территории в центре города недопустимым».

Асхат Галимзянов так прокомментировал появление комиссии во главе с главным врачом санэпидстанции района:

— Пришли будто комаров искать. Бауманский район самый запущенный в городе. Помоек в каждом дворе они не видят, мух не видят, у меня трех мух увидели. На улице посмотрите! Кто скажет, что это город, а тем более центр города? Вон один из домов, до которых они расстояние мерили. Развалины одни, а завтра и их не будет, на дрова растащут. В аварийное состояние барак пришел, людей выселили, а эти комароискатели расстояние меряют. Если бы умный какой начальник нашелся бы, спросил меня: вы животных, Галимзянов, любите? Люблю. Давайте мы вам позволим не шестнадцать голов держать, а сто или сто пятьдесят. Место вам отведем хорошее. Сможете? Смогут!

Встречаюсь с председателем Казанского горисполкома Р.Р. Идиатуллиним:

— Мне импонирует доброта Галимзянова. Наше отношение к нему отражено в решении исполкома.

Эти дела ему надо продолжать. Мы не против. Наоборот, всецело «за». Но надо найти более приемлемый для всех вариант: Город Казань—это еще и тридцать восемь поселков, где мы поощряем содержание людьми скота и птицы. А для такой цели, как у Галимзянова, тем более! Пожалуйста, мы ему поможем построить дом, усадьбу, отведем соответствующую территорию, поможем с кормами. Может, он хочет держать не шестнадцать голов, а сто? Пожалуйста! Пустим все в узаконенное русло. Улица Межлаука в ее окончании, конечно, сегодня крайне плоха. Весь этот вопрос—и с благоустройством улицы, и с фермой Галимзянова—надо решить капитально именно сегодня. Зачем откладывать на завтра?

Что ж, решение правильное, ничего не скажешь, не ущемляющее ни интересов города, ни интересов одного из его наиболее замечательных жителей, Асхата Галимзянова. Но решение это только что принято, исполнение его впереди, и будем надеяться, что и исполнено оно будет столь же мудро и тонко. Слово, сказанное руководителем города, конечно, не пустяк.

Но вернемся к главному сюжету галимзяновского житья-бытья—к его быкам, к связанным с ними его мечтам. В очерке «Добром живет человек» я уже писал о ближайшей мечте Галимзянова посадить на территории Дома ребенка №1 голубые ели и соорудить памятник на тему «Ленин и дети». Голубых елей в Горзеленхозе не оказалось, посадили ели маленькие и зеленые, а мысль о памятнике стала еще более реальной. Недавно прихожу к Галимзянову на его «ферму» и вижу его озабоченным:

— Быки хорошие, серьезные. Драться уже начинают.— Быки и в самом деле серьезные. Одному Галимзянову с ними уже не всегда справиться. Все время на ферме после работы сын Радик, спокойный, необыкновенно работающий парень. Из дальних концов города приезжают помочь Асхату его родные братья, старший и младший.— Мы тут как матадоры! Зоотехник на днях был. Скоро уже сдавать их можно. Думаю, на 460 килограммов некоторые вытанут. Мне говорили, 420 килограммов—норма. Значит, каждый бык принесет тысячу двести рублей. Общая сумма, считай, 17—18 тысяч. За корм вычтут, я брал семь-восемь машин. Значит, тысяч пятнадцать можно будет на памятник отдать. Памятник пора делать. Быки хорошие!

Еду к известным в Татарии скульпторам Раде Нигматуллиной и Виктору Рогожину. Муж с женой, они работают вместе. Читали ли они очерк в «Смене»? Заказ необычный, невиданный—простой возчик заказывает монумент для Дома ребенка, расположенного на одном из главных проспектов города. Не испугает ли их необычный заказ? Поверят ли они в реальность, в осуществимость этого дела?

Очерк, слава богу, прочитан. Убедить не надо. Заказ вызывает любопытство и интерес.

На следующий день знакомлю художников с заказчиком. Ласково глядя черного свирепого быка по морде, Асхат говорит:

— Мое дело—быки, а ваше—памятник настоящий сделать. Из бронзы! Дети к красоте сызмальства должны приучаться,—смеется, во рту торчит одинокий зуб.—После, как сделаем, зубы пойду лечить. Сейчас некогда!

Работа над памятником началась. А Галимзянов снова в мечтах: поставить сначала памятник в Казани, а потом другой—в Иванове, на территории Интернациональной школы-интерната имени Стасовой. Предположим, на тему «Дружба детей разных народов». Мечтает и, как человек дела, уже договаривается с колхозом «Серп и молот» в селе Шапши о новой партии бычков в тридцать голов...

Странна человеческая жизнь. Чем больше живешь, тем больше вопросов. И порой странен, загадочен, непостижим человек. Многие из читателей спрашивают, что сам Асхат Галимзянов думает о своей собственной жизни.

Спрашиваю его «в лоб», зачем все это он делает, не устает ли получать тумачи за свое добро. Отвечает со всегдашней улыбкой:

— Нужно, чтобы у молодежи пример был. Жизнь лучше должна быть. Добрее.

В Москве знакомлюсь с молодым португальским коммунистом Жузе Серра. Журналист, оканчивает МГУ, будет работать в газете Португальской компартии «Аванте». Его родители, известные португальские коммунисты, при Салазаре долгое время находились на нелегальном положении, в подполье. Сам Жузе шесть лет провел в Ивановской школе-интернате имени Стасовой. Рассказываю ему о возчике Асхате Галимзянове, о памятнике, который он делает на свои деньги в Казани, о памятнике, который хочет поставить в неведомой ему интернациональной школе-интернате в Иванове.

На глазах у молодого португальца выступают слезы...

Валерий РЖАННИКОВ

Джульетта

На трамвае,

гулким переулком,
Голову платочком повязав,
Балерина

с безразмерной сумкой
За картошкой едет на базар.
Узнаю вчерашнюю Джульетту...
Отстрадав мучения свои,
Едет, не спеша, звезда балета
Отдохнуть от горя и любви.
Нет,

она, конечно, не сумеет
Роковую ссору переждать,
Завтра снова

выпьет яд Ромео
И опять придется умирать.
Но сегодня

вечером

знакомо

И понятно только ей одной

Он тихонько свистнет под балконом,

Так как у Джульетты

выходной.

Диалектика

Говорили,

охали,

Жить с оглядкой,

учили

под ноги смотреть.

Думали,

солидным стать мужчиной

Парню-ветроgonу не суметь.

Но теперь—

куда еще солидней!—

Вот шагаю важно я домой,

И тебе, прохожий,

сразу видно,

Что идет мужчина с головой.

Все за то: походка и обличье,

И жена, и платье на жене.

Говоря теперь о жизни личной,

Многие равняются по мне.

Все имею!

Самой полной мерой

Я давнишней отплатил молве.

Только вот для счастья—

кто поверит?—

Не хватает ветра в голове.

Вячеслав ФАХРУДИНОВ

Поселок на БАМе

Проворно ребята спуют,
снимая без лишней мороки,
как будто со слова «уют»,
леса, отслужившие сроки.
Едва эти стены обжив,
с портретами, им дорогими,
хоть тело не сменил души—
строители станут другими!
И не потому лишь, что здесь
жить станет немножко полегче:
временка—временка и есть,
а дом—это корни покрепче.
В какую вас даль занесло!
Но, верные слову и долгу,
вы свили родное гнездо
умело, надежно, надолго!
Птенцы оперятся и тут,
и станут в Сибири своими,
и Родиною назовут
поселок, родившийся с ними.
Отсюда, где следом лосих
вчера еще волки трусили,
расстелет Отчизна для них
просторные версты России!

Эдуард МОЛЧАНОВ

Светлой памяти матери моей
Любови Ипполитовны Молчановой,
капитана медицинской службы.

Обнять бы снова худенькие плечи
И тихо гладить иней седины.
Да, матери навечно нам даны,
И долг наш перед ними тоже вечен.
Они благословили нас в дорогу.
О радость встречи, сердце окрыли!
Где б ни был я,
хоть на краю земли,
А возвращался к твоему порогу...

Речка Каменка

— Повезло бы хоть
С грибами-то...
Мать бралась за туесок.
Шла война.
За речкой Каменкой
Был березовый лесок.
Говорила мать:
— С подружками
Мне не рвать
Букет цветов.
По ромашке на опушке я
Не гадаю про любовь.
То не ласточка покликкала
Кулика на мыс к реке.
Мне ль одной недоля выпала,
Что солдат мой вдалеке?
Может, в госпитале маятся.
Нет письма, покоя нет.
Не для встреч ли осыпается
Лепестковый ранний цвет?
...Где ж те встрети,
Где их пламень-то?
И седеет твой висок.
Пересохла речка Каменка.
Поглотил ее песок.

Владимир РУДИМ

Три сентября

Не забыть нам сентябрь тридцать пятого года,
Алексея Стаханова первый рекорд.
В сентябре нам весенней казалась погода—
Весь народ был шахтерской победою горд.
Не забыть нам сентябрь и тоскливую осень,
Когда немец шагал по земле горняков.
Горько плакали люди, и в скорбную прорынь
Подымалась щетина фашистских штыков.
Вот мы снова рекорда того годовщину
В сентябре на свободной встречаем земле.
Город Ирмино взят! Слушай нас, Украина!
Это праздник в окопах и праздник в Кремле.
Никогда сентябрь не казался нам краше,
Никогда так сердца не стучали у нас.
Снова шахта Центральная-Ирмино наша,
Снова наш—и навеки!—горняцкий Донбасс!

Ирина АНДРИАНОВА

Зимняя ночь в зоопарке... Сугробы, замерзшие пруды, снег летит в тихие вольеры.

Спят звери и птицы, рыбы и пресмыкающиеся. И снятся им сны. Но не зеленые пальмы у невероятно синего океана, не джунгли, не глухие речные протоки и настороженная тишина уссурийской тайги. Снятся им оживленные толпы людей, возбужденные детские лица, добрые и заботливые руки сотрудников зоопарка и... золотой кленовый лист, случайно залетевший в клетку и пахнущий ушедшей осенью и машинными выхлопами. Снятся им Москва.

У зоопарка есть свои тайны. И самая главная — детеныши. Те, что рождены под московским небом. Действительно, разве не чудо, не тайна — новая жизнь, прихода которой ждут с волнением, встречают с радостью, улыбками.

В уходящем году в зоопарке было на удивление много таких улыбок. На свет появились детеныши амурского тигра, оцелота, ирбиса, манула, гепарда, очкового медведя, бухарского оленя, сиамских крокодилов, среднеазиатской кобры, щитомордников, из яиц вылупилось шестьсот птенцов, среди них фазаны нескольких видов. И еще родились два орангутанга — оранги, как их здесь называют; это второй случай в Советском Союзе.

Опыта обращения с детьми орангов у сотрудников оказалось маловато, отсюда и трудности. А начались они еще до появления малышек. Нелегко оказалось определить у будущих мам точные даты родов. Поскольку у орангов — человекообразных обезьян — немало сходного с людьми, обратились не только к ветеринарам, но и к акушерам. Чудо наконец свершилось: родились две самочки — Упи и Лича. Но обезьяньи мамы не приняли малышек. Тогда к ново-

МАЛЫШКИ

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

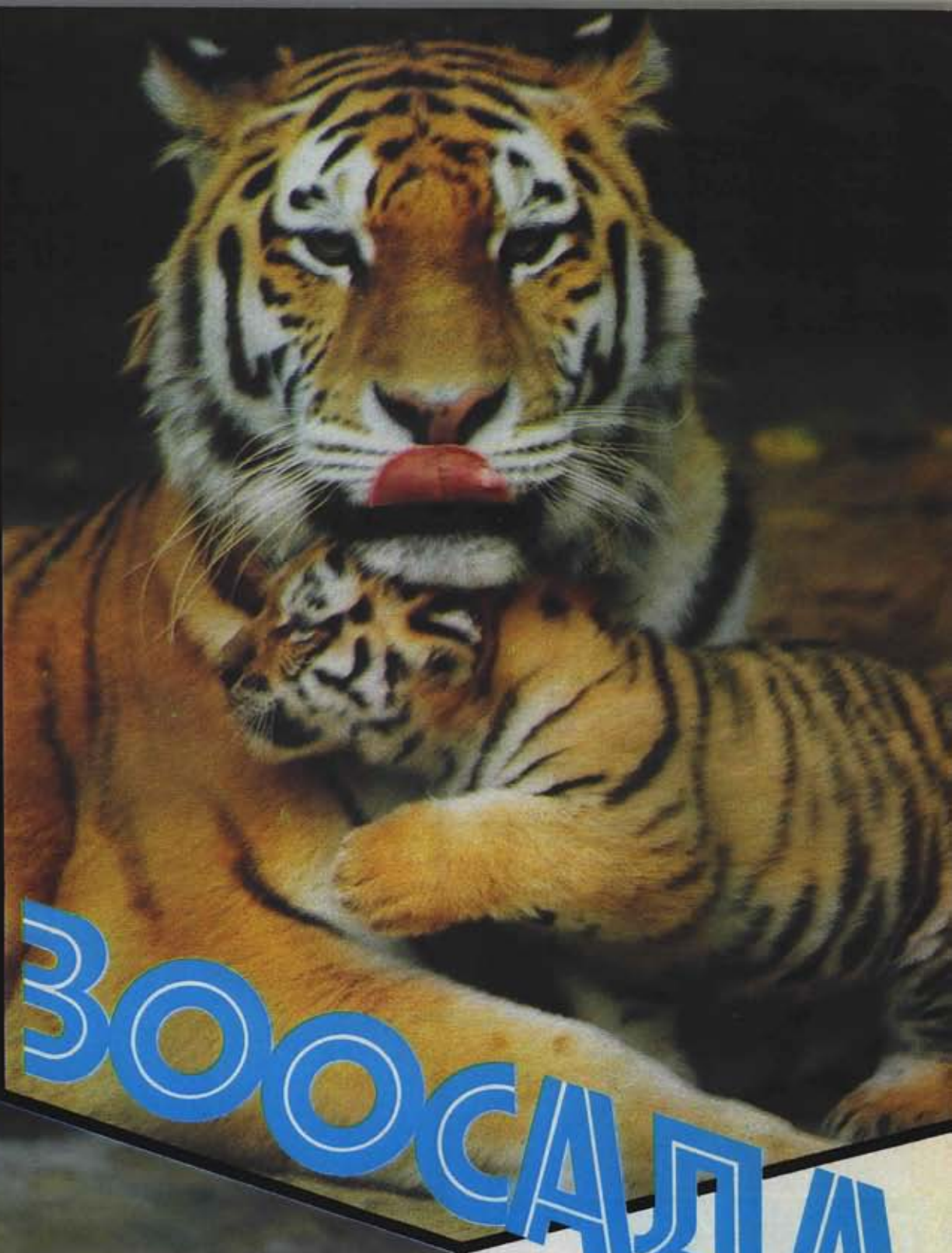
рожденным протянулись ласковые руки сотрудников зоопарка—Елены Колосковой, Славы Годлевской, Марины Отрожко.

Вырастить хрупких, капризных детенышей—великий труд. Потому дежурство около них круглосуточное. Борьба за жизнь Упи и Личи продолжается и сегодня. В общую клетку с молодыми обезьянами их переселят лишь через три-четыре года...

— Зоопарки существуют не только для демонстрации животных,—рассказывает ученый секретарь Московского зоопарка Наталья Ивановна Истратова.—Основное их назначение—сохранить исчезающие виды. Наши новорожденные—ирбисы, манулы, гепарды, амурские тигры, очковые медведи и многие другие именно к таким видам относятся, занесены в Красную книгу. Работа в самом начале, о большом успехе говорить пока вряд ли стоит, но... вы не представляете, какая это радость, когда тигренок или мануленок впервые открывает глаза... Станет ли Красная книга толще, зависит от самих людей. Разумеется, усилий одних специалистов зоопарка здесь недостаточно. Уж они-то как раз делают все от них зависящее, чтобы беспокойным нашим обитателям жилось хорошо. Силами сотрудников построен инкубатор, в котором выводятся птицы. Есть инкубационный отдел и в террариуме.

Многие сотрудники, чаще всего безвозмездно, помогают благоустроить зоопарк, помогают ремонтировать клетки, вольеры. Безвозмездно, потому что душа болит при виде неполадок.

Много лет здесь работает электрик, имеющий небольшой оклад, но не ищущий более оплачиваемой работы, потому что любит животных, потому что хочет быть рядом с ними.

Зоосада

**ДЕТЕНЬШИ
ОРАНГУТАНГОВ,
МОРЖЕЙ, ТИГРОВ, ЛОРИ
И ЕЩЕ МНОГИХ ДРУГИХ ЗВЕРЕЙ
И ПТИЦ... О НИХ ЕЖЕМИНУТНО ЗАБОТЯТСЯ
СОТРУДНИКИ МОСКОВСКОГО ЗООПАРКА.**

— Даже если от нас уходят, то возвращаются. От зоопарка никуда не деться.— Так считает Наталья Ивановна. И слова ее подтвердят коллеги, трудом которых живет этот оазис в плотно застроенном Краснопресненском районе столицы.

Почти все, с кем беседовала, говорили о том, что грозит здоровью малышей да и взрослых обитателей: хлеб, который щедро бросают в клетки посетители. По выходным их бывает здесь до семидесяти тысяч, и многие, очень многие демонстрируют свою доброту. А по понедельникам ветеринары буквально спасают чуть ли не треть животных. Поэтому у сотрудников зоопарка к нам, посетителям, только одна просьба: не бросайте хлеб, не кормите, не губите животных!

....Спит предновогодний зоопарк. Спят звери и птицы, рыбы и пресмыкающиеся. А где-то неподалеку в высоком доме улыбается во сне маленький мальчик. Он мечтает о новой встрече с ирбисенком, у которого ушки похожи на серые холмики. С будущим великолепным зверем, грациозным, гибким и сильным. С другом, смотрящим загадочно в детские глаза.

Тихий снег струится с зеленоватого ночного московского неба.

Надежда ЛУКАШЕВИЧ:

— Скажу от имени всего нашего коллектива, тем более что мои друзья и коллеги — Николай Сметанин и Владимир Ситанов — считают, что говорить — удел женщины. А если серьезно, то мы хотели бы пожелать самим себе творческой активности и самого серьезного, мучительного порой поиска, без которого артистам невозможно развиваться полноценно. Надеемся создавать песни, которые будут помогать духовно совершенствоваться человека, воспитывать его душу. Мы требовательно относимся к поэтическому материалу, который становится основой наших песен. А иначе и нельзя, ведь у нас всего две «нешумные» гитары, и если забыть о красоте и чистоте слова, песня потеряет смысл. Даже о борьбе за мир можно говорить тихо, но так, что тебя услышат и поймут многие. Мы и в дальнейшем собираемся работать со стихами Вознесенского, Самойлова, Окуджавы... Сейчас будем готовить песенный цикл на стихи Гарсиа Лорки: в будущем году исполняется 50 лет со дня его гибели.

Татьяна СМЕРТИНА:

— Если взять историю любого села, историю простых, конкретных крестьянских судеб, то она так же важна и значима для нас, как история всей нашей России, ибо Россия из этого и состоит.

Возможно, отход молодых из села происходит частью от незнания ими своих корней, своей истории, из-за подрубки эстетических и фольклорных начал в быту. Конечно, и новое обязательно должно вторгаться в сельскую жизнь, но только настоящее новое — разумное, радостное, созидательное, не подчеркивающее крест-накрест окна брошенных домов, не затопяющее травой забвения и глушинок малые поля.

**Новому без старого
Не отыскать пути.
Старому без нового —
И вовсе не дойти!**

Мы в ответе за нашу землю, за наше родное поле, за ту зеленую молодь, что после нас взойдет.

НА ВСТРЕЧУ ЛЮДЯМ

Среди лауреатов премии Ленинского комсомола 1985 года — талантливые представители всех видов искусства и литературы. Поэтесса Татьяна Смертина и критик Владимир Коробов с первых своих творческих шагов связаны с нашим журналом. Певец Валерий Леонтьев и трио «Меридиан» (Надежда Лукашевич, Владимир Ситанов и Николай Сметанин) — в числе тех, о ком часто пишут в редакции читатели с просьбой подробнее рассказать об их творчестве. Художник Сергей Присекин — один из самых ярких молодых живописцев, в чьем творчестве особенно сильны патристические мотивы. Кратким знакомством с лауреатами мы предваряем те встречи с их творчеством, которые еще ждут читателей в новом году.

Сергей ПРИСЕКИН:

— Мои учителя в искусстве — отец и Таир Теймурович Салахов — часто повторяли: работай на пределе своих возможностей, не щади себя, учись у великих мастеров и старайся на них равняться. Со временем эти заповеди стали и моим творческим кредо.

Труд художника — вопреки общепринятому мнению — адски тяжел: физически, а главное — душевно. Вот друзья мои говорят, что я веселый человек, эдакий рубаха-парень. Действительно, стараюсь быть жизнерадостнее, оптимистичнее. Но на самом деле кто я? Я раб своих идей, их инструмент. Смеюсь, улыбаюсь, а внутри все что-то давит, все не дает покоя. И сейчас, когда комсомол отметил меня такой высокой наградой, покоя тоже нет. Потому что это не только награда, но вместе с тем и аванс, который еще предстоит отработать.

В планах моих большая работа, которую намереваюсь посвятить семидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции.

Валерий ЛЕОНТЬЕВ:

— Награда комсомола, конечно же, не только радость, но и постоянное напоминание о том, что нельзя останавливаться на месте, что надо работать еще больше, еще настойчивее. Постараюсь жить в творчестве так, чтобы через какое-то время не говорили: «Он эксплуатирует прошлую славу». Нынешнее время — строгий судья, и песня, развлекающая, должна воспитывать, заставлять думать, бороться. Сегодня мы, эстрадные певцы, должны особое внимание уделять жанру социальной, гражданской песни, которая может по большому счету служить делу мира, призывая людей относиться друг к другу бережнее. Мечтаю о новых формах эстрадных представлений, о новых песнях — пусть у них будет долгая, счастливая и не пустая жизнь.

Владимир КОРОБОВ:

— И прекрасное время летит быстро. Кажется, только вчера была та незабвенная зима 1977-го, когда «Смена» вышла на орбиту (в пяти номерах!) моего «Василия Шукшина» — предтечу будущей большой книги. Это было Начало, и все дальнейшее в моей творческой биографии отсчитывается именно от этого рубежа. А

опубликовано уже шесть книг и несколько десятков статей. Что дальше? Надо остановиться, оглянуться, понять, где ныне всего необходимой твое перо, твой сердечный запал. И, конечно же, помнить об Идеале: литература — совесть жизни, критика — совесть литературы. Помнить об этом обязаны все труженики литературного фронта.

проучаются ДЕТИ

Мир капитала:

мифы и правда о правах человека

Бангкок, столицу Таиланда, издавна называют «Венецией Востока». Знакомая с достопримечательностями города, иностранные туристы любят живописными каналами, стремятся побывать на знаменитом плавучем рынке, увидеть древние буддийские храмы. Но, как правило, гиды не приводят их на центральную железнодорожную вокзал Хуалампонг и на автобусную станцию Бангкока. А между тем именно здесь они могли бы увидеть сцены, о которых не рассказывают впечатление добропорядочных, аккуратных домохозяек. «Рыбачками» их окрестили потому, что они «ловят» подростков, которых немощные родители отправляют в столицу на заработки, чтобы хоть как-то облегчить положение семьи. Многих из родителей уверяют, что их сыну или дочери нужно уехать в город, где их ждет «хорошая жизнь». Но о жизни в Бангкоке крестьяне знают только понаслышке.

— Есть дети сегодня?
— Почему?
Вот такие вопросы услышали бы иностранцы на железнодорожном вокзале Бангкока. Немало детей прибывает на станцию уже в сопровождении одной из «рыбачек», которые выбрали их в деревнях. Деятельность этих женщин, получающих от «агентов по найму» половину стоимости, вырученной от продажи ребенка, практически не преследуется законом.

Средняя цена ребенка — около 100 долларов. Лучшее, что ждет их в Бангкоке, — это работа в качестве домашней прислуги. ...Когда двенадцатилетнюю Мазм привезли в столицу, девочка думала, что ей просто хотят показать большой город. Но ее отец, бедный крестьянин, вынужден был продать ее агентству по найму рабочих за 80 долларов. Небольшое время Мазм работала няней, а затем была перепродана на подпольную кондитерскую фабрику, где она и еще 58 девочек работали по 15 часов в день, практически бесплатно, лишь за ночлег и скудное пропитание. За те четыре месяца, пока Мазм работала там, две ее сверстницы умерли от истощения, а еще шесть получили увечья.

Казалось, все беды кончились, когда на кондитерскую фабрику, где работала Мазм, нагрянула полиция. «Обращение с людьми на этой фабрике было просто бесчеловечным», — заявил представитель правительства Таиланда Вичит Саентонг. Но владельца, несмотря на доказанную вину... отпустили под залог. Девочек отправили в детский приемник, откуда их должны были взять родители. Многим пришлось ждать долгие месяцы.

Корреспонденты западногерманского журнала «Штерн» приехали специально в Бангкок, чтобы убедиться в том, что детей в Таиланде продают и покупают. Ранним утром они пришли на центральную автобусную станцию, расположенную в северной части столицы. Им предложили купить троих детей: 13-летнего Тонг Дума, который обогатился в сумму, равную 170 маркам ФРГ, — он, по выражению торговцев людьми, «сильный»; 140 марок стоила двенадцатилетняя Бунлай; ее одноклассница Мун обогатилась в 130 марок. Журналисты вернули детей родителям. Но возникает вопрос: почему, к примеру, Пуинлом продала свою дочь в город?

Пожилой женщине приходится воспитывать пятерых детей. Ее муж умер два года тому назад. С марта по ноябрь она работает на рисовом поле, получая гроши за свой труд. Когда наступают засушливые месяцы и работа на полях замирает, она не знает, как прокормить детей. Они просыпаются и ложатся спать голодными.

Пуинлом никогда не училась в школе, не имеет представления, где находится Бангкок, но слышала,

что там живут богатые люди. Деньги, которые она получила за Бунлай, для нее целое состояние, на которое она сможет прокормить какой-то срок остальных детей.

Только по приблизительным подсчетам в Таиланде около 50 тысяч незарегистрированных подпольных фабрик, хозяева которых не только используют труд детей, но и жестоко обращаются с ними, заставляя работать в невыносимых условиях. Факты свидетельствуют, что имеется немало случаев, подобных трагической истории с Мазм, когда детей бедняков покупают при условии, что ребенок должен трудиться бесплатно. Практически работающие подростки низведены до положения рабов, и многие из них никогда больше не увидят своих родных.

Джон Пилджер, корреспондент английского еженедельника «Нью стейтсмен», встретился с двумя детьми, вызволенными с подпольной фабрики. Их день складывался так: подъем в шесть утра, работа до полудня. В темноте, сидя на полу со скрещенными ногами, они упаковывали сладости. «Когда на работе мне хотелось спать, — говорил изможденный мальчик, — хозяйка давала мне лекарство, чтобы я не заснул. Стоило мне начать работать медленнее, и она била меня по голове». Шестеро других «чужд» вызволенных подростков при медицинском осмотре были признаны инвалидами. До такого состояния их довел изнурительный труд по 16—17 часов в день на фабрике. И только после того, как на этой фабрике одна девочка умерла от воспаления легких, а другая от сердечного приступа, в дело вмешалась полиция, которая... оштрафовала предпринимателя.

Но для того, чтобы увидеть такого рода человеческое горе, вовсе не обязательно ехать за тысячи километров в Таиланд. Детей продают и в Европе. Оказавшиеся в нищете родители идут на крайности.

Несколько лет назад тысячи зрителей итальянского города Катандзаро, что находится на юге страны, в области Калабрия, стали свидетелями еще одной человеческой трагедии. Во время популярной передачи частной станции «Телепацио» в телестудию позвонила женщина и взволнованно сказала: «Я так больше не могу. Готова отдать своего пятнадцатилетнего сына Плачидо». Когда растерявшийся комментатор попросил рассказать, что ее толкает на такой отчаянный шаг, то он, а вместе с ним и тысячи зрителей в ответ услышали: «Зовут меня Иммаколата Макри. Мне 38 лет. Кроме Плачидо, на моих руках еще четверо детей — все они болеют, так как мы живем в маленькой сырой квартире. Мой муж не работает уже два года: он был чернорабочим, но надорвался, сейчас страдает от грудной жабы. Мне одной приходится подрабатывать то на сборе оливок, то на уборке. Но сил уже больше нет. Пусть хоть у Плачидо судьба будет полегче — может быть, приютят его добрые люди...»

«Я, нижеподписавшаяся, родившая ребенка (мальчика, девочку) в таком-то году такого-то числа, доверяю его госпоже (господину такому-то), чтобы она (он) позаботилась и о его устройстве и воспитании. Получаю за это столько-то лир...» Десятки таких отпечатанных в типографии формуляров-расписок были обнаружены полицией при обыске в городе Салеме (провинция Трапани, на юге Италии). Полиция нашла и список проданных и купленных детей.

В зарубежной печати уже не первый год пишут о существовании нелегального международного рынка торговли детьми. Известно, что в Западной Европе каждая седьмая семья бездетна. Устойчивые пути незаконной торговли «живым товаром» ведут из стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки в Западную Европу, США, страны Персидского залива. Детей доставляют в специальные «детские лагеря», где они содержатся в ужасающих условиях, их «сортируют», отбирают самых здоровых в ожидании благодетелей — бездетных западноевропейских супружеских пар, желающих их усыновить. Однако для того, чтобы получить этих детей, необходимо уплатить крупную сумму посредникам-дельцам.

Для того, чтобы «добыть» детей, используются различные способы. Первый — это покупка. Специальные агенты прочесывают бедняцкие кварталы городов, где за небольшую сумму можно купить ребенка. Второй — похищение детей в небольших деревушках. Третий — кража в родильных домах. В

этих случаях отчаявшимся матерям сообщают, что ребенок родился мертвым...

Десятки тысяч детей осиротели в Чили после захвата власти военно-фашистской хунтой Пиночета. Их родители были убиты или брошены в тюрьмы. Покинутые на произвол судьбы юные чилийцы скитаются по городам и селам. Но нищенское существование оказалось не самым страшным из того, что уготовила хунта маленьким гражданам. Один из подручных диктатора предложил свой способ «решения» проблемы детской беспризорности. Органы безопасности регулярно устраивают облавы на маленьких бродяг. Их отправляют на оборные пункты, а потом продают в США и другие страны. Ежемесячно так «экспортируют» около 150 сирот.

Принятая более века тому назад 13-я поправка к конституции США торжественно провозглашает, что рабство, как и принудительный труд, не должно существовать в Соединенных Штатах или в любом другом находящемся под их юрисдикцией районе. И хотя второе столетие существует это законодательное положение, но в современной Америке можно, как и в былые времена, купить и продать человека. «Дела о рабстве» — именно так министерство юстиции США без стеснения называет поступающие на его рассмотрение случаи глумления над человеческой личностью.

В городе Роли (штат Северная Каролина) не так давно завершился процесс, в ходе которого трое подсудимых — братья Деннис и Ричард Уоррены и их сообщник Джон Харрис — были признаны виновными в насильственном похищении людей и нещадной эксплуатации их труда на плантации с обманчиво красивым названием «Радужная». Разъезжая по городам Восточного побережья США, преступники, обещая хороший заработок, заманивали мигрирующих сельскохозяйственных рабочих и просто бедняков, не имеющих никаких средств к существованию. Те, кто попадал на «Радужную», а в основном это были чернокожие американцы, не разгибая спины, подвергаясь оскорблениям и побоям, трудились от зари до позднего вечера под револьверными дулами Уорренов и Харриса. На ночь их запирали в барак и сковывали цепями.

Как правило, главной жертвой работорговцев XX века становятся лишенные всех прав выходцы из стран Латинской Америки, Азии и Африки, которые приезжают в США в поисках заработка. Подчас это подростки и молодые люди. Они легко попадают в сети профессиональных контрабандистов «живым товаром», или, как их здесь называют, «койотов». За определенную мзду «койоты» поставляют рабов плантациям, промышленным и аграрным корпорациям. Тысячи таких иммигрантов стали добычей подпольных работорговцев и по цене в несколько сот долларов за голову были проданы на частные предприятия, фруктовые и хлопковые плантации Арканзаса, Вирджинии, Техаса, Калифорнии и Флориды.

Торговля «живым товаром» в Соединенных Штатах давно уже стала весьма прибыльным делом. А там, где большая прибыль, там неизменно находишь следы мафии. Американская мафия активно включилась в бизнес продажи-покупки детей. Так, на американо-мексиканской границе уже несколько лет процветает «черный рынок», истинных масштабов которого не знает никто. По данным южнокалийфорнийского отделения службы иммиграции и натурализации США, только в Калифорнии ежегодно осуществляются сотни сделок по купле-продаже детей. Как правило, гангстеры скупают новорожденных младенцев и детей в возрасте до года примерно за 500 долларов или меньше в соседней Мексике в семьях обездоленных, а затем перепродают их в США. К тому времени, когда превращенный в товар ребенок попадает в Лос-Анджелес, Нью-Йорк или Чикаго, его «стоимость» возрастает до 5 тысяч долларов.

Свыше ста лет тому назад Виктор Гюго в романе «Отверженные» описал ужасные условия, в которых находилась восьмилетняя Козетта, которую безжалостно эксплуатировало семейство Тенардье. Прошли годы, но по-прежнему современные Козетты продаются и покупаются, они вынуждены трудиться днями и ночами на хозяев, которые богатеют за их счет. Их лишают детства, которое лишь раз в жизни дается человеку...

Декабристов было много. В так называемый «Алфавит», правительственный список всех причастных к событиям 1825 года, было внесено 589 человек; правда, десять из них доносчики (втерлись в тайные общества для сбора сведений), известная часть попала случайно.

Пятерых, как известно, казнили, около трехсот — на каторгу, в ссылку, в солдаты, под надзор.

Об одном из арестованных в «Алфавите» говорилось так: «Раевский Владимир Федосеевич, майор 32-го егерского полка... 6 августа 1826 года отправлен для произведения над ним вновь военного суда».

Иначе говоря, всех осудили, а Раевского пока что не сумели — требуется еще одно расследование. Хлопот с этим человеком у властей хватало...

Первых революционеров и их жен, отправившихся в добровольное изгнание, у нас высоко чтут, особенно в Сибири, где считают земляками. Известный историк М. Н. Покровский в свое время высказал предположение, что наиболее активными декабристами были самые бедные, те, у кого меньше всего крепостных душ. Проверили — оказалось, что такая арифметика ничего не объясняет. Среди наиболее решительных дворянских революционеров действительно попадались офицеры небогатые (Каховский, Горбачевский), но им не уступали выходцы из очень состоятельных семей (Пестель, Бестужев-Рюмин, Волконский). Князья, дворяне, они могли и не восставать, не выходить на площадь, им было что терять: положение, чин, крепостных, карьеру, — однако они, «странные люди», все бросили и решились пострадать, погибнуть ради уничтожения собственных привилегий.

Нравственный подвиг, за который праправнуки так расположены к этим людям...

Сегодня мы вспомним только одну декабристскую биографию, однако, мысленно следуя за нею, наверное, кое-что сможем увидеть и понять во всех, в каждом...

Родился наш герой около Старого Оскола в Курской губернии. У отца-помещика было одиннадцать детей (Владимир — третий по старшинству). На них работало около тысячи крестьянских семей, которые в черноземных краях несли особенно тяжкую барщину.

Год рождения 1795-й: выходит, Раевский на четыре года старше Пушкина, ровесник Рылеева. Некоторые декабристы были еще старше — Пестель, Трубецкой, Лунин, Волконский, другие же — значительно моложе. Вообще первые революционеры довольно четко делятся на две группы: те, кто попал на войну 1812 года, «фронтовики», и те, кто не успел.

Раевский попал. Мы, к сожалению, очень мало знаем о его детстве, но догадываемся, что он выделялся среди

Далекое — близкое

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЖИЗНЬ ДЕКАБРИСТА РАЕВСКОГО

братьев способностями, любовью к чтению, стихам. Военная служба была обычным, естественным жребием дворянского мальчика, но от родителей, от самого «недоросля» зависело, желает ли он попасть в полк без особых затруднений, или хочет поучиться, получить приличное образование.

Из курской уездной дали Владимира Раевского отправляют в Москву, где несколько лет он проводит в одном из лучших учебных заведений — Университетском пансионе, а затем впервые попадает в Петербург, в специальную офицерскую школу.

Раевский оканчивал учение, когда Пушкин и его сверстники только поступили в Лицей. Позже один из лицейских

никак не мог понять, как это при такой неупорядоченной, ленивой жизни из их класса вышло так много примечательных людей (Пушкин, Пущин, Дельвиг, Кюхельбекер, Горчаков, Матюшкин и другие). Секрет, как видно, был в тогдашней атмосфере, в том, что было за стенами лицеев, пансионов. А была молодая Россия; был сильный общественный интерес ко всему, были важные человеческие вопросы, отвечая на которые дети становились взрослыми людьми. И как-то «само собою» выходит, что юный помещичий сын Володя Раевский, готовясь к офицерскому экзамену, уже мечтает вместе с задушевным другом Гаврилой Батеньковым о крестьянской свободе, о благе России, о том,

чтобы умереть за настоящее дело... Вскоре жизнь предложит им первый настоящий экзамен.

«ДЕТИ 12-ГО ГОДА»

Один из виднейших декабристов, Матвей Муравьев-Апостол, в глубокой старости скажет: «Мы были дети двенадцатого года».

В мае Раевский получает первый офицерский чин. Прапорщик, как полагается, знает по-французски, по-немецки, владеет артиллерийской наукой, фехтует, танцует. Меньше чем через месяц Наполеон вторгается в Россию. Разделяя судьбу Отечества, семнадцатилетний офицер идет на войну.

Под началом Раевского было две пушки, с которыми он прошел всю кампанию; в Бородинском сражении стоит у батареи знаменитого однофамильца генерала Раевского и получает золотую шпагу «За храбрость».

Затем еще два военных года, десяток сражений, боевой орден. До Парижа, правда, Раевский не доходит, оставшись в Варшаве с гарнизоном, но домой возвращается капитаном, победителем.

Матери уже не было в живых, отец же посоветовал служить дальше. Он верил в способности сына; к тому же тысяча душ, разделенная на многих детей, не обеспечивала домашних финансов.

Несколько лет Раевский скитался по провинциальным гарнизонам (в гвардии

служить слишком долго). В двадцать с небольшим лет он уже достигает того чина, с которым вышел в отставку его отец; отныне его величают «майор Раевский» и предсказывают, что лет через десять — пятнадцать станет генерал-майором. Но, видно, уж такая была у Раевских судьба — «не выше майора».

В эти самые годы странствий Раевского рядом с ним да и в нем самом происходит быстрое, бурное формирование декабристских идей. С 1816 года в разных местах на севере и юге страны складываются тайные общества. Майору в это время уже совершенно ясно, где правда, где зло, а потому по правилам чести, если ты образован и благороден, просто невозможно не вступить в общество, не востать. Известный знаток биографии Раевского Ю. Г. Оксман говорил, что Владимир Федосеевич, в сущности, никогда не сомневался и поэтому всю жизнь был счастлив.

Пока же прямой, честный, ироничный офицер отлично ладит с солдатами, к тому же все время пишет стихи. Поэт он не гениальный, но умелый, страстный; иногда горячий напор стиха столь силен, что выносит его уровень с лучшими мастерами. Тем интереснее его встреча и дружба с самым лучшим...

КИШИНЕВ

В 1820 году Раевский попадает в 32-й егерский полк, расположенный на краю империи, в Бессарабии. Сюда же, в Кишинев, присылают из Петербурга опального чиновника коллегии иностранных дел Александра Пушкина. Быстро познакомились, сошлись; в Кишиневе образованных людей немного, все друг друга знают: постоянные встречи, разговоры, споры обо всем. По воспоминаниям, по чудом сохранившимся записям самого Раевского мы восстанавливаем атмосферу времени...

Майор постоянно и охотно поддевает Пушкина: когда поэт не знает расположения какого-то «географического пункта», Раевский вызывает крепостного слугу, и тот сразу находит нужное место на карте. Все смеются; на кого-нибудь другого самолюбивый Пушкин в подобном случае, вероятно, накинусь бы, дело могло дойти до пистолетов, но с Раевским отношения «свойские», Раевскому можно; и Пушкин позже признается, что многое прочитал, сильно пополнил неровное лицейское образование под влиянием колких кишиневских шуточек. Собеседников, естественно, сближают стихи. Майор отлично понимает, какой замечательный талант перед ним, но не в духе Раевского похвалы, комплименты. Ясно сознавая, что Пушкин пишет лучше, декабрист совершенно уверен, что сам пишет «полезнее» в революционном смысле: это его вполне устраивает, и он старается Пушкина воспитать «как следует». — Пушкин же и соглашается, и упирается...

Майор и его товарищи по тайному обществу как раз в это время — в начале 1820-х годов — готовили военные силы для будущей революции. Кроме подпольного служения, Раевский кое-какие декабристские дела совершал у всех на виду: просвещал солдат, молодых юнкеров (завтрашних офицеров). Подобные вещи формально не запрещались — ведь сам царь Александр I в начале своего правления поощрял школы, лицеи, университеты, распространение грамотности... Однако школа Раевского совсем особая: занимаясь с солдатами, он, конечно, отменяет палку; в виде же примеров (по русскому языку, географии, другим предметам) толкует о свободе, равенстве.

Это была крамола, и вскоре в штаб 2-й армии (куда входили войска, расположенные в Кишиневе), а затем и в столицу понесли доносы. В них сообщалось, что Раевский курит с солдатами табак, с некоторыми даже обнимается и свободно толкует обо всем. Царь Александр I приказывает генералу Киселеву, своему доверенному лицу, начальнику штаба 2-й армии, расследовать, чем Раевский занимается. Киселев, человек умный и хорошо понимающий, каков дух мятежного майора, посылает для расследования генерала Ивана Сабаньева.

В последовавших событиях много противоречий и загадок. Казалось бы, дело ясное: суровый генерал, любитель порядка отправляется к «очагу вольнодумства», и сейчас последует расправа. Однако Киселев нарочно послал не бесчувственного, фрунтового держиморду, но человека достаточно сложного: Сабанев — ученик Суворова, палку в армии не жалует, кровавого деспота

Аракчеева не выносит. Более того, вскоре по приезде в Кишинев генерал пожалуется, что «ценок Пушкин» распускает о нем слухи, будто он карбонарий. Иначе говоря, что усмиритель — сам вольнодумец! Возможно, Пушкин таким путем хотел смутить Сабаньева и помочь Раевскому; однако дело обернулось иначе. Хотя Раевский по отношению к солдатам имел немало сходных мыслей с Сабаневым, последний все же разъярился: у него много накопилось материала о вольностях, «нарушениях устава». Сабанев приходит к правителю края, известному пушкинскому доброжелателю генералу Инзову, и общается о своем желании — отправить майора в тюрьму. Инзов возражал, и разговор получился столь громкий, что Пушкин, проходивший по коридору, услышал, поняв, в чем дело, и тут же побегал предупредить Раевского.

«Ах, Раевский! — воскликнул Пушкин на прощание. — Позволь мне обнять тебя».

Майор верен себе и обниматься не желает. «Ты не гречанка», — сказал он (намек на пушкинское стихотворение «Черная шаль» и героиню его, молодую гречанку).

Это последняя встреча, последний разговор двух поэтов. Через несколько часов за Раевским приходят, но благодаря предупреждению Пушкина он успел подготовиться. Майора приводят к Сабаньеву, генерал начинает кричать, майор требует «приличного тона» и выхватывает шпагу. Окружающие бросаются к нему, думая, что он сейчас заколет противника, но Раевский, наслышавшись секундой всеобщего страха, подает шпагу генералу со словами: «Если я преступник, Вы должны доказать это, носить шпагу после бесчестного определения Вашего и оскорбления я не могу».

5 февраля 1822 года окончилась свободная жизнь Владимира Раевского. От роду ему было двадцать семь лет.

«ПЕРВЫЙ ДЕКАБРИСТ»

Это прозвище укрепилось за Раевским много лет спустя: действительно, его арестовали почти за четыре года до того, как другие декабристы выйдут на Сенатскую площадь. От Раевского, от его показаний и стойкости во многом зависела судьба тех, кто оставался на воле... У друзей заточение еще впереди, у него уже началось. На всякий случай видный заговорщик, друг юности Раевского Гаврила Батеньков, тайком извещает нескольких влиятельных сибирских друзей, что скоро, возможно, повезут на восток одного майора, и желательно этому человеку как-то помочь...

Первый декабрист. Недавно в Иркутске вышло подготовленное А. А. Бреганом и Е. П. Федосеевой двухтомное собрание его сочинений и разных документов в серии «Полярная звезда», где предполагается издание многих декабристских воспоминаний и писем.

Сохранились десятки рукописных томов следственного дела майора Раевского (некогда чрезвычайно секретного, строжайше запечатанного). Несколько советских исследователей шаг за шагом разбирались в сложнейших хитросплетениях многолетнего процесса.

В чем обвиняют? Прежде всего в дисциплинарных нарушениях: «распустил солдат, но тому учил». За один месяц было допрошено около 50 офицеров и 600 солдат. Некоторые юнкера и офицеры обвиняли Раевского, но он смело «контратаковал», совершенно забывая их на очных ставках и достиг того, что все запуталось, не сходилось. Солдаты же, как их не страшили, повторяли одно: командир учил во славу «бога, царя и отечества».

Из тираспольской крепости, куда поместили майора, он нашел способ связаться с волей; одним из первых конспиративных документов были замечательные стихи «К друзьям в Кишинев» — подробный «репортаж» о следствии, допросах. Между прочим, там имеются следующие, известные, но притом несколько странные строки:

**И этот черный трибунал
Искал не правды обнаженной,
Он двух свидетелей искал
И их нашел в толпе презренной.
Напрасно голос громовой
Мне верной чести боевой
В мою защиту отзывался,
Сей голос смелый пред судом
Был назван тайным мятежом
И в подозрении остался.**

Тут одна непонятная строчка — «мне верной чести боевой». Отгадка нашлась в старинных списках этого стихотворения, изданных мною в архиве. Там ясно было написано — «мне верной черни боевой»: «верная чернь», солдаты — вот кто пытался защитить своего майора и кто «в подозрении остался»!

Последние строки этого тюремного послания — как бы рапорт заговорщика другому видному деятелю тайных обществ, генералу Михаилу Орлову:

**Скажите от меня Орлову,
Что я судьбу мою сурову
С терпеньем мраморным сносил,
Нигде себе не изменил...**

Меж тем «мраморное терпенье» Раевского начинало приносить плоды. Генерал Сабанев довольно быстро убеждается, что дело не только в «нарушении устава», но — «пахнет заговором». Однако негибкий генерал все старается отделить «политику» от чисто воинских дел. Сабанев ждет порядка, но не желает быть «шпионом». Все это отлично понимает Киселев, постоянно информирующий царя... И тут наступает самый загадочный, шекотливый эпизод процесса. Вместо приказа расследовать все до конца Петербург отламывается или отделяется общими туманными фразами: вроде бы не заинтересован доисследовать до всех корней и предлагать, чтобы там, на юге, генералы «сами разобрались»...

В чем же дело? Пушкин позже заметит, что о заговоре в стране знали все, «кроме полиции и правительства»; в зашифрованной X главе «Евгения Онегина» мелькает строчка «Наш царь дремал...».

Перед нами, вероятно, часть более значительной загадки: отчего Александр I, около десяти лет получавший разнообразные сведения о тайных обществах, имевший (мы точно знаем) довольно полные списки декабристов, отчего не арестовывал?

Боялся. Поскольку же у страха глаза велики, представлял заговор куда более сильным, чем он был на самом деле, опасался, что, если начать серьезные, сплошные аресты, это послужит сигналом для общего восстания на Севере и Юге. Сверх того, царь боялся... собственного прошлого. Ведь он сам двадцать лет назад был в заговоре, уничтожившем его отца, Павла I; он сам в начале царствования обещал реформы, многие из которых позже были включены в программу декабристов.

Обещал, но не дал, не сумел дать, испугался. И теперь Александр I опасается, что арестованные революционеры станут обвинять его самого в крайне неприятных вещах, о которых царь предпочитает не вспоминать. Поэтому, когда один из приближенных начал настаивать на необходимости репрессий против тайных обществ, Александр ответил: «Не мне их судить!»

Раевского, однако, схватили. Не царю судить, но царский суд должен вынести решение. Ситуация двойственная, и эта двойственность ощущается по всей длине цепи: Александр I — Киселев — Сабанев — Раевский. При других обстоятельствах начальство уж давно бы расправилось с непокорным офицером. Но теперь, в 1820-х, явно «дает слабину»: допрашивает и в то же время не хочет всего знать.

В конце концов генеральская выдержка уступила «мраморному терпению» майора. Сабанев явился к заключенному и предложил согласиться со сравнительно легким наказанием: ссылка в дальний гарнизон при сохранении чина. Как знать, если бы Раевский принял решение суда, то через год-два получил бы полную свободу, а там, глядишь, дело бы и забылось — дожил бы жизнь спокойно...

Но зачем Раевскому спокойная жизнь? Согласиться с обвинением — значит что-то признать, покаяться. О нет! Он переходит в наступление, запутывает и отвергает заключения пяти следствий; наконец доводит главного обвинителя, Сабаньева, до того, что он отправится к царю выпрашивать помилование для майора. Помилования, освобождения не последовало — слишком уж явная это была бы победа заговорщиков: да и Раевский не ждет для себя ничего хорошего — разве что восстание вдруг победит. Продолжая посылать через верных людей стихотворные письма, он сам себе предсказывает будущее житье в дальнем краю, в Сибири. И убеждает друзей не слабеть духом. Пушкина он продолжает и из крепости обращать в свою революционную веру, призывает писать о настоящих вещах, а

не о каких-то там «нежных страстях». Пушкин вадрогнул, когда прочитал великолепные строки:

**Как истукан, немой народ
Под игмом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор казнит на плахе.**

Пушкин нашел стихи прекрасными, но не в своем духе, а «в духе тираспольской крепости»; поэт горестно заметил, что при таких стихах «не скоро же мы увидим нашего певца».

Пушкин не во всем был с ним согласен, он куда больше сомневался, куда менее был уверен, чем Раевский (поэтому, вероятно, не смог закончить несколько уже начатых посланий к заключенному другу), однако любил, жалел упрямого майора. Позже в Михайловском, во время знаменитой встречи с Пушкиным, вспоминает о Раевском, «которого пятый год держат в тираспольской крепости и ничего не могут выпытать».

Летом 1824 года Пушкин навсегда уезжает из Кишинева и Одессы, Раевский продолжает наносить удары направо и налево...

Однажды узнает, что его старинные товарищи, единомышленники зимним днем 1825 года вышли на бой и проиграли: теперь и они, как Раевский, узники — и Пестель, и Пушкин, и Орлов, и старый друг Батеньков.

ПРИГОВОР

В Петербурге идут допросы; новому царю Николаю I и его следователям удается получить у нескольких уставших или ослабевших духом декабристов сведения; что те надеялись на Владимира Раевского. Пестель, между прочим, замечает, что в планах Южного общества декабристов были захват Тирасполя и освобождение арестанта. После всего этого огромные тома следственного дела майора пересылаются с юга в столицу, и его самого доставляют туда же. Во второй раз он оказывается в столице и напоминает, как пятнадцать лет назад с Батеньковым мечтал здесь об освобождении своего народа.

Народ по-прежнему не свободен, да и он с Батеньковым в разных камерах...

Четырехлетний тюремный стаж, впрочем, немало закалил Раевского. В то время как многие из его сотоварищей падают духом, даже раскаиваются, он смеется и дерзит. Раевского доставляют в следственную комиссию, которая заседает в Петропавловской крепости, но после нескольких допросов оставляют в покое. Его никак нельзя было сбить с крепкой «защитной позиции»: в восстании 1825 года не участвовал, раз в тюрьме сидел, и если знал о тайном обществе (теперь это было уже глупо отрицать), так его ведь о том не спрашивали... Раевский по-прежнему пытается наступать, хотя обстановка переменялась. Однажды его спрашивают: чего же он хочет? Отвечает: объективного, беспристрастного суда. Не зная, как отделаться от упряма, его отправляют в Польшу, чтобы дело решил «нейтральный судья» великий князь Константин, управлявший всеми западными губерниями.

Пятерых декабристов летом 1826 года казнили, около сотни отправили в сибирскую каторгу, Гаврилу Батенькова на много лет заперли в крепости, а Раевского все судят и судят...

Конечно, он сильно устал. К тому же с воли пришло сообщение, что умер любимый отец, в немалой степени от горя; младший брат Григорий предпринял безумную попытку пробраться с чужими документами в тюрьму к старшему, его хватают, в каземате он сходит с ума и умирает. За время заключения теряет еще брата и сестру. Единственный просвет — надежда все же выйти на волю: ведь пятнадцатилетний срок следствия более чем достаточен!

Старший брат царя Николая великий князь Константин Павлович посетил Раевского в камере и отнесся к нему благосклонно. То был странный человек, причудливо сочетавший черты деспота и рыцаря. Поговорив с майором, он сказал, что будет хлопотать об его освобождении, и даже велел дать денег для улучшения тюремного быта.

Однако именно снисхождение Константина, кажется, было роковым обстоятельством в судьбе Раевского. Дело в том, что Николай I ненавидел старшего брата, всячески стремился уменьшить его авторитет, поэтому те, за кого Константин заступался, были почти обречены. Попытался он помочь своему адъютанту Лунину — Николаю и его следователи изо всех сил постарались Лу-

нина засудить и отправить в Сибирь. То же самое с Раевским: он надоед властям, разозлил их; они к этому времени уже довольно ясно представляли его немалую роль в тайных обществах; возможно, в руки следствия попали и крамольные стихотворения. Конечно, царю следовало учесть длительный срок предыдущего заключения; конечно, по закону требовались новые допросы, но какие там законы!

Осенним днем 1827 года одним росчерком пера Николай I окончил зашедшее в тупик пятилетнее следствие. Владимир Раевский узнал, что больше он не майор, не дворянин, а «государственный преступник, находящийся на поселении». В Сибирь, навечно!

Ну что же, одна жизнь окончилась на тридцать втором году; приходилось начинать другую.

«И В СИБИРИ ЕСТЬ СОЛНЦЕ!»

Эту фразу произнес один из декабристов, услышав приговор (чем вызвал большой гнев начальства). Раевский, несмотря на сыпавшиеся удары, был, судя по сохранившимся документам, спокоен, даже весел. Его везут через Москву, из окна тюремной кареты можно взглянуть на Университетский пансион, где прошли детские годы; а затем все дальше на восток, через сибирские города, где даже местное начальство принимает сыльного на удивление хорошо: сработали старинные просьбы друга Батенькова, который сам сейчас еще в худшей беде.

После нескольких месяцев бесконечной дороги — столицы Восточной Сибири Иркутск. Почти всем прибывшим сюда декабристам предстояла дорога еще дальше на восток, за Байкал, в каторжные заводы. Однако Раевский приговорен не к каторге, но к ссылке. И как ни странно, это наказание было ничуть не легче: каторжные работы по крайней мере соединили сотню декабристов, создали условия для взаимной поддержки; в ссылку же ехать одному.

Раевский оказывается в большом селе Олонки на Ангаре в 85 верстах от Иркутска. Здесь ему предстоит долго жить и умереть.

Как не потеряться, не растеряться в совершенно непривычной обстановке, в далекой тайге?

Можно попробовать наняться на службу: в Сибири грамотные люди на вес золота, иные уголовные преступники занимают судейские должности. Если бы Владимир Федосеевич находился на каторге, он стал бы членом декабристской артели, распределявшей получаемые с воли деньги (большие суммы присылали богатые родственники Трубецкого, Волконского, Никиты Муравьева, Лунина). Однако Раевский в ссылке, приходится самому изыскивать средства; одна из сестер завещает свою долю наследства опальному брату, но две другие присваивают деньги и оставляют Раевского почти без копейки.

В эту пору в Иркутской губернии сумел устроиться на службу другой сыльный декабрист, Александр Николаевич Муравьев (его, правда, не лишили дворянства). Бывший гвардейский полковник, умный, дельный человек, он оказался столь умелым администратором, что вскоре ввиду огромного недостатка «квалифицированных кадров» правительство назначает его председателем губернского правления в Иркутске. Позже этот декабрист будет губернаторствовать в Крыму, в Архангельске и при этом находится под надзором, не имея права въезда в столицу! Разумеется, служба на высоких должностях при Николае I, Муравьев должен был исполнять много дел и поручений, которые ему не по сердцу; но, где может, он старается делать добро, мечтая когда-нибудь хоть на губернаторской должности помочь освобождению крестьян... Муравьев пытался помочь Раевскому, взять его к себе, но Петербург не разрешает: власть не забыла о пятилетнем упорном сопротивлении, которое Раевский оказывал целым полчищам следователей. Не забыла и не простила...

Ну что же, надо здесь, на Ангаре, разводить хозяйство, как-то существовать. Настал час думать и о хозяйке: прежде, на воле, Раевский считал для себя невозможным обзавестись семьей; этим он отличался от многих декабристов, которые перед самым восстанием женились, делали отцами. Теперь, в ссылке, другое дело. В Олонках сыграли свадьбу лишенного прав государственного преступника и 16-летней крещеной бурятки Евдокии Моисеевны Середкиной. Вскоре рождается первенец,

мальчик Костя; суровый революционер испытывает неизвестные прежде радости, но вдруг — болезнь, смерть ребенка...

Это было последней каплей: все выдержал, перенес Раевский, перенес молодчески, порою с улыбочкой — неволю, потерю чина и дворянства, пережил смерть отца, братьев и сестер. Но тут, кажется, первый раз в жизни дрогнул. Сохранились раздирающие душу странички, нечто вроде письма Раевского к умершему сыну: «15 сентября 1830 года. Видел во сне отца моего, который, садясь в лодку, сказал мне: «Прощай, друг мой, теперь прежде 10 лет я с тобою не увижусь...» Лодка тронулась по широкой реке, и когда она скрылась из виду, я проснулся... Что привязывает меня к этому мрачному миру? Зачем еще живу я? Какая будущность ожидает меня... Безумец! почему ты доверял счастью». Раевскому советно, что после смерти мальчика он еще может есть, пить, смеяться: «О, горестные воспоминания! не оставяйте меня. Печаль о нем, если уже его воззвратить нельзя, есть утешение для меня».

Печаль-утешение. Но у нас есть все основания утверждать, что немалую долю утешения взяла на себя юная мать умершего Кости Раевского.

Казалось бы, что могла понять эта совершенно неграмотная дочь тайги в декабристе, блестящем собеседнике Пушкина, мыслителе, поэте? Оказывается, могла и прекрасно могла. Кто не знает о женах декабристов, одиннадцати благородных и смелых дворянских женщинах, добровольно отправившихся за мужьями в Сибирь? Имена Волконской, Трубецкой, Муравьевой, Фонвизиной, Анненковой навсегда останутся в нашей исторической памяти. Их подвиг тем весомее, что несколько жен в Сибирь не поехали: одни не решились на далекий путь, не хотели оставить детей; другие воспользовались правом на легкий развод, который охотно предоставил царь, и снова вышли замуж. Однако была еще одна группа «декабристок»: это сибирские девушки, которые вышли замуж за сыльных революционеров. Двадцать один декабрист связал свою судьбу с сибирячками, с которыми вряд ли бы и встретились, если бы не восстание, не приговор, ссылка. Восемь сибирских браков были заключены с дочерьми чиновников, купцов и других более или менее образованных групп населения, а тринадцать союзов — с девушками из крестьян, разумеется, неграмотными (грамотность вообще считалась препятствием для выхода замуж). Что видела и знала Дюся Середкина до встречи с Раевским? Даже о Москве сведения были смутными, полужантасическими. И тем интереснее, что почти все браки вчерашних блестящих офицеров с сибирскими девушками оказались удачными. Крестьянские жены народили по многу детей, хорошо вели хозяйство, помогли своим мужьям. Евдокия Моисеевна Раевская, к примеру, «чтобы сделать приятное Владимиру Федосеевичу», не просто выучилась грамоте, но стала, можно сказать, просветительницей края, познакомила с азбукой немало сибирячек. Несколько десятилетий спустя один проезжавший путешественник был потрясен семей «крестьянина Раевского»: хозяин дома был, по торжественному случаю, во фраке и цилиндре, хозяйка же по разговору и поведению — светская дама и, кажется, даже говорила по-французски...

«Чтобы сделать приятное Владимиру Федосеевичу»: по этой логике любви прожили много десятилетий с декабристами их крестьянские жены, понятно, не совершившие подвига в том духе, как Волконская или Трубецкая, но сумевшие своих «несчастных» спасти, ободри, вдохновить. Восемь детей еще родила Раевскому его жена, и все поднялись на ноги. Очень было трудно с деньгами, Раевскому приходилось пускаться в разные хозяйственные эксперименты, чтобы свести концы с концами, но — жили, ездили по сибирской округе, принимали гостей — все больше других сыльных, — читали книжки, выписываемые «из России». Так проходили годы и десятилетия...

Тридцать лет спустя

Тюремщик декабристов Николай I умер, с позором окончив свое царствование. В 1856 году — амнистия. Уцелевшим декабристам (примерно половина уже лежала в сибирской или кавказской земле) было возвращено дворянство: Евдокия Моисеевна и восемь юных Ра-

евских вдруг узнали, что они отныне принадлежат к «благородному сословию». Декабристы посмеивались: один из них, Евгений Оболенский, бывший князь из древнейшего рода, восходившего к первой российской династии Рюриковичей, — он тоже женился в Сибири на простой крестьянке, тоже «народил детей». И вот все узнали о царском указе, что княжеское достоинство возвращается женам и детям бывших князей, но не самим «князьям». Так крестьянка Оболенская стала княгиней, а Оболенский в князя «не возвратился»... Впрочем, подобные пустяки мало занимали тех людей, которые некогда вышли на площадь для того, чтобы уничтожить свои привилегии. Куда больше волновало их освобождение крестьян, которое наконец, пусть с немалыми ограничениями, произойдет в 1861 году. Не декабристы их освободили, но без декабристов не было бы свободы: их идея, их страдания были как бы фундаментом всего случившегося.

В эту пору Владимир Федосеевич решил, что надр все-таки съездить на родину — поведать старых друзей и родственников, попробовать что-либо сделать для подрастающих детей. Он уже не молод, бывший кишиневский майор, седьмой десяток пошел, но еще есть силы, удалая, веселая злость...

И вот однажды он отправляется в путь вместе со старшим сыном Юлием. И в Москве, и в Петербурге встречи со старинными приятелями юности, товарищами 1812 года, кишиневскими собеседниками. Пушкина, правда, уже более двадцати лет как нет в живых, но сошлось много друзей, ожило немало воспоминаний. К сожалению, не хватило сил и времени отыскать Батенькова в Калужской губернии, но к нему послан сын Раевского с письмом: «Ты, конечно, хорошо понял... из его поспешности явиться к тебе... как много я думал, любил и люблю тебя, и что 45 лет нимало не уменьшили тех сердечных привязанностей, которые сблизили нас».

Часть прежних однокашников давно достигла генеральских чинов, и, конечно, они намекали, что если бы не тюрьма и ссылка, давно бы и Владимир Федосеевич тоже именовался «превосходительством». Раевский же ни о чем не жалеет, не признается, что, как видно, отвык от «европейской жизни»: нет простора, «душно». Даже друзья-генералы не сумели пристроить его к какой-нибудь службе — старая репутация давала себя знать.

Поездив, повидав друзей, потолковав о «мильях тенях», Владимир Федосеевич принимает решение, как всегда, ясное и неотменимое: вернуться в Сибирь — и навсегда...

ЭПИЛОГ

Не он один до конца соединит судьбу с тем краем, который, по выражению одного из декабристов, был «второй родиной, сибирской».

Снова Ангара, Иркутск, Олонки. Правда, другие времена, иные права у «дворянина Раевского». Чем же заняться ему теперь, когда есть силы и когда, кажется, можно кое-что громко высказать, сделать?

Все не унимается: еще в ссылке все время сорисился с наглыми исправниками, чиновниками-взяточниками, рискуя попасть под новое следствие. Теперь же с удвоенной силой берет под обстрел местное начальство; байкальский край он знает, конечно, очень хорошо, от него ничто не укроется, и вскоре уж генерал-губернатор, высшие чины застанут от неумолимого правдолюбца.

Был печатный орган, которого боялись все, от мелкого канцеляриста до императора: это газета «Колокол», издававшаяся Герценом в Лондоне и разными каналами приходившая в Россию. Известный исследователь сибирской старины Б. Г. Кубалов в свое время обнаружил множество потаенных связей между Восточной Сибирью и Вольной русской типографией. Стоило местной власти совершить какую-нибудь очередную подлость, глядишь, через месяц-другой подробный рассказ об этом событии уж напечатан Герценом, а еще через некоторое время тихонько читается, копируется, обсуждается в самом Иркутске. Вопрос об авторах этих корреспонденций не совсем ясен, но и тогда, и теперь у людей осведомленных не было никакого сомнения: старик Раевский приложил руку, не испугался еще раз связаться в драку...

С такой повадкой, с таким норовом спокойной жизни не будет: и старика преследуют, про него распускают поро-

чащие слухи; однажды на дороге нападают злоумышленники, хотят убить, — Раевский отбил с огромным трудом, долго болел...

Силы подходят к концу. Друзья один за другим уходят из жизни; однажды узнает о кончине Гаврилы Батенькова...

Сражения с местными врагами все же не приносят Раевскому того удовлетворения, которое когда-то давала возвышенная романтика тайных обществ, горячая поэзия:

**О, мира черного жилец!
Счисти все прошлые минуты...**

В Сибири стихи пишутся все меньше, зато пришла охота к воспоминаниям. Такая жизнь, такие битвы и приключения не должны затеряться. Писать, правда, опасно, — все помнят судьбу декабриста Лунина, с которым расправилась именно за его сибирские сочинения. Но Раевский пишет и старается заинтересовать детей своими рассказами. Сыновья и дочери отца чтут, любят, но многое им непонятно, они выросли в сибирском мире, столь не похожем на школы, войны, заговоры, тюрьмы молодого их отца. Раевский с грустью догадывается о потаенных мыслях и чувствах детей, кажется, только дочь Вера и, разумеется, неизменная подруга Евдокия Моисеевна понимают, сочувствуют больше других.

Воспоминания в конце концов написаны, но старый декабрист сомневается, возможно, повторять одно из своих редких сибирских стихотворений:

**И мой ударит час всеобщего чредою,
И знак сотрет с земли моих следов,
И снег завет дерн
над крышей гробовою;
Весной оттаит снег,
за годом год пройдет,
Могильный холм сравняется
с землею,**

И крест без надписи падет!..

Последовавшие за тем события как будто подтверждали это печальное прочтение. 8 июля 1872 года, на 78-м году жизни, Владимир Федосеевич умирает. Дочь Вера передает воспоминания отца одному петербургскому издателю, но тот не сумел или не захотел их напечатать. Утверждал, что послал текст обратно и... рукопись затерялась. К началу XX века даже специалисты почти не помнили о том, кто такой Владимир Раевский.

Но неугомонный майор не собирался сдаваться и после смерти. Энергия его личности, казалось, распространялась по стране, воздействуя, будоража, возрождая. Вдруг в начале XX столетия известный историк П. Е. Щеголев публикует одну главу из воспоминаний декабриста: значит, записки не пропали.

После 1917 года, когда начали выходить десятки книг и работ о декабристах, интерес к Владимиру Федосеевичу усиливается, к тому же открылись его отношения с Пушкиным.

Проходят еще десятилетия; как будто уже найдено все, что может быть найдено, на новые открытия все труднее рассчитывать. Кто мог, например, надеяться, что исчезнувшие в Петербурге в конце XIX века записки декабриста стоит еще разыскивать в Ленинграде, пережившем войну и блокаду?

Но Владимир Федосеевич, он такой: появляется, когда не ждешь, не желает утихнуть. Именно там, в послевоенном Ленинграде 1945 года, известный коллекционер В. А. Крылов обнаружил у букинистов неведомо от кого поступившую рукопись.

Те самые записки! Коллекционер передал их для публикации профессору Азадовскому, и они впервые увидели свет в известном издании «Литературное наследство», в томе, посвященном декабристам. Сегодня в селе Олонки близ Иркутска нет человека, кто не знал бы имени земляка, Владимира Федосеевича Раевского. Здесь более ста лет назад он посадил сад, сохранившийся доселе; здесь на месте дома Владимира Федосеевича, по его завещанию, построена школа, для чего использованы бревна из прежнего жилища. Сюда приезжают гости, почтители декабриста, здесь звучат Раевские чтения.

Могильный холм не сровняется с землей, «крест без надписи» не падет. На сельском кладбище — две плиты: Владимир Федосеевич (1795—1872), Евдокия Моисеевна (1811—1875).

Счастливым майор 32-го егерского — он не позволял себя забыть; мы же задаем и задаем ему разные вопросы — и порою из дальних лет приходят любопытнейшие ответы...

Эти интервью и браз в аэропорту, в гостинице, за сценой в черных между кошертами, на улицах города — везде, куда «забрасывали» меня итальянские артисты Пуло и Марина Фиордализо. Есть исполнители, старательно творящие вокруг себя легенду; есть и такие, кто окружает себя таинственным флером, третьи возносятся столь высоко, что малейшее критическое замечание воспринимают как укол шпаги. Марина и Пуло — люди, открытые миру, необыкновенно простые, прямые, доброжелательные и искренние.

Итак, давайте поближе познакомимся с нашими итальянскими гостями и вместе попытаемся понять, что же они за люди, поскольку это, поверьте, не менее интересно, чем прослушивание их музыки.

«ПРЕКРАСНЫЙ МИГ Я ПЕРЕЖИЛ»

Вот что сказал о Пуло его импроварио, синьор Пьерфранко Анджелини: «Десять лет назад Пуло наделал много шума. Но это был другой Пуло, Пуло-малыш. Сейчас он повзрослел и меняется просто на глазах. Мы называем его «наш маленький гений» за страстную приверженность стилю традиционных итальянских канцон. Таких исполнителей, как Пуло, у нас немного, он входит в элиту нашей эстрады и является певцом «категории А», как у нас говорят, то есть высшего класса».

— Пуло, а если бы вы не умели петь, стали бы актером?

— Да, и надеюсь, что когда-нибудь мне представится возможность попробовать свои силы в хорошем фильме. В кино я еще не снимался, а вот с телевидением сотрудничаю постоянно. Увы, мой экранный образ резко отличается от моего реального внешнего вида, и сниматься в ТВ-программах мне нравится все меньше и меньше. Точнее, нравилось бы, если бы не было столь жестких временных рамок: 3 минуты — и «Кто следующий»?

— Вы копировали кого-нибудь?

— Многих. В основном итальянцев: Клаудио Бальони, Лучо Баттисти, ну и «Битлз», конечно. На этой музыке я вырос. Я сын музыкальной эпохи 60-х годов.

— А в раннем детстве у вас был кумир?

— В детстве я сходил с ума от Джанни Моранди. Тогда я еще не думал, что стану певцом, но в мечтах я уже был им. Я полагал, что это страшно привлекательно и соблазнительно — иметь успех у публики. На самом деле реальная жизнь оказалась гораздо менее фантастичной, чем та, что я рисовал в своих снах. Увлечение Моранди было скоротечным. Я до сих пор считаю, что иметь идола в искусстве вредно. И вообще я отношусь к категории тех людей, которые не умеют преклоняться даже перед очень достойными людьми...

— Считаете ли вы, что в карьере певца наступает момент, когда ему больше не нужно слушать музыку других исполнителей?

— Нет, для меня это невозможно. Наоборот, артист всегда зависит от своих коллег. Но рано или поздно наступает другой момент — когда ты чувствуешь себя свободным от мнения других. Не как артист, а как человек. И этот прекрасный миг я уже пережил.

— Скажите, Пуло, а вы когда-нибудь заглядывали лет на 20—30 вперед? Не кажется ли вам, что ваш сценический образ будет выглядеть несколько смешным?

— Если вы имеете в виду Пуло в значении «дитя», «малыш», то вы правы. Когда у тебя выпадают волосы и ты потеряешь зубы, попытайтесь сохранить детское выражение лица — занятие глуповатое. Я, быть может, поменяю пев-

дним или буду выступать под своим настоящим именем, Энцо Гинацци. Возможно, это не понравится любителям моей музыки, не знаю. Всю жизнь быть певцом я не собираюсь. Когда я пойму, что мне пора уходить, я уйду. Хотя самому судить о себе сложно. К счастью, у меня есть трезвые друзья и коллеги, которым я доверяю, и если они в один ужасный день скажут мне: «Пуло, ты смешон!» — в тот же час я уйду из эстрады.

— Как вы начинали?

— Когда мне было 14 лет, я разбился на мотоцикле и полгода провел в больнице, причем не мог даже разговаривать. Поневолле должен был чем-то заниматься и научился играть на гитаре. А однажды я увидел следующее объявление в газете: «Если вы не собака и у вас есть что сказать или спеть, приходите...» Так я попал на студию. За 11 лет работы записал 10 долгоиграющих пластинок. Некоторые из них были «золотыми».

— На какие вопросы вы не любите отвечать?

— На те, которые нравятся читателям. Мне кажется, что на все вопросы такого рода я уже ответил.

— Тогда какова нынешняя ситуация в итальянской эстраде?

— Неблестящая. Наши лучшие исполнители — «Рикки э Повери», Тото Кутуньо, Умберто Тоцци, Риккардо Фольи и другие — не пользуются сейчас таким успехом, как раньше. Нам приходится конкурировать с англо-американской продукцией, наводнившей наш внутренний рынок и дискотеки. Как ни странно, наши песни более популярны за рубежом, нежели в Италии. Но это не может длиться вечно.

— В чем, по-вашему, разница между рок-музыкой и итальянской эстрадой?

— Я люблю любую музыку, особенно хорошую. Я отзывчивый слушатель, и нельзя сказать, что мне нравится только собственная музыка. В юности я играл в группах, играл вещи популярного в то время ансамбля «Дип Пёрпл», так что с рок-музыкой я знаком неплохо. Разница между роком и эстрадной музыкой большая. Итальянскую эстраду не волнует момент возбуждения, «завода» публики, без которого немислима рок-музыка англо-американского образца. Наши песни гораздо проще, их можно петь под акустическую гитару и в компании друзей, в кругу семьи. К тому же итальянские слова не приспособлены для рок-музыки, они не «свингуют», не ложатся на «рваную» музыку. Вообще рок-музыка — это музыка молодых, а молодежь бескомпромиссна и требовательна. Если говорить об итальянском роке, то если он и существует, то лишь в интерпретации Джанни Наннини. Мне не всегда по душе ее музыка, но сама Джанна правдива и достоверна всегда.

— Что для вас первично: текст или музыка?

— Стихи. Я часто беру в руки гитару и задумываюсь над тем, что вижу и что со-

Александр МАРКЕВИЧ

КЛУБ
«Музыка
С ТОБОЙ»

ВО ВСЕМ = ИТАЛЬЯНЦЫ

мною происходит. Если у меня хорошее настроение, рождается что-то типа «Она как шоколадное мороженое», а если грустное — пишется нечто серьезное, медитативное. Послушайте, я прочту вам один свой стих, для меня важный, ибо он о равнодушии, а эта проблема меня беспокоит и угнетает...

*Я всю тебя хочу понять:
Все перепады настроений,
Мелькающих в мгновенной смене
Дней, что бегут поспешно вспять.
Твой дикий нрав принять могу:
Я сам из этого же теста,
Мы все такие повсеместно
И даже любви на бегу.
А если... если ты меня
Разлюбишь, я пойму и это:
Уставлюсь в свежую газету,
От боли прессой заслонюсь.
Но не приму я никогда
Твое бездушие, ибо все же
В любви мы не были похожи
На изучающие шпалы,
Бесчувственные поезда.
Нас всех бездушие убивало...*

Вообще-то я пишу мало, лишь когда испытываю подъем — от встречи с человеком или от необыкновенной ситуации. Самое замечательное мгновение для меня — миг рождения песни, его я предпочитаю всему: концерту, работе в студии...

— А успех как-нибудь повлиял на вас?

— Головы он мне не вскружил. Я продолжаю общаться с теми же друзьями, жить в том же городе, в том же доме, с той же женой. Я совершенно обычный парень. Иногда я себе симпатичен, иногда невыносим...

— Я представляю молодежный журнал, поэтому хочу спросить: какие проблемы заботят молодых итальянцев?

— Хотя мне уже 30, я все еще причисляю себя к молодым людям, и проблемы молодежи касаются и меня. Молодежь хочет достичь всего сразу, немедленно. А нахралом ничего достичь нельзя. Отсюда драма. И общее разочарование в жизни. И ошибки. И пороки, среди которых главный — наркомания. Я думаю, что наша молодежь недовольна тем местом, которое занимает в обществе. И вина за это лежит не только на нас, но и на старших поколениях.

— А что значит для вас деньги?

— Деньги — штука обременительная и в больших количествах особенно опасная.

— Трудно быть звездой?

— Не знаю, потому что я не звезда. Я человек.

— Что вам не нравится в людях?

— Все то, что никому не нравится: лицемерие, лживость, жадность. Не нравятся люди, готовые идти по трупам ради достижения своей цели. И не нравятся люди, гонящиеся за призрачной мечтой. К несчастью, сам я слишком самоуверен.

— Что бы вы пожелали зрителям в новом году?

— Я хочу, чтобы между нашими странами крепла дружба, а призрак войны, которого я ужасно боюсь, растаял как дурной сон, — это главное мое пожелание.

«ПОЮ, ЗНАЧИТ ЖИВУ»

Давайте еще раз прислушаемся к авторитетному мнению синьора Анджелини: «Марина Фиордализо — довольно молодая певица, стаж ее профессиональной деятельности равен всего лишь четырем годам, однако за это время она уже успела четырежды выступить в Сан-Ремо, полюбились публике и произвела впечатление на музыкальных критиков. На мой взгляд, Марина — одна из лучших, если не лучшая певица из волны новых исполнителей 80-х годов».

...Позади более сорока концертов в нашей стране. Не заезжая в Италию, прямо из Москвы Марина отправится на гастроли в Мексику. Когда позвонила домой, в Милан, ее 13-летний сынишка печально сказал в трубку: «Мама, а ты меня узнаешь?»

— Марина, многие наши любители музыки полагают, что вы «чистая» исполнительница. А ведь вы сочиняете музыку, не так ли?

— Да, вместе с моим продюсером и композитором Энцо Малепассо.

— Неужели это тот Малепассо, который как исполнитель занял второе место в Сан-Ремо-80 вслед за Тото Кутуньо?

— Да, тот самый. Но Энцо больше не поет.

— Что-нибудь случилось с головой?

— У него никогда его не было, — врывается в беседу зашедший в комнату Пуло. — То, что он бросил петь, — самый его весомый вклад в итальянскую эстраду... Кстати, на том фестивале я был всего лишь третьим...

Проговорив все это, шутник Пуло исчез так же быстро, как и появился.

— Марина, а что вам помешало победить в Сан-Ремо?

— Об этом лучше спросить организаторов фестиваля... Знаете, я не люблю быть первой. По-видимому, я не лидер по натуре. Когда я тихо-мирно выступала с песней «Моя подруга луна», я догадывалась, что это шлягер, но что первого места мне не видать все равно. Так оно и случилось.

«Надеюсь, что советские телезрители увидят меня на будущем фестивале в Сан-Ремо, где я собираюсь принять участие, но только в том случае, если организаторы пойдут на уступки и пригласят большой оркестр: надоело открывать рот под фонограмму. Сан-Ремо превратилось в конкурс фонограмм различных студий грамзаписи, а не в состязание певцов. Я хочу выступать «живьем»...»

— Вам доводилось выступать перед враждебно настроенной публикой?

ЗОЛОТАЯ ВОЮПТА ВЯДЯ

Сергей
ПЛЕХАНОВ

ПОВЕСТЬ

Пауль, расположенный на берегу порожи-
стой реки, был невелик. По травянистой
террасе без всякого порядка разбрелись
с десяток полуземлянок и чумов, а в
стороне, вдоль опушки бора выстро-
ились амбары на «курых ножках» — вы-
соко опиленных пнях. Посреди поселка
возвышался огромный кедр с истрескав-
шимся от старости стволом; ветви его, увешанные
шкурами и цветными лоскутками, лениво трепетали
на слабом ветру, среди раскачивающихся хвойных
лап по временам открывались черепа оленей с
раскидистыми рогами. На большом кострище, черне-
вшем близости от кедра, были уложены свеженако-
лотые дрова.

Несколько вогулов беспрерывно сновали между
юртами и землянками: один устраивал треногу из
бревен, к которой затем подвесил большой медный
котел, другой подносил из тайги широкие свитки
бересты, третий соорудил из тесин невысокий помост
подле кедра. Коренастый чернявый мужик в красной
рубашке бросался подсоблять всем по очереди. И
только двое вели себя степенно — тот, кто стоял у
двери обширной полуземлянки с берестяной крышей,
украшенной оленьими рогами, и тот, что расхаживал
вдоль опушки тайги, окружавшей пауль. Оба они были
до зубов вооружены — на поясе колчан и нож, за
плечом лук, в руке короткое копье. Изредка из
покрытого оленьими шкурами чума появлялся шаман.
Отдавал короткие указания и вновь скрывался за
меховой полостью.

Иван и Алпа, наблюдавшие за поселком из зарос-
лей малины на склоне холма, переговаривались
вполголоса, то и дело опасливо озирались по сторо-
нам.

— Праздник, говоришь? — задумчиво сказал
Иван. — А чего им праздновать — что нас зажарили?
— Похоже, медвежья пляска будет. Вон порылить-
хор как убрали — и дров наготовили, и котел принес-
ли...

— Порыли... чего?
— Священное место значит, — с некоторой обидой
пояснил Алпа. — Здесь собираются...

Вогул не договорил. Тело его напряглось, словно
перед прыжком, в глазах появилось какое-то стран-
ное выражение — боль и радость вместе. Проследив
за взглядом Алпы, Иван увидел, как из небольшой
избушки на краю пауля вышла невысокая девушка в
широком ярко-синем платье, расшитом красными
узорами. Волосы ее были заплетены в две толстые
косы, унизанные бляхами, кольцами, убранные раз-
ноцветными лентами.

Когда девушка в очередной раз направилась к
амбару, ближе всех стоявшему к месту, где прятались
побратимы, Алпа неожиданно издал трескучий горло-
вой звук. Помолчал несколько секунд и снова застре-
котал.

Девушка замерла на лестнице, прислоненной к
амбару, потом какими-то неловкими, суетливыми
движениями стала доставать припасы. Со всех ног
бросилась к камельку, сложила возле него добро,
взятое из амбара. Потом ненадолго скрылась в
маленькой избушке на краю пауля. Выйдя оттуда в
шали и с туеском в руке, она что-то сказала воору-
женному вогулу, мерившему шагами опушку, и скры-
лась в лесу.

Когда среди стволов бора, подходившего к малин-
нику, замелькало синее платье, Алпа опять негромко
прокричал кедровой. Сказал, не глядя на Ивана:

— Подожди. Я быстро.
И, пригнувшись, нырнул под полог ветвей, пестре-
вших крупными ягодами.

Они появились совершенно бесшумно. Иван даже
вздрагнул, когда перед ним возникло девичье лицо,
обрамленное цветастой шалью. Алпа, шедший сле-
дом, с затаенной гордостью сказал:

— Вот, это Пилай...

— А меня Ивашкой зовут. — Молодой человек во
все глаза смотрел на возлюбленную побратима, а та,
напротив, отводила взгляд. — Да ты не робей...

— Она и не боится, — ответил за нее Алпа. — Про-
сто нрав такой.

Как бы подтверждая его слова, Пилай быстро
заговорила, избегая, однако, смотреть на Ивана:

— Нельзя вам здесь... Если ветер изменится, на
пауль понесет — сразу собаки учуют...

Иван беспомощно развел руками.

— Нам деваться некуда. Мы ведь не за здорово
живешь пришли...

— Да я уж сказывал ей, — вмешался Алпа. — А она
свое...

— Завтра много гостей будет: шаманы с Пельма, с
Сосьвы... По тайге ходить станут, набредут...

— А что за сборище такое?

— Медведя убили. Большое камлание будет...

Иван и Алпа надолго задумались. Пилай решила
прервать молчание:

— Надо вам, однако, в мань-кол схорониться...

— Замолчи! — чуть не закричал Алпа.

На лице его был написан неподдельный ужас.

Иван недоуменно воззрился на товарища, потом
спросил:

— Чего благуешь?

— Грех... грех... Нуми-Торум накажет... — побелев-
шими губами шептал Алпа.

— Вон видишь, на краю пауля самая малень-
кая избушка, — сказала Пилай, впервые прямо
взглянув на Ивана. — Это и есть мань-кол — ба-
бий дом...

— Нельзя мужикам в мань-кол! — прервал ее Ал-
па. — Даже шаман туда войти не смеет. Грех великий.
Убьет Нуми-Торум.

— А это еще кто? — с подчеркнутым спокойствием
узнал Иван.

— О-очень большой бог, — почтительно заклатил
глаза, отвечал вогул. — Са-амый большой...

— А как же тот... за народом смотрящий мужик?

— И тот большой, и этот большой. Нуми-Торум,
однако, главнее...

— Морока с вами. У нас просто: один всех
выше...

Иван сидел на чурбачке возле чувала, смотрел, как
огонь лижет закопченные бока котелка. И, не оборо-
чиваясь к побратиму, ничком лежавшему на нарах,
вполголоса говорил:

— Да уймись ты, ничего тебе не будет... Хоть то в
соображение возьми, что двум смертям не бывает, а
одной не миновать. Ну, остались бы мы в кустах
сидеть — только и выждали б, что кто-нибудь на нас
наскочил...

Поднялась шкура, закрывавшая вход, и в избушку,
согнувшись под низким косяком, вошла Пилай.

— Выспались? — В глазах ее притаилась тревога.

— Я-то слава богу. А он, — Иван кивнул в сторону
побратима, — он жалуется: всю ночь продрожал-де.
Вот, сижу увещеваю...

— Я и сама-то... — призналась Пилай. — Днем-то не
так страшно.

После короткой паузы сказала — уже другим, пове-
селеем голосом:

— А гости уже подходят — пельмских шестеро на
той стороне речки показалось. Сейчас поедут за
нами.

— У вас что, лодка есть? — заинтересовался Иван.

— Не одна еще.

— А говорили, что к вам по воде не подняться.
— Наши вниз и не плавают — здесь, поблизости. Да
на озера ходят — лодки-то берестяные, на плече
унести можно...

Весь день Иван и Алпа сменяли друг друга возле
крохотного окошка, прорубленного над входом, и
следили за тем, что делается в пауле.

— На миг не отходит, — наконец сокрушенно произ-
нес Иван. — Поди подберись тут к статуе... От кого он
только бережет-то его. К вам ведь только свои
добираются.

Алпа с усмешкой посмотрел на вооруженного вогу-
ла, сидевшего у входа в «рогатую» полуземлянку, и
сказал:

— От своих и берегут. Сколько драк между шама-
нами из-за Золотой Бабы было. Украсть несколько
раз пытались: кто ею владеет, тому вся тайга дары
несет... Вот Воюпта и бережет ее плече глаза.

На травянистой поляне появились люди — их было
несколько десятков. Одни в шаманских одеяниях,
обшитых лентами, галунами и бляхами, с татуировкой
на лице, другие — в обычных охотничьих доспехах из
звериных шкур. Все они двигались к берегу реки,
размахивая руками и каркая на разные лады.

Вот на узкой полоске воды, видной из окошка,
появилась берестянка с тремя гребцами. Едва лодка
ткнулась в берег, как к ней кинулись все многочислен-
ные обитатели пауля. Поднялся целый фонтан
брызг — люди что есть силы колотили по воде,
обдавая друг друга, весело кричали по-вороньи.
Потом несколько десятков рук подхватили тушу
медведя, бурой массой возвышавшуюся на дне бере-
стянки, и потащили добычу к священному кедру,
украшенному шкурами и цветными лоскутами.

Побратимы увидели, как старый шаман что-то
бранчливо сказал Пилай, как она, вспыхнув, броси-
лась к мань-колу.

Войдя, она с обидой в голосе произнесла:

— Прогнал — грех, мол, тебе на медвежьем праз-
днике вертеться...

— Что ж у них тут такое важное будет? — с
усмешкой спросил Иван.

— У зверя убитого прощенья просить будут. Обма-
нывать его станут — тебя не мы убили, тебя олени,
или менквы, или птицы заклевали... — очень серьезно
ответила Пилай.

Иван недоверчиво слушал.

— Правду говорит, — подтвердил Алпа. — Личины
понадевают. Сам-то Воюпта, видно, журавлем оде-
нется — так уж положено...

— Никак, в перья обленится? — с той же невольной
усмешкой предположил Иван.

— Почто в перья? Малицу мехом наверх на-
денет... — объяснила Пилай без тени улыбки.

— Такую самую? — Иван указал рукой на истертую
малицу, валявшуюся на нарах.

Девушка кивнула. И сразу добавила, явно желая
произвести большее впечатление на насмешника:

— А еще голову да шею журавлиную из деревяшки
приладит...

Караульный, приставленный к «рогатой» землянке
с берестяной крышей, с завистью глядел в сторону
кедра, где все уже было готово к празднеству. Перед
головой медведя, уложенной поверх свернутой его
шкуры на помосте, пылал большой костер, выхватыва-
вая из тьмы нижние ветви священного дерева и часть
поляны. От котла, черневшего среди пламени, стлался
пар. Шаманы, собравшиеся на праздник, сидели на
земле полукольцом, почтительно глядя на морду
убитого зверя. Позади них расположились сопровож-
давшие их служки в охотничьей одежде.

Страж Золотой Бабы ощутил болезненный тычок в
спину. Суетливо повернулся. Перед ним стоял Воюпта,
только что вышедший из землянки.

— Зеваешь? — прошипел шаман, и, отстранив кара-
ульщика, направился к костру, позванивая монисто.

Увидев его, сидевшие у костра замерли, сложив
руки на коленях. А Воюпта, глядя поверх голов,
прошептал к помосту, взял лежавший рядом со
шкурой бубен и стал нагревать его над огнем. Потом
отошел от костра и на минуту замер, словно давая
гостям возможность насладиться созерцанием его
костюма. Тут и впрямь было на что посмотреть. На
голове у колдуна торпорчилась шапка из меха рососа-
ми, обшитая бубенцами. Балахон из оленьей кожи
украшали десятки, а может быть, и сотни блях, монет,
лент, деревянных фигурок; приляпаны медвежьих и
волчьих зубов опутывали шею.

Сухо и величаво поклонившись зрителям, Воюпта
поднял над головой бубен, обтянутый кожей, и
задергал им со всевозрастающей скоростью. Коло-
кольцы на обруче бубна залились тонко и тревожно.
Резким движением шаман выхватил из-за пазухи
лапку гагары и что есть мочи стал бить в бубен. И
вдруг присел, закрыв лицо руками. Но через несколь-

ко мгновений ладонь его снова колотила по инструменту, вызывая глухие, угрожающие звуки.

А потом кудесник начал крутиться на одной ноге, визжа и причитая, заклиная и будто бы жалуюсь кому-то. Словно вихрь, носился он по поляне, то подпрыгивал, вздымая полы своего балахона, то начинал кататься по траве, как в припадке. Кончилось длинное представление тем, что он выхватил нож и начал с размаху ударять им себя в область сердца — сверкнет лезвие в руке возле груди, а другая рука уж ловит его за спиной.

Когда камлание закончилось, Воюпта дал знак одному из постоянных обитателей пауля, сидевшему во втором ряду зрителей. Тот резво поднялся и кинулся в одну из юрт. Спустя полминуты появился оттуда вместе с Жилием.

Пленник остановился возле костра, опасливо озираясь по сторонам. И замер, услышав голос шамана, звучавший с грозно-пророческими интонациями:

— Руц! Ты помогал. Тебе верю. Хочу совсем вера иметь. Клятва даешь?

— Да нешто я... — с подчеркнuto преданным видом начал Жилия.

— Я говорю! — Воюпта зыркнул на него глазами, в которых отражались языки пламени. — Клятва даешь?

— Даю, даю, — поспешно согласился цыган.

Последовал новый знак шамана одному из его слуг, и на траву перед Жилием упали две половинки собачьего трупца.

— Пройди между разрубленного собак!

Цыган, боязливо семеня ногами, прошел, как ему было указано.

— Садись! Праздник смотри! Верю тебе!

И шаман отошел в сторону.

Когда гости немного подкрепились оленьим мясом, Воюпта поднялся и сказал:

— Пляска, однако, начинать надо.

И пошел к «рогатой» полуземлянке. Шаманы и их служки последовали примеру хозяина и разбрелись по чумам и землянкам.

Через некоторое время стали появляться вновь. Но теперь было невозможно узнать, кто есть кто: каждый был одет в какой-нибудь необычный костюм и с маской на лице. Одни в вывороченных мехом наверх малицах и берестяных колпаках, с длинными деревянными носами, другие в лохматых париках из размоленного луба, скрывающих все лицо, третьи в звериных шкурах, с рогами на голове, четвертые в женских одеяниях и шальях. У многих в руках были различные инструменты — у кого сангультап, похожий на гусли, у кого суп-думран — свирель, у кого — кат-думран — нечто вроде скрипки. У других — палицы, копыя.

Наконец из полуземлянки появился «журавль» — из прорези вывернутой мехом наружу малицы торчал березовый шест с птичьей головой, заканчивавшейся длинным клювом.

Один Жилия остался в чем был — в красной рубахе и помятом грешневике. Какой-то сердобольный «менка» в берестяном колпаке сунул ему грубую личину из такой же бересты. Цыган со вздохом надел ее, нахлобучил шляпу. К нему подскочило какое-то существо с огромным горбом и петушиным гребнем, поднесло чашку с мутной жидкостью. Жилия отрицательно покачал головой. Тогда существо отхлебнуло из чашки и причмокнуло:

— Пить нада! Хорошо будет. Башка веселый будет.

Жилия с сомнением взял в руки деревянный сосуд, хлебнул. Сморгнул. Запустил пальцы в чашку. Поднес к огню бесформенный ослизлый кусок.

— Гриб! — подбадривало существо. — Хорошо!

— Так то ж мухомор! — крикнул Жилия и плюнул в траву.

— Все пьют! Все башка веселый!

Цыган оглянулся. Возле костра действительно толпились «менквы», «олени», «глухари», «утки» и иные ни на что не похожие твари и, приплясывая на месте, пили из таких же деревянных чаш.

Тогда Жилия залпом опрокинул в себя мухоморную жижу и с отчаянной бесшабашностью бросил оземь свою многострадальную шляпу...

Караульщик потерянно топтался у входа в капище, не сводя глаз с освещенной костром поляны, где вовсю шло веселье. Гудение струн, свирелей, крики людей и треск углей, скачущие фигуры в причудливых одеяниях, отбрасывающие гигантские тени, — это зловещее действо тревожило сердце одинокого стража, и он то и дело воинственно потряхивал копыем, словно сам собирался пуститься в пляс.

Среди сонма топчущихся и скачущих возле священного кедра уже невозможно было разобрать отдельные фигуры. Только красная рубаха Жилия мелькала то там, то здесь. Маска билась, из-под нее торчала спутанная борода. Цыган откалывал вприсядку, по

временам зычно выкрикивая: «Эх, жизнь копейка! Голова — наживное дело!» И снова пропадал в гуце беснующихся...

Когда с краю толпы отделились двое — «журавль» с отчетливо выделяющейся в свете костра деревянной «шеей» и невысокий «менка», караульщик почтительно отступил в сторону от входа и пропустил обоих участников пляски в капище. Присел на корточки, опершись на копые.

Веселье угасало. В костер давно уже не подбрасывали хворост, и он стал оседать, сгоревшие дрова и ветви рассыпались, угли тлели в траве.

Страж поднял голову — над краем леса едва заметно посветлело, поблели звезды. Крики и гудение струн слились в монотонный гул, постепенно сходящий на нет. Одна за другой от костра, пошатываясь, брели фигуры в масках, шкурах и колпаках, скрывались в чумах и землянках.

И вдруг караульщика словно подбросило. К нему направлялся «журавль», голова его свесилась набок, клюв уныло колебался, словно подбирая просыпанное зерно.

Страж вскинул копые, загородил вход. Из прорези малицы высунулась седая голова Воюпты. Он с усталой злостью бросил:

— Уйди!

Караульщик отскочил в сторону, с задумчиво-надуменным выражением уставился на шкуру, закрывавшую дверной проем. И тут же его снова точно в грудь толкнуло — из землянки послышался душераздирающий вопль.

Сбежавшиеся к капищу увидели, как старый шаман, позабыв про усталость, что есть силы колотит журавлиной шеей незадачливого стража, а тот, катаясь у его ног, норовит закрыть голову от ударов клюва.

Когда несколько гостей, одетых кто менковом, кто оленем, кто женщиной, проникли вслед за Воюптой в землянку, они увидели, что у противоположной стены ее навалены связки мехов, мерцают расставленные полукругом лампы.

Старый шаман, не в силах произнести ни слова, только стонал, и, иступленно раскачиваясь, показывал на квадратную дыру, вырезанную в углу берестяной крыши.

В высокой траве, росшей вдоль опушки, темнели три бесформенные груды. Но едва по краю леса размеренно прошагала фигура с копыем, две из куч зашевелились, приподнялись над поляной.

Клубок меха прошептал:

— Вроде пронесло. Наляжем, Алпа, недалеко уж. И распрямился во весь рост. В руке у него была журавлиная «шея» с клювом.

Алпа тоже встал и, сдернув с головы колпак менка, сказал:

— Чего мы с собой все это тащим?

— Да впопыхах-то... — С этими словами Иван отшвырнул «шею» и взялся за край свернутой шкуры, лежавшей рядом с беглецами на траве.

Вопул тоже отбросил колпак и взялся за другой конец шкуры.

На берегу реки стояло несколько берестянок. Когда Иван и Алпа подтащили к ним шкуру, за которой оставался на песке глубокий след, над крайней лодкой поднялось лицо Пилая.

Легко выскочив из своего укрытия, девушка столкнула берестянку на воду и бросилась помогать побратимам.

— Ты лучше лодку держи, — сказал Иван.

И откинул край шкуры.

В предрассветной мгле сокровенно блеснуло тело идолоа: это была небольшая — в половину человеческого роста — фигура обнаженной женщины с поднятыми руками.

С огромным напряжением подняв Золотую Бабу, Иван и Алпа кое-как дотащили ее до берестянки.

Ряженые, размахивая факелами, как-то развинченно мотаясь во все стороны, мчались вдоль темной полосы, тянувшейся по серой от росы траве.

Жилия выбежал на берег одним из первых. Крикнул:

— А здесь-то борозду какую пропахали!

Подоспевший Воюпта несколько мгновений не мог заговорить, с трудом переводя дыхание. Все с почтительным страхом смотрели ему в лицо, ожидая приказаний.

— Беда! — наконец прохрипел шаман. — Сушь стояла. Вода совсем мало! Как бы закол не обсох, как бы не убежали...

И, быстро оглядев столпившихся вокруг него «менков», «олений», «уток», стал распоряжаться. Одним из своих слуг велел:

— Десять людей возьми. Бегите Витконайкерас. Качающийся Камень столкните.

Другому показал на лодку:

— Пять людей плывите! Может, перед заколом догоните...

Остальным крикнул:

— Лодки берите! Перешеек побегим! Руц! Со мной будешь.

Жилия, с очумелым видом слушавший Воюпту, покорно кивнул и бросился помогать тем, кто взваливал берестянки на плечи.

Лодку несло в «трубе» — река, сжатая отвесными скалами, пенилась и с шумом билась о гранит. Иван и Алпа работали веслами, а Пилая, сидя на носу, вглядывалась в курящуюся туманом поверхность воды по курсу лодки.

Вскоре Пилая вскрикнула:

— Загорожено! Река загорожена!

Иван даже привстал, чтобы лучше видеть, что делается впереди. Действительно, от одного скалистого берега к другому протянулся высокий забор из бревен.

— Ого! Сажени три будет... — растерянно проговорил Иван. — Во-он, почему тебе, Алпа, старики-то толковали, что вверх по реке не даст пройти этот ваш... за народом надзирающий...

— Мирсуснехум, — испуганно подсказала Пилая.

— Во-во. Только, на мои глаза, не его это рук дело.

Закол стремительно приближался. Иван стал поворачивать лодку, чтобы ее навалило на преграду боком. Когда борт ткнулся в обросший илом частокол, он стал перебирать по нему руками, ведя берестянку вдоль бревенчатой стены.

Между тем почти совсем рассвело, и река была видна на всем своем протяжении до первого поворота. Отсюда казалось, что лавина воды катится с холма.

— Назад не выгрести, — обреченно сказал Алпа, проследив за взглядом товарища.

— Сам вижу, — пробормотал Иван. — Думать надо, как вниз пройти... В заколе дырки должны быть, иначе его водой несло бы... Помогайте!

И с новой силой стал перебирать руками по звеньям городьбы. Но теперь он старался вести лодку на некотором удалении от закола, внимательно вглядываясь в поток за бортом.

— Есть! — Иван кивнул вниз.

В прозрачной воде было хорошо видно, что несколько бревен обрывались недалеко от поверхности.

— Ну, что делать будем? — Иван переводил взгляд с Алпы на Пилая. — Статуя нам не перетащить через закол. Здесь бросать придется, а самим подныривать.

На лице вогула появилось протестующее выражение, он хотел что-то сказать, но побратим не дал ему заговорить.

— Делать-то нечего. Те, знать, нашу хитрость открыли уже... Тут не др жиру, быть бы живу. Черт с ним, с идолом!

— Не можем мы, — наконец прервал его Алпа. — Не умеют вогулы плавать.

— Ат задача! — Иван пристукнул кулаком по колену. — А ну, давай еще вдоль загородки проплывем, авось где щелка найдется...

Когда прошли середину реки, Пилая крикнула:

— Стой!

Иван и Алпа вытянули шеи в направлении, указанном девушкой. Перед самым носом берестянки слышался мерный плеск. Казалось, разбухшие торцы четырех бревен размеренно бьют о поверхность потока, поднимая мгновенные буруны.

Подогнав лодку к этому месту, Иван сунул ладонь между водой и концами лесин. С мрачной усмешкой сказал:

— Вершок будет... А у нас борт — во где.

Задумался на несколько мгновений, потом взглянул на потерянные лица вогулов, с тоской всматривавшихся в скалистую расщелину, из раствора которой скатывался свинцово отблескивавший вал воды.

— Чего глядеть-то! За весла беритесь.

Алпа и Пилая молча повиновались. Иван энергичными взмахами весла гнал лодку к берегу — противоположному тому, где они только что были.

Он правил к ржаво-бурой осыпи, громоздившейся над скалой. И когда берестянка достигла ее, прыгнул на камни. Кое-как удерживаясь на груде валунов, по временам отступая в воду, он принимался нагружать берестянку камнями.

— Разбрасывайте по дну! Притопим лодку, авось, проплывем...

Алпа и Пилая послушно принялись раскладывать груз. И борта стали постепенно уходить в воду.

Вдруг девушка выронила камень и испуганно охнула. Иван вскинулся и сразу увидел то, что ужаснуло Пилая. Из-за поворота вылетела лодка с несколькими гребцами. Лопастей весел мелькали с угрожающей быстротой.

Почти одновременно и преследователи увидели беглецов. Яростный гомон голосов заметался в гранитном ущелье «трубы». Над лодкой взметнулись несколько рук с копьями.

Алла закрыл лицо ладонями и ничком сунулся на дно лодки, словно надеясь таким образом укрыться от ревущего воинства. Пилай шарил глазами вокруг себя, будто ища убежища.

— А ну, шевелись! — с неожиданной злостью рявкнул Иван и швырнул в лодку сразу два камня. Плечи Аллы вздрогнули, как от удара. Он поднял на Ивана помутившиеся от страха глаза. Встретившись с его горящим взглядом, как-то разом встряхнувшись, принялся быстрее прежнего раскладывать груз по дну. Пилай тоже ожила, глядя на побратимов.

Преследователи были в полувверсте, когда Иван, присев на сыпи и прищурившись, прикинул осадку лодки. Жестко сказал:

— Будет!

Осторожно сел на корму, взял весло.

— А теперь ложитесь!

Пилай и Алла распластались на камнях, а Иван несколькими мощными взмахами отогнал берестянку от сыпи и направил ее к просвету в заколе. Борта едва не черпали воду, когда он перебрасывал весло с руки на руку и делал гребок. До преграды оставалась уже какая-то сажень, и он рухнул грудью на дно лодки. Послышались скрежет, треск, и Ивана обдало водой.

Он осторожно выпрямился. Перед ним плескалась широкая лента воды, круто уходящая за скалистый берег. Повернувшись назад, он увидел быстро удаляющийся закол. И тогда крикнул:

— Ушли!

И тотчас же каньон взорвался воплями преследователей, бившихся по ту сторону закола. Когда берестянка проскочила поворот, Пилай сказала:

— Вон та скала с голой вершиной и есть Витконай-керас.

Иван скользнул взглядом по изрезанному трещинами утесу. И вдруг озабоченно сощурился:

— Солнце в глаза бьет, не пойму... Ровно как шевелится кто-то.

Алла тоже поднял голову, всмотрелся. Лицо его посерело.

— Из пауля люди!

Теперь и Иван разглядел, что на вершине копошатся несколько фигур в налегках одеяниях. Облепив огромный валун, они раскачивались вместе с ним из стороны в сторону. Мгновенно поняв, что происходит, все трое налегги на весла.

Берестянка на большой скорости влетела на шумливый пережат под скалою. И одновременно с вершины сорвалась глыба. Со страшным грохотом прыгая по уступам утеса, она неслась, казалось, прямо на лодку. И все же беглецы, отчаянно колотя веслами по воде, опередили ее. Подняв огромный фонтан брызг, обрушенный преследователями камень пронесся в нескольких саженьях от кормы лодки.

Но едва Иван и его спутники успели отдышаться после бешеной гонки, как их ожидала новая неожиданность. Когда, пройдя крутую луку, они выплыли на длинный плес, вольно разбежавшийся между пологими лесистыми берегами, из сосняка, который они только что миновали, высыпало больше дюжины участников ночного действия. Спустив на воду три берестянки, «менквы», «утки», «волки» и прочие существа, предводительствуемые «журавлем», бросились в погоню. Воинственные крики опять зазвучали над водой.

Расстояние между преследователями и преследуемыми быстро сокращалось. Пока преодолевали плес, все три лодки, вмещавшие ряженых, шли рядом, но потом они растянулись одна за другой. В первой, где среди косматых шкур и берестяных панцирей мелькала красная рубаха Жилыя, сидел и Воюпта.

Когда подошли к порогу, расстояние между лодками сократилось настолько, что Воюпта уже не скрывал своей радости. Он то и дело привставал, воздевая к небу копы и издавая воинственные вопли.

Иван лихорадочно греб, все чаще оглядываясь назад. И вдруг внимание его привлёк ствол ели, прибитый течением к камню у входа в порог. Лесина как бы зависла, не решаясь ринуться на стремнину. Ощетинившись обломками ветвей, она подрагивала под напором струи.

Решение пришло мгновенно. Крикнув Алле «Держи нос!», молодой человек швырнул весло на дно лодки и схватил топор на длинной суковатой ручке. Когда берестянка уже входила в порог, он с размаху всадил лезвие в еловый ствол и с силой дернул его на себя. Лесина отцепилась от камня и вслед за лодкой полетела в ревущий поток, сжатый валунами. Но поскольку вошла она в порог наискось, ее мгновенно развернуло поперек течения. Иван выдернул топор и, кинув его под ноги, поднял весло. И в самое время:

суденышко уже несло среди круговерти огромных — в человеческий рост — валов.

Ель, развернувшись поперек главной струи, немедленно навалило на камни и как бы запечатало ею порог. Но лодки преследователей, подхваченные мощным течением, уже не могли уклониться от встречи с острыми сучьями, усеявшими ствол. Они почти одновременно налетели на неожиданную преграду. Податливая береста треснула, разорванная сразу во многих местах. В огромные пробоины хлынула вода. Гребцов заverteло в толчее волн.

Оглянувшись, беглецы увидели, как на мокрые холки камней, торчащие среди порога, карабкаются «менквы», «гуси», «волки». А безутешный «журавль», с которого ручьями лила вода, стоя на мелководье, куда его выбросила волна, иступленно машет кулаками вслед уносящейся за поворот берестянке.

Через час Иван и его спутники пристали к пологому берегу. Выйдя из лодки и потянувшись, Иван сказал:

— Сейчас у костерка обсушимся и дальше...

Нагнулся, чтобы взять топор. На мгновение замер, потом сдавленно позвал:

— Сюда! Сюда идите!

Когда встревоженные Алла и Пилай подбежали к нему, то увидели, что Иван держит топориче, пытаясь оторвать лезвие, словно прикипевшее к большому камню, лежащему посреди лодки. Вот лезвие с усилием отлепилось, вот снова с легким звоном прильнуло к ржаво-бурой шероховатой поверхности.

Достав из-за пояса нож, молодой человек стал прикладывать его поочередно ко всем камням, набросанным в лодке. И каждый раз слышался легкий щелчок — лезвие притягивала какая-то сила.

Иван распрямылся, утер рукавом испарину со лба. Сказал:

— Ладно, что в суматохе не все камни выбросили.

Пилай и Алла непонимающе смотрели на него.

Накопец девушку подавленно сказала:

— Заколдованные... Золотая Баба... Нет, Мирсунехум...

— Мы же говорили... — Охваченный суеврым страхом, Алла прижал руки к груди, отступил от лодки.

— Да не причитай ты, — недовольно перебил его Иван. — Это же магнит-камень. Знаешь, что это такое?

— Не-ет.

— Да это же... это почище всякой Золотой Бабы будет. Кто магнит-камень найдет, тому от казны знатная награда выйдет. И льгота во всем великая...

— А откуда ты про этот камень ведаешь? — недоверчиво спросил Алла.

— Да у нас в деревне любой тебе про то, как искать его, расскажет, по каким приметам на руду выходить — слышались, какое счастье рудознатцам приваливает, коли на медь али бо на железо наскочат. Уж старики-то ворчать стали: обнищали, мол, оборвались, а все мечтают жар-птицу ухватить, все по горам шатаются...

Взбывая пыль, лошадь летела по улице поселка. Поминутно приподнимаясь на стременах, Иван вглядывался в открытые окна заводской конторы — приземистого здания, выкрашенного желтой краской.

Когда он был уже совсем близко, в глаза ему бросилась тщедушная женская фигурка с коромыслом и ведрами. Придержав лошадь, Иван спрыгнул на землю:

— Маманя!

Женщина обернулась на его голос. Во взгляде полыхнула мгновенная радость. Поставив ведра, она бросилась на грудь сыну.

Поглаживая ее по исхудавшим плечам, Иван ласково говорил:

— Все, все, родная, скоро домой все поедем.

— Я знаю... — мать подняла на него глаза. По лицу ее прошла гримаса скорби.

— Ч-чего знаешь? — недоверчиво спросил Иван.

— Карла Иваныч уж распорядился, чтоб семью нашу от работ освободили. Днями обещался бумагу дать...

Молодой человек пораженно смотрел на мать, не в силах произнести ни слова. Наконец пробормотал:

— Значит... значит...

— Ради тебя она, ради тебя... — со слезами в голосе говорила мать, обняв Ивана.

— Кто она? — все еще недоумевал он.

Женщина еле слышно прошептала:

— Аннушка...

Управитель уже садился в свою бричку после осмотра доменного цеха, когда на усыпанную шлаком площадку влетел всадник. Подняв облако пыли, он остановился возле экипажа. Брови Фогеля полезли вверх.

— Ты?! — Он обеспокоенно оглянулся, словно боялся, что кто-то может подслушать.

Увидев Тихона с уставщиками, скривился и негромко сказал:

— Поедем отсюда.

И тронул лошадей. Иван пристроился рядом.

— Ну и?... Сам не зная почему, немец избегал прямого вопроса о Золотой Бабе. Что-то настораживало его в Иване — то ли выражение глаз, то ли какая-то неестественная, слишком прямая — как бы обожженная — посадка.

— Ну и добыл я статуи — уворовал с капища их поганского.

Фогель выронил из рук вожжи.

— Так где же она?

— Как уговорились — в лесу схоронил, в приметном месте.

— Тогда...

— Не знаю только, господин управитель, придется ли ехать за ней. — Иван загнулся. Потом сказал через силу, глядя мимо Фогеля: — У тебя, я слышал, с моей невестой другой уговор вышел. Ежели-де пойдет замуж...

— Молчать! — досадливо крикнул управитель и испуганно оглянулся.

— А чего мне? — как можно беспечнее отозвался Иван. — Я от людей не таю ничего.

Лицо немца как-то сразу посерело. Казалось, он стал меньше, вдавившись в кожаные подушки сиденья. И только напряженный блеск глаз свидетельствовал о том, что творится в его душе.

— Я будет думать... Я завтра скажет тебе...

Приотворив дверь, Тихон прошмыгнул в кабинет управителя. Тот даже головы не поднял. Остановившись взглядом он смотрел на свои полусжатые кулаки. Что-то бесформенное, старческое появилось в его сутулившейся спине, в опущенных плечах.

— Звали-с? — нарушил тишину приказчик.

Фогель поднял на него мутные глаза.

— Прийти велели-с? — оробело переспросил Тихон.

— Скажи, Тихон, — нетвердым голосом проговорил немец, — что на свете всего важнее?

— Так это ведь... как кому, — с почтительным смешком сказал приказчик. — Если, примерно, нашему брату, так начальство богопоставленное почитать...

На лице Фогеля появилось выражение досады. Он стукнул по столу своим вялым кулаком и поднялся: — Самое главное! Что самое главное?! Богатство? Власть? Любовь женская? Что?

— А-а, это-то?.. Тут, Карла Иваныч, по моему разумению, и рыдть нечего. Как говорят, крикнешь да денежкой брикнешь — все у тебя будет.

Управитель вышел из-за стола и, покачиваясь, тяжело прошествовал к Тихону. Заговорил, размахивая рукой перед носом приказчика:

— Эта поговорка обманывает — здоровье не купишь. Любовь не купишь. Уйди!

Когда за Тихоном закрылась дверь, Фогель постоял, потерянно озираясь. Нетвердыми шагами прошествовал к клавишам. Взял с крышки инструмента миниатюру, уставился на портрет налитыми кровью глазами.

И вдруг что есть силы хватил его о паркет.

— Здесь, — сказал Иван, указывая на кучу молодых березок с подвянувшей листвой. И, оглянувшись на управителя, стал отбрасывать деревья в сторону.

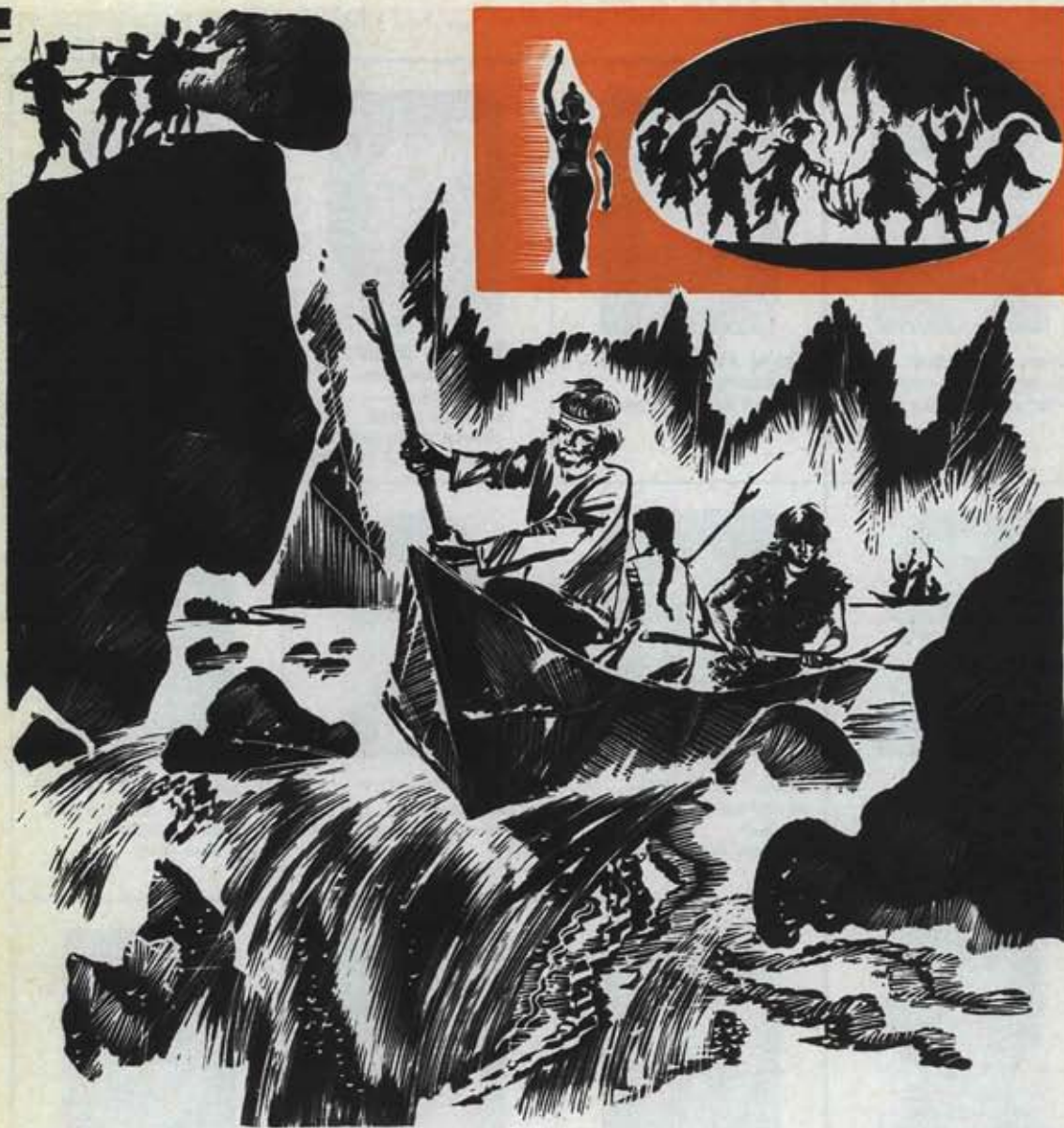
Фогель стоял, сложив руки на груди, и ждал. На нем был мундир горного офицера, ботфорты и треуголка. За поясом торчали два пистолета с простыми деревянными рукоятками. На мрачном лице его застыло недоверчивое выражение. Однако когда среди листвы малькнули очертания золотой статуи, он весь поддался вперед, на щеках выступили багровые пятна. Рука его метнулась к пистолету.

И тут же откуда-то сверху раздался короткий свист. Фогель вскинул голову. На толстой ветви кедра сидел, свесив ноги в ичигах, Алла. В руке он держал длинный шест с привязанным к нему ножом. Лезвие было направлено на немца.

Вогул укоризненно покачал головой. Не в силах вымолвить ни слова, управитель снял треуголку, трясущимися пальцами достал из-за подклада свернутый лист.

Иван взял бумагу, внимательно прочел, осмотрел подпись и печать. Сунул за пазуху и произнес, обращаясь то ли к Фогелю, то ли к Золотой Бабе: — Счастливо оставаться.

На берегу, усеянном стружками и обрубками бревен, шли приготовления к отплытию. Несколько солдат в синих мундирах увязывали узлы, один из них под руководством Фогеля, распорядившегося с берега, устанавливал вырубленные из цельного бревна рулевые весла. Потом сошел с барки и принялся помогать остальным.

Вдруг из кустов тальника, нависавших с яра над полосой гальки, скатилась фигура в красной рубашке.

— Карла Иваныч! Господин управитель, помилуй многогрешного!

Жилйя повалился у ног Фогеля, обняв его сапоги. Немец с оторопью глядел на кудлатую голову цыгана. В волосах застряли мелкие ветки, трава, какие-то перья. Под замызанной рубашкой обозначились острые лопатки, выпирал хребет.

— Ты... ты откуда?..

— От басурманов сбежал, Карла Иваныч. Сюда они идут, вас повоевать хотят.

Сведя брови у переносья, Фогель оглядел берег. — Ладно, потом с тобой разберусь. Неси вон тот узел в барку.

Когда Григорий оказался на борту судна, ему бросился в глаза продолговатый предмет, обмотанный грубой тканью, лежавший под мачтой. Цыган оглянулся на Фогеля и солдат: они были заняты увязкой последних тюков.

Улучив момент, Жилйя полоснул по мешковине ножом и раздвинул образовавшуюся прореху. На мгновение замер, потом резко сдвинул края ткани. Прошелся по барке, как-то лихорадочно потирая руки и локусывая губу.

Увидев солдат, несущих тюки и фузеи, он бросился к ним, принял сначала поклажу, затем оружие. А когда они вернулись назад, чтобы собрать оставшийся скарб, цыган быстрым движением перерезал веревку, которой барка была привязана к берегу. И сразу встал к рулевому веслу на корме.

Подхваченное сильным течением, судно быстро отходило от берега. Жилйя успел несколько раз взмахнуть тяжелым веслом, прежде чем оставшиеся на берегу заметили его бегство. В первое мгновение Фогель остолбенел, затем выхватил из-за пояса пистолет и бросился к воде. Солдаты, ничего не понимая, смотрели то на управителя, то на барку, то друг на друга. Только когда грянул выстрел, они сообразили, что происходит. Но не бросились вслед за немцем, который, изрыгая проклятия на родном и на русском языке, мчался по берегу.

— Не догнать,— флегматично промолвил один из солдат.

— Не уйдет далеко. На такой барке вчетвером надо выгребаться. Как бог свят, на пороге разобьют...— сказал другой.

А Фогель, совершенно обезумев от случившегося, мчался, не разбирая дороги.

Выстрел услышали и вогулы, бесшумно двигавшиеся по тайге под предводительством Воюпта. Шаман остановился. Постоял, ожидая, не донесется ли еще стрельба, призывно махнул рукой своим соплеменникам и быстро двинулся через березняк. Поднявшись на обрывистый берег, Воюпта увидел барку, несущуюся в лабиринте камней. С высоты порог казался кипящим варевом, из которого то и дело выныривали мокрые лбы валунов.

С кормы на нос поминутно перебежал человек в красной рубашке—поработав одним веслом, он спешил к другому. Но барка слушалась глухо, по временам начинала поворачиваться поперек потока. Однако рулевому какое-то время удавалось выравнивать ее ход. Когда же судно попало в главную струю порога, оно сразу потеряло управление, и его развернуло кормой вперед. Пролетев с полверсты и со скрежетом задев несколько камней, барка с силой ударила о гряду валунов у противоположного берега и зависла на ней. Вогулы бросились в ту сторону, прячась за кустарником.

Фогель увидел разбившуюся барку совсем близко—едва выбежал из-за поворота. До слуха его донеслись металлические удары. Приостановившись, он увидел, что Жилйя с размаху бьет обухом топора по чему-то у основания мачты. И в следующее мгновение в руке его блеснул продолговатый кусок желтого металла. Поняв, что беглец хочет завладеть хотя бы частью Золотой Бабы, немец со всех ног кинулся к барке.

Но когда он был уже рядом с судном, цыган даже не сделал попытки бежать. Как бы не замечая наведенного на него пистолета, он сидел на корточках, протягивая к Фогелю отбитую руку статуи, и хохотал.

Немец выстрелил почти не целясь. Жилйя ткнулся лицом в днище барки и выронил золотую руку. Когда Фогель схватил ее и поднес к лицу, он увидел, что в

месте откола совсем другой—красный—металл, как бы окруженный золотым ободком.

Он медленно распрямылся. В глазах его была пустота. И в этот миг в его грудь беззвучно вошла стрела с двойным оперением.

Фогель лежал на спине. Небо стремительно темнело. Солнце рассыпалось черным дождем. Коснеющий язык его вытаскивал изо рта только кровавые пузыри. Но в последнем усилии он все же прохрипел:

— Анете! Анете, она не есть золотая...

Вокруг широкого тесового стола в горнице сгрудились братья Ивана. А он сам, сидя на лавке рядом с отцом и матерью, высыпал из сумки ржаво-бурые камни. Анна, присевшая на край лавки у дальнего конца стола, с умиротворенной улыбкой смотрела на раздумывавшееся лицо жениха. Стоявшие подле нее Пилай и Алпа с любопытством осматривались.

Все вокруг было покрыто слоем пыли, из углов свешивались тяжкие пологи паутины.

— Эхма!—воскликнул старший брат, Василий, когда Иван прикоснулся лезвием ножа к кучке руды.—А я думал, брешешь...

Мать резко повернулась к Ивану, положила руку ему на плечо.

— Не ходи ты в горное правление, не носи камень! Только беда от него. Опять завод построят да мужика на работы погонят...

— Верно маманя-то говорит,—сказал другой брат, Степан.—Да неужто ты на руки свои не надеешься? Не гонялся бы, паря, за наградой.

— Погодь,—остановил его старик, неотрывно глядя на руду.—Помните того енарада, что с управителем наезжал... как же его... Татищев! Слова-то его не запомнили? Воля волей, а о благе казенном радей. Крут Татищев, но, по всему видать, не о себе—о казне, о воинстве нашем печется. Зазря над народом не измывается.

— Сами ж говорили, тятя...

— А для кого мы годами по горам-то шарили, все шурфами истыкали?!—разошелся старик.—Нешто из-за одной лихой деньги? Не-ет, Вася, для общества старались. А теперь вот вышел Ивану фарт, а он сокровище от людей запрячет? Да и то сказать: навечно не схоронишь...

В сенях раздался топот множества ног, послышались возбужденные голоса.

Дверь, взвизгнув, распахнулась. В горницу ввалились несколько человек. За ними теснились еще и еще. Впереди всех был коренастый, осанистый мужчина в синем кафтане, в ладном грешневике, с кнутовищем в руке. Чуть позади него два дюжих малых, набывчась, оглядывали запущенную избу. Из-за спины предводителя этой компании выглядывал сухонький мужичок с лицом недоросля, с перекошенными плечами.

— Явились—не запылились?!—загремел обладатель синего кафтана, бесцеремонно проходя к столу.—И ты, касатушка, прилетела?..

Он ядовито сощурился, глядя на Анну.

— Ты, Егорий, что, в хлев зашел?—подымаясь с места, тихо спросил Антипа. И вдруг с яростью крикнул:—А ну, шапки съмите, охальники!

Но незваные гости и не подумали подчиниться. А Егор, с той же ядовитостью усмехнувшись, сказал:

— Это с тебя, смутьяна, надо было шапку-то снять. Да только с головой вместе.

Его свита с готовностью загоготала.

— Эх вы,—горько произнесла мать Ивана.—Людей не стыдитесь, так хоть образам-то святым честь воздали бы...

— Глядите на нее!—дурашливо крикнул кто-то из толпы.—У самих в красном углу мизгирь в тенетах висит, а она других корит. Хотя бы лампаду-то затеплили, анафемы...

Мишка-«недоросль» все это время с какой-то отрешенной, умильно-умоляющей улыбкой не отрываясь смотрел на Анну. Иван, постепенно наливаясь кровью, сидел неподвижно. Только рука его, словно позабытая хозяином, продолжала играть ножом—то со щелчком приложит лезвие к магнит-камню, то, легко звякнув, отлепит.

Это позвякивание заставило отца Анны обратить лицо к груде камней на столе. Рот его еще змеился в ядовитой усмешке, он еще хотел бросить что-то дерзко-обидное, но в глазах его уже мелькнула растерянность. Егор замер, словно прикипев взглядом к груде руды.

А нож все прыгал в руке Ивана—то щелкнет, то звякнет о камень. И один за другим немели лица ворвавшихся в дом, все взгляды были прикованы к ржаво-бурой горке на широком тесовом столе.

Рука Егора как бы помимо его воли потянулась к шляпе, и он медленно стащил грешневик.

Один за другим обнажили головы все, кто толпился у входа.

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» за 1985 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

Олегу АКИНШИНУ
(Воркута)— за статью
«Честная работа» (№16)

Белле АХМАДУЛИНОЙ—
за подборку
«Стихи из ленинградской
тетради» (№21)

Беате БУШЕЛЕВОЙ
(Петропавловск-
Камчатский)—
за цикл статей
«Этика поведения»
(№№2, 3, 4, 7, 12, 19)

Сергею ВЕТРОВУ—
за фотоочерки «Эрмитаж
со служебного входа»
и «Невелик городок»
(№№1, 12)

Зденеку ВОЛЬНОМУ
(Чехословакия)—
за рассказ
«Ход котом» (№19)

Владимиру МОГИЛЕВУ—
за перевод рассказа
«Ход котом»
с чешского языка (№19)

Дмиасу ВАЛЕЕВУ
(Казань)— за очерк
«Добром живет
человек» (№8)

Юрию ГЛАЗКОВУ—
за научно-фантастический
рассказ
«Черное безмолвие» (№1)

Николаю ГРУЗДЕВУ
(г. Владимир)— за статью
«Посевешь характер...» (№1)

Екатерине ДЬЯКОНОВОЙ
(Советск)— за подборку
«Стихи о военном
детстве» (№5)

Натану ЗЛОТНИКОВУ—
за подборку стихов
«От станции Юность
до станции Зрелость»
(№16)

Егору ЗАЙЦЕВУ—
за разработку
эскизов костюмов
для детского дома
(№1)

Антону КУМАНЬКОВУ—
за иллюстрации
к литературным
произведениям
(№№18, 20, 22, 23)

Игору МАТВЕЕВУ
(Тьнда)—
за репортаж
«Нам беречь!» (№16)

Владиславу
ЛЕОНОВУ—
за рассказ
«Друг Серега» (№23)

Алексею НИКОЛАЕВУ—
за очерк
«Быль старого парка»
(№23)

Юозасу НЕКРОШИУС
(Вильнюс)—
за подборку стихов
«Суть этой истины
счастливей» (№1)

Юрию КОБРИНУ
(Вильнюс)—
за перевод стихов
с литовского языка (№1)

Александр САБОВУ—
за статью
«Декаданс против
морали» (№15)

Игору СУСЛОВУ—
за серию фестивальных
плакатов «Смены»
(№№4—8, 10—13)

Виктору
ПЕРЕВЕДЕНЦЕВУ—
за статью
«Размышления
у вершины» (№16)

Федору УГЛОВУ
(Ленинград)— за цикл
бесед «Правда и ложь
об алкоголе»
(№№10, 11, 12)

ПРЕМИЯ ИМЕНИ
МАТЕ ЗАЛКИ ПРИСУЖДЕНА

Любомиру ЛЕВЧЕВУ
(Болгария)—
за подборку стихов
«Мир, возвышенный
мечтой» (№20)

Олегу
ШЕСТИНСКОМУ—
за перевод стихов
с болгарского
языка (№20)

«Смена» на протяжении нескольких лет шефствует над развитием Нового Уренгоя—города газодобывчиков и строителей. Это шефство осуществляется в рамках договора о творческом сотрудничестве. Стало уже традицией присуждение ежегодных премий, учрежденных городом Новый Уренгой, за лучшие материалы «Смены», посвященные первопроходцам Севера.

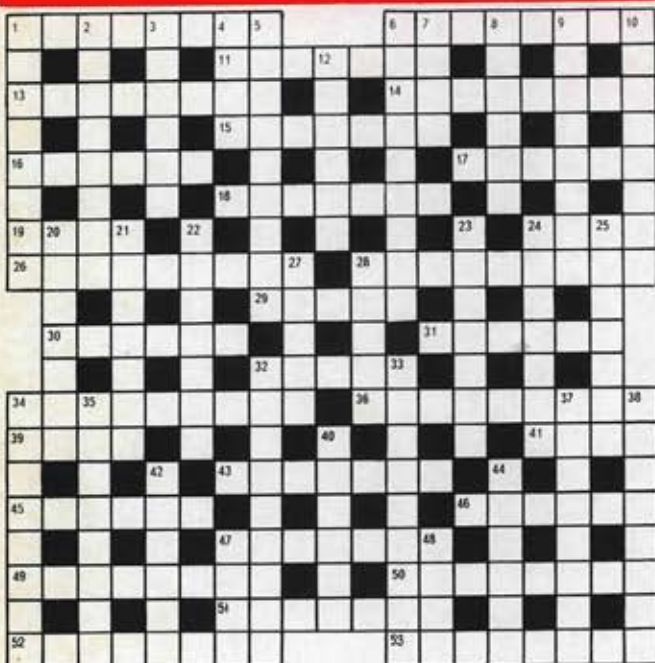
ПРЕМИЯ НОВОГО УРЕНГОЯ ЗА 1985 ГОД ПРИСУЖДЕНА

Виктору ПОТАНИНУ
(Курган)— за очерк
«Дети войны» (№9)

КРОССВОРД

Составил К. МОЙСЕЕВ, Красноярск

По горизонтали:

1. Мостовое сооружение.
6. П. А. Заломов — ... Павла Власова в романе М. Горького «Мать».
11. Озеро, на берегах которого происходит действие одного из романов Ф. Купера.
13. Инструмент, с помощью которого древние моряки определяли свое местонахождение.
14. Строительный материал, заменяющий древесину.
15. Отрасль медицины.
16. Подработка фотографии, негатива.
17. Вселенная.
18. Преобразование, переустройство.
19. Один из материалов для постройки индейской лодки-пирог.
24. Крупа из крахмала.
26. Известковый туф.
28. Английский изобретатель, построивший первую железную дорогу.
29. Роман О. Гончара.
30. Сладкоголосая лесная птица.
31. Один из древнейших музыкальных инструментов.
32. Цитрус, который можно вырастить дома.
34. Коллекционирование спичечных этикеток.
36. Кистеперая живородящая рыба.
39. Сорт яблок.
41. Фамилия братьев — пионеров авиации.
43. Воинское звание Моргана в романе Ж. Верна «С Земля на Луну».
45. Соль или эфир уксусной кислоты.
46. Повесть Э. Ожешко.
47. Хозяйственный на корабле.
49. Общежитие для учащихся.
50. Издатель журнала «Телескоп» и газеты «Молва», в которых сотрудничал В. Белинский.
51. Автоматический ткацкий станок, в котором впервые была применена смена шпуль.
52. Прибор, обязательный на паровом котле.
53. Мальва, из которой получают волокно для технических тканей.

По вертикали:

1. Вид лекарственных препаратов.
2. Особенности строения горной породы.
3. Одна из самых популярных советских песен.
4. Дежная единица Вьетнама.
5. Вторая ступень философской триады Гегеля.
6. Прибор для определения плотности веществ.
7. Утренняя «самоцветы» на траве.
8. Угряжение в тяжелой атлетике.
9. Старинное русское название барабана, литавры.
10. Тыква, которую можно мариновать.
12. Американский биохимик, писатель-фантаст.
20. Важная для деятельности печени кислота.
21. Вид транспорта.
22. Декабрист, участник Отечественной войны 1812 года.
23. Свойство, отличающее кактус и черный саксаул.
24. Боец, стреляющий без промаха.
25. Римский поэт, об образности которого Гете сказал: «Жуткая вещественность».
27. Черпаковый подъемник.
28. Пустельга, сапсан, чеглок (общее название).
32. Н. А. Добролюбов, М. Е. Кольцов, А. П. Чехов (призвание).
33. Рассказ М. Шолохова.
34. Страстная преданность своим убеждениям.
35. Раб в Древней Греции и Древнем Риме, отпущенный на свободу.
37. Препарат для уничтожения мышей и других вредных грызунов.
38. Клубнелуковичное лекарственное растение.
40. Высадка войск на территорию противника.
42. Сушек.
44. Средиземноморская родственница акулы.
47. Украшение из ленты.
48. Насыщенный соляной раствор.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 23

По горизонтали:

1. Армавир.
5. Одак.
7. Жест.
10. Царанка.
12. Устье.
13. Налив.
14. Примесь.
17. Характер.
20. Револьвер.
24. Вальс.
26. Магнет.
27. Тиродит.
28. Левое.
29. Кетсаль.
30. Ягненок.
31. Ведун.
34. Влагомер.
38. Читатель.
42. Ерофеев.
43. «Бочка».
44. Ерик.
45. Никанор.
46. Фонд.
47. Цирк.
48. «Реникса».

По вертикали:

1. Ацетат.
2. Мортира.
3. Вентерь.
4. Ржанье.
6. Детва.
8. Селен.
9. Щука.
11. ...швец.
15. Револювер.
16. ...состояние.
17. Хомяков.
18. Рогатка.
19. Кресало.
21. Веранда.
22. Издание.
23. Артикль.
25. Ллойд.
32. Еропкин.
33. Учебник.
35. Любовь.
36. Гуччо.
37. Мандр.
39. Тверца.
40. Тенор.
41. Люкс.

3-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
ВИКТОРА КРАМАРЕНКО

ПОЗДРАВЛЯЕМ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ

В третьей шашечной олимпиаде «Смены» приняли участие 1620 читателей и 34 команды.

Победителями в командном зачете стали: команды г. Нефтекамска (капитан Л. Солонин), деревни Памушис Литовской ССР (капитан А. Буткевичус), г. Луги (капитан Э. Жгулева), г. Гродно (капитан В. Чиж), г. Уссурийска (капитан С. Ковалев), г. Поварово Московской обл. (капитан П. Сергеев).

Команды-победительницы награждаются дипломами журнала «Смена» и книгами по шашкам.

Среди соревновавшихся в личном зачете 705 участников выполнили норму второго спортивного разряда, 740 — третьего. За три шашечные олимпиады 4024 участника стали разрядниками: 2016 — выполнили 2-й, а 2008—3-й спортивный разряд. Всех, кому необходимы справки о выполнении разрядных норм, просим прислать в редакцию открытки с пометкой «Шашечная олимпиада» с указанием фамилии, имени, отчества, профессии и домашнего адреса.

Победителями в личном зачете стали: А. Абашин, В. Абрамов, Н. Андрищенко, А. Анненков, С. Александров, А. Анисимович, В. Бирюзов, А. Беляков, М. Бодур, Г. Буторин, О. Бурдин, Л. Бривин, В. Белей, Г. Бобров, А. Безуглов, М. Бондарев, Ю. Волков, А. Выборный, В. Волков, М. Вдовкин, А. Власов, Л. Вожаков, Г. Голонцов, С. Губочкин, В. Грахов, Г. Гусейнов, В. Давыденко, Б. Денисов, П. Долгих, Ю. Дерманский, А. Дубосас, Г. Ельцин, А. Ерасов, С. Житмарев, В. Зиновьев, С. Зернов, Н. Ильин, В. Иванов, А. Калинин, И. Ковалев, В. Ключников, В. Комаров, П. Коньков, И. Косенков, А. Калынюк, Ю. Кузнецов, К. Куликов, В. Кульчицкий, Г. Корниенко, В. Кузнецов, Л. Кочедыков, А. Кильштейн, Д. Кучерявцев, А. Ларионов, А. Лавринов, Б. Лейбин, Ю. Ломакин, В. Лебедев, А. Лагошин, Х. Лапш, В. Макушкин, И. Медведев, Ю. Мезенцев, А. Москвитин, В. Мезен, В. Михайлов, А. Майоров, Н. Митрофанов, М. Никифоров, С. Нецачев, Ю. Носалик, А. Нартов, Е. Новоселов, Л. Наконечный, Ю. Назаренко, М. Нетрусов, В. Осин, Н. Пустыльников, П. Пидлисний, А. Петров, В. Пятилов, А. Петухов, А. Райков, В. Рябцов, Н. Романов, А. Растегаев, Н. Романик, П. Санин, Ю. Степанов, В. Сергеев, В. Солончев, А. Соловьев, П. Скуба, В. Телешов, В. Таран, А. Туляков, В. Успенский, Б. Фарберов, С. Федоров, Н. Фицак, В. Федотов, В. Фомичев, Ф. Федоров, В. Холодов, А. Храмов, В. Хитрый, И. Черемеровский, И. Черноглазов, С. Черепанов, С. Шеремет, Л. Щенников, Н. Щербачков, В. Щанников, С. Якименко.

Все 115 победителей награждаются дипломами редакции. Двадцать пять шашечных книг будут разыграны среди победителей с помощью жребия.

Сто восемьдесят два участника

активно выступали в роли пропагандистов шашек и организаторов конкурсов решения задач по месту своей работы или учебы. Все они будут награждены дипломами редакции.

Редакция благодарит всех участников 3-й шашечной олимпиады и желает им творческих успехов.

27-Я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ОТВЕТЫ
НА ЗАДАНИЯ 27-й
ШАХМАТНОЙ
ОЛИМПИАДЫ

I тур

1. В. Чепижный, 1985. Мат в 2 хода. 1. Kpf6! (1 балл)
2. Мат в 2 хода. 1. Fd2. Второе решение: 1. Kpd1 (1 балл)

II тур

1. П. Орлик, 1961. Мат в 2 хода. 1. Ca5!, 1. Ce7? Le5! (1 балл)
1. П. Вильямс, 1897. Мат в 2 хода. 1. Ld2! (2 балла)
1. Е. Цеплер, 1935. Мат в 4 хода. 1. Ce4! de 2. Kph3 e3 3. Ld1+ Kpf2 4. Lf1x (3 балла)

III тур

1. Х. Бартолович, 1948. Мат в 3 хода. 1. d8K Kpc7 2. Kc6! Kb6 3. abx (2 балла)
2. Н. Петрович, 1968. Мат в 3 хода. 1. d8L! Kph7 2. e8C!, 1... Kpf5 2. e8F (3 балла)
3. В. Чепижный, 1984. Мат в 3 хода. 1. e8K! C 2. d8F+, 1... Ce7 2. Kc7-: 1. d8C? C — 2. e8F+, 1... Ce7! (3 балла)

IV тур

1. Л. Куббель, 1912. Мат в 3 хода. 1. Ff3! Kpb4 2. Fc3+ Кра4 3. Фа3x, 1... b4 2. Fc6 b3 3. Cc3x, 1... Kpb6 2. Cd4+ Кра5 3. Фа3x (2 балла)
2. С. Толстой, 1975. Мат в 3 хода. 1. Фа8! d5 2. Fb7 Kpb6 3. Fb6x, 1... Kpb6 2. Kpb4 Kpc7 3. Cd8x (3 балла)
3. А. Галицкий, 1912. Мат в 4 хода. 1. Kpe6! h5 2. Kpe5! h6 3. Kg1 Kpg5 4. Kf3x, 1... Kph5 2. Kpf6 Kph4 3. Kf4 h5 4. Kg2x (4 балла)

V тур

1. В. Шинкман, 1902. Мат в 3 хода. 1. Kpe3! h6 2. Kpf4 Kp:h4 3. Fh1x, 1... Kph6 2. Fg2 Kph5 3. Fg5x (2 балла)
2. Д. Грахам, 1902. Мат в 3 хода. 1. Фе8! Kpe2 2. Fh5+, 1... Kpc3 2. Фа4 (3 балла)
3. Г. Майер, 1895. Мат в 3 хода. 1. Fc3!! Kpe6 2. Fc8+, 1... Kpe4 2. Fc2+, 1... Kpg6 2. Ff6+, 1... Kpg4 2. Фе5 (4 балла)

VI тур

1. Г. Мотт-Смит, 1937. Мат в 2 хода. 1. Фа2! (2 балла)
2. Ю. Мулачек, 1903. Мат в 3 хода. 1. Cc1! Kpg5 2. Kf3+ Kpf5 3. e4x, 1... Kpe5 2. Kc4+ Kpf5 3. e4x (3 балла)
3. О. Вюрцбург, 1896. Мат в 3 хода. 1. Ch4! hg 2. Fh5! Kph1 3. Cf2x, 1... Kph1 2. Cf2 hg 3. Fh5x (3 балла)

VII тур

1. Л. Сас, 1925. Мат в 2 хода. 1. Cf5! (1 балл)
2. Ф. Хултберг, 1963. Мат в 3 хода. 1... Kpb8 2. Ка6+, 1... Kpd8 2. Ке6+; 1. K3b5? Lf8 2. Ka7+, 1... Lf3+ 2. ef, 1... Le7!; 1. K3d5! (2. Фа8+) 1... Lf8 2. Ке7+, 1... Lf3+ 2. ef (3 балла)
3. Б. Линдгрэн, 1957. Мат в 4 хода. 1. Kf5? c4 2. Kd6+ Kpd8 3. Cf5 4. Ld7x, 2... Kpf8 3. Ch7 4. Lf7x, 1... e4 2. Cb5+ Kpd8 3. Kd6+ Kpd8 4. Ld7x, 2... Kpf8 3. Kh6 4. Lf7x, 1... Kpf8!; 1. Kd5! c4 2. Cg6+ Kpd8 3. Kb6 4. Ld7x, 2... Kpf8 3. Kf6 4.

Lf7x, 1... e4 2. Kf6+ Kpd8 3. Ca6 и 4. Ld7x, 2... Kpf8 3. Cc4 и 4. Lf7x (3 балла)

VIII тур

1. X. Вихе, 1905. Мат в 2 хода. 1. Fh1!, 1. Fh5? g5! (1 балл)
2. Г. Муркиш, 1974. Мат в 2 хода. 1. Fg1! (2 балла)
3. Г. Латцель, 1947. Мат в 3 хода. 1. Fg5! g6 2. Фе3, 1... Kpe2 2. Фе3+ (3 балла)
4. Т. Зирс, 1940. Мат в 3 хода. 1. a8K! Kp:b8 2. Kac7 (3 балла)

IX тур

1. Л. Куббель, 1909. Мат в 3 хода. 1. Ch8! Kf6 2. Fg6 Kpe5 3. Фе4x (2 балла)
2. А. Грюневельд, 1937. Мат в 4 хода. 1. Ce5 Cd4 2. Ch8! C:h8 3. Kpc1 и 4. Kc2x (3 балла)
3. В. Пахман, 1954. Мат в 4 хода. 1. Cf8! f5 2. Ce7+ Kpe8 3. Cg5+ Kpf8 4. Ch6x, 1... a4 2. Cb4! 3. Cc3 c5 4. Ca5x, 1... c5 2. Cd6 3. Фе7+ Kpc8 4. Fc7x (3 балла)

X тур

1. Н. Хоер, 1918. Мат в 5 ходов. 1. Cf3 Cb3 2. Cg4 Cc4 3. Ce6 Cb3 4. Cc8, 2... Ca4 3. Ce6 Cc6 4. Cc8 (2 балла)
2. Ф. Палатц, 1937. Мат в 6 ходов. 1. Фа1+ Lc1 2. Фа2 Ла1 3. Fb2 Lc1 4. Fb3+ Lc2 5. Фа4 Kpc1 6. Фа1x (2 балла)
3. Э. Биргфельд, 1918. Мат в 4 хода. 1. Kpb3! Kd4+ 2. Kpc3 Ke2+ 3. Kpb2 K:g3 4. Kc3x (3 балла)

XI тур

1. А. Каковин, 1959. Ничья. 1. Kpb4! Ke4 2. Kg3! Ld5 3. Kpe4 (3. K:e4? Ld4+) 3... Kf6 4. Ke4! Lf5 5. Kd6+ (2 балла)
2. Л. Эрлик, 1929. Выигрыш. 1. c7 Lb5+ 2. Kpc4! (2. Kpb4? Lb5+ 3. Kp:b5—пат!, 3. Kp Lb8!) 2... Kpd6 Ld5 3. Kp:d5 Kpb7 4. Kpd6 Kpc8 5. Kpc6—пат!; 2. Kpc6 Ld5 3. c8F Lc5+ 4. Kp:c5—пат!) 2... Ла1! 3. Cc6 Lc1+ 4. Kpd5 Ld1+ 5. Kpe6 Le1+ 6. Kpf7 Lf1+ 7. Kpg7! (7. Kpg8? Lb1 8. c8F Lb8!) 7... Lg1+ 8. Kph7 (2 балла)
3. Ф. Лазар, 1911. Выигрыш. 1. Kf4+ Kph6 2. Ke6 Le8 3. g8F L:g8 4. Kf8 Lg5! 5. Kg6!! (5. e8F? Le5+ 6. F:e5—пат!)—3 балла.

XII тур

1. Г. Канос, 1937. Мат в 2 хода. 1. Cc4! (1 балл)
2. Т. Зирс, 1947. Мат в 3 хода. 1. Cb8! 2. Kg6+, 1... Kc6 2. Ке6+ (1 балл)
3. Г. Ринк, 1940. Выигрыш. 1. Ld7+ Kpb6 2. Lb7+! Kpc5 3. Lb5+ (3. Lc8+? Kpd4 4. Lc4+ Kpe5) 3... Kpd4 (3... Kpd6 4. Ld5+ Krc7 5. Le7+ Kpb6 6. Lb5+ Kp:b5 7. Cd7+) 4. Ld5+ (4. Ld8+? Krc3 5. Lb3+ Kpf2 6. Lb2+ Kpg1 7. Lg8+ Cg3) 4... Krc3 5. Lc8+ Kpb6 6. Lc4+! Krc3 7. Ld3+ Kpb2 8. Lb3+! Kp:b3 9. Le4+ (3 балла)

XIII тур

1. К. Бетинисало, 1888. Мат в 3 хода. 1. Cg6! Kpd5 2. Fb6! Kpc4 3. Fc6x, 2... e5 3. Cf7x, 1... e5 2. Ce8! Kpd5 3. Fc6x (2 балла)
2. П. Сола, 1934. Мат в 3 хода. 1. Cc6!! Kp:c5 2. Фа5!, 1... Kp:c4 2. Фе5 (2 балла)
3. В. Киви, 1934. Ничья. 1. Kpg7 d1F (1... Kpg4 2. Kf6+ Kpf5 3. Kd5) 2. Kf6+ Kph4 3. Kd5+ Kpg3 4. Cc7+ Kpf2 5. Cb6+ Kpe1 6. Ca5+ Kpf2 7. Cb6+ (2 балла)

XIV тур

1. М. Лехтисало, 1979. Мат в 3 хода. 1. Ke4! 2. L:d3, 1... Cf2 2. Lb2!, 1... Kf4 2. Lg3! (2 балла)
2. М. Лансаари, 1939. Ничья. 1. Lb3+ Kpa6 (1... Кра7 2. Lf3 Ke3+ 3. Krc5 f1F 4. Lf1! K:f1 5. Kpb5) 2. Lf3 Ke3+ 3. Krc5 f1F 4. Lf6+ F:f6—пат! (3 балла)
3. Д. Гунст, 1949. Выигрыш. 1. Ca6+ Kpb8 2. Kc6+ Кра8 3. Kpg2! Препятствуя маневру Cf6—b2—c1. 3... Ch4 4. Kpf3 Cg3 5. Cc8! Ch2 6. Kpf2! Cg3+ 7. Kpe2! Ch2 (7... Ch4 8. Kpf3 Cg5 9. Kpg4 Ch6 10. Ca6!) 8. Kpf3! (8. Ca6? Cg1 9. Kpf3 Cc3) 8... Cg3 9. Ca6! Ch2 10. Kpg4 Cg3 11. Kpf5! C 12. Kpe6—d7—c8 (4 балла)

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 05.11.85. Подписано к печати 19.11.85. А 04667. Формат 70 × 108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 2965. Заказ № 1851. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

— О, сколько раз! За один летний сезон я даю в Италии примерно 80 концертов. Это много, очень много. И почти всегда обязательно наталкиваюсь на неприятное, на враждебное к тебе отношение. Впрочем, может быть, дело не в аудитории, а во мне самой? Я ведь тоже человек, могу плохо себя чувствовать, быть усталой и не выложиться на все сто. А публике это сразу замечает, мое раздражение тотчас передается ей. Да, от публики многое зависит. Я знаю исполнителей, которые в свое время «обстреляли» картошкой и которые все-таки выстояли, поскольку твердо верили и себе, и свое предсказание.

— Скажете, как же вам с Энцо удаются сочинять музыку вдвоем?

— Сочинять — громко сказано. Когда мне приходит в голову мотив, беру гитару и наигрываю что-нибудь под «ля-ля-ля». Энцо записывает ноты, обрабатывает и арранжирует мелодию. Таким вот образом мы написали песню «Ангел мой», которую я посвятила моему сыну, и все вещи моего последнего, третьего по счету альбома.

— А кто пишет песенные тексты?

— 49-летний поэт Луиджи Альбертини.

— Сами вы стихов не пишете?

— Никогда. Поэтом надо родиться. Впрочем, своими написанными текстами я оказалась первой остротой большую услугу.

— О чем же нравятся петь?

— О любви! Но не о любви вообще, абстрактной какой-нибудь, и не декларировать: «Я тебя люблю, и не люблю тебя». Мне нравится, когда речь идет о любви и как бы не о ней, а о жизни. Сейчас особенно предпочитаю, сидя в кафе, пить кофе, раздается стук дверки машины, открывается дверь — и...

— Пожил: нужны конкретные детали, подробности...

— Вот-вот, милочка повседневная. Только на сцене деле это никакие не мелочи, в песне они вдруг оживают, становятся реальными. Ишь для них, разумеется, кто влюблен.

— Если бы любви не существовало в природе, о чем бы вы пели?

— Как это так не существовало?! Я бы ее придумала!

— Вы подражали кому-нибудь?

— Моя любимая певица — Элла Фитцджеральд. Она останется в веках. Я знала, что никогда не смогу петь, как она, поэтому сразу для себя решила, что подражать ей бессмысленно. Как и всем остальным.

— Когда поет Берто, поражает ее экстравагантность и хрипотца, в Донателли — эксцентрическая манера поведения, в Манини — пронзительность. А ваш сценический образ, он какой?

— Мой сценический образ — обыкновенная, нормальная женщина. Которая любит петь. Не рок, ни джаз — обычную астрадную песню, итальянскую!

ВО ВСЕМ = ИТАЛЬЯНЦЫ

Единственной, чего я добивалась, чтобы зритель, мне соперничал и чтобы у него хоть раз мурашки по коже пошли. Хоть разочек!

— Вы задумывались над тем, что будете делать лет через 20?

— Петь! И в восемьдесят один год и буду делать то же самое — петь!

— Старушка подойдет к микрофону?

— Конечно! Если сохранится голос. А если серьезно... Если я не буду петь, жизнь потеряет для меня смысл. Не для красоты слога говорю — и буду петь, пока живу!

— Вы верите в свою удачу?

— До сих пор меня мучают сомнения: а вдруг я поймала что-то чужую удачу, да?

— Что вы скажете о проблемах итальянской молодежи?

— Проблема номер один — наркотики. Потом безработица, преступность. Проблем множество. Даже на уровне той же школы: многим учителям не мешало бы самим сесть за парту.

Огромная проблема одиночества. В отношениях между мужчиной и женщиной до ушла мало нежности. Молодые растут эгоистами, холодными людьми, не верящими в брак. Женщины подстраиваются под мужчину, хотя все должно быть как раз наоборот. Я несколько старомодна, но думаю, что женщина все же должна быть более заботливой, тогда и мужчина пойдет на уступки. Уשל настоящих мужчин становится все меньше и меньше.

— Кого вы знаете из советских эстрадных исполнителей?

— «Миллион, миллион, миллион алья роз...» Приятная мелодия.

— Марина, можно задать «нескромный» вопрос: есть ли у вас недостатки? На мой взгляд, их нет. А на ваш?

— Я счастливчик со всеми вытекающими отсюда последствиями. Выхлопана, быстро завожусь. Вообще у меня много недостатков, например... Нет, и женщина без недостатков. Когда-то мне рассказывали, они у меня были, а сейчас сплыли. (Смех.) Утром гляжусь в зеркало — недостаток или недостаток! Чутьку подрашусь — как рукой...

— А достоинства?

— О, «миллион, миллион, миллион...» Шушу. Я обыкновенная женщина, любящая нашу землю людей и особенно детей. И, как и любой женщине, мне больно видеть, что в мире столько слез и страданий. Если бы могла, уничтожила бы все болезни. Да, одно свое достоинство чуть не забыла — умение петь.

— Вы сказали, что любите людей. Всех?

— Кроме тех, кто джет.

Фото
Сергея
ВЕТРОВА